

СЛАВА ДОРОНИНА

СОЛОМОН
ЗАБЫТАЯ НЕЖНОСТЬ

Слава Доронина

Соломон. Забытая нежность

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68695802
Соломон. Забытая нежность: Avtorskie-txt; 2022*

Аннотация

Наш дом сгорел дотла, и мы с младшей сестрой остались без крыши над головой, без денег, без документов. А случайный приезжий, приехавший в наши места отдохнуть, протянул руку помощи и не оставил в беде. Он взрослый, влиятельный, а его магнетический взгляд заставляет мое сердце бешено стучать в груди... И нет ни единого шанса остаться равнодушной.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	34
Глава 5	40
Глава 6	46
Глава 7	53
Глава 8	60
Глава 9	67
Глава 10	74
Глава 11	81
Глава 12	88
Глава 13	96
Глава 14	107
Глава 15	117
Глава 16	123
Глава 17	135
Глава 18	145
Глава 19	152
Глава 20	159
Глава 21	167
Глава 22	175
Глава 23	184

Глава 24	191
Глава 25	199
Глава 26	204
Глава 27	211
Глава 28	222
Глава 29	230
Глава 30	240
Глава 31	251
Глава 32	262
Глава 33	272
Глава 34	283
Глава 35	294
Глава 36	303
Глава 37	313
Эпилог	324
Бонус 1	330
Бонус 2	338
Бонус 3	347
Бонус 4	353
Бонус 5	358
Бонус 6	365
Бонус 7	373
Бонус 8	384
Бонус 9	395
Бонус 10	402

Слава Доронина

Соломон

Забытая нежность

Глава 1

Соломон

Впервые за долгое время не нужно было никуда ехать. Я остался дома, а не отправился на работу, как обычно. Давно заслужил небольшой отпуск. Стоял с кружкой горячего кофе у окна и думал о том, что хочу уехать из города хоть ненадолго, не то меня снова хватятся мои подчинённые, и все начнётся по новой. А так хотелось открыть утром глаза, подойти к окну и увидеть не высокие безликие многоэтажки, а зелёные деревья и речку, услышать щебет птиц, почувствовать эту тихую умиротворённость и просто побыть одному, наедине с самим собой. Вдали от цивилизации.

Поставил кружку на подоконник и потянулся. Вернулся на кухню, включил плиту. На завтрак снова омлет и тосты с джемом. Все, как всегда. Словно отлаженный механизм. Надоело. Хорошо хоть Свету вчера домой отправил. Никак я не привыкну к мысли, что у меня вроде как девушка была.

А вроде, как и один я был, и никто мне равным счётом был не нужен. Друзья давно звали меня отдохнуть, ещё с прошлого года рекламировали какое-то тихое и красивое место недалеко от Воронежа. Показывали фотографии: небольшие уютные домики, расположенные на живописном берегу реки. Позади них простирался лес, а главное достоинство – абсолютная тишина и чистый воздух. Несколько человек из нашей компании даже всерьёз озадачились покупкой недвижимости в Рыбачьем поселке. Наверное, вспоминалось наше босоное детство. Но какая-то душевность в этих местах определенно присутствовала, да и финансовое положение позволяло купить подобную «игрушку», так почему бы не совместить приятное с полезным?

Отложил нож и вилку и потянулся к телефону, озадаченно покрутил его в руке и все же набрал Стаса. Он ответил практически сразу.

– Привет, давно не объявлялся. Ушел в подполье... – с ходу начал он. – Как дела?

Я лишь недовольно свел брови и тут же пожалел, что позвонил.

Раньше мы часто зависали со Стасом. А сейчас почти не общались или созванивались по какому-нибудь поводу на пару минут. Я отгородился от старых друзей. Нет не потому, что завёл новых, а потому, что хотел порвать с прошлым. О нем не то, что вспоминать было тяжело, говорить невозможно, в груди сразу тяжелело, и ком к горлу подступал. Эти

грустные воспоминания длинными щупальцами плотно держали меня в своих холодных объятиях и в любой момент грозились сжать до удушья, до дикой боли в грудной клетке. Прошло уже много лет, но я все никак не мог оправиться от потери любимой женщины и нашей дочери. Такое невозможно забыть и перестать чувствовать боль, когда вспоминаешь о них и думаешь, как мы могли бы быть счастливы все троим. Именно поэтому старые связи стали для меня обременительным грузом, от которого я махом избавился. Легче от принятия такого решения не стало, но... каждый выбирает в итоге свой путь. Мой заключался в том, что я погрузился в работу и отгородился от всего, что напоминало мне о Наташе и Асе.

– Нормально. Завершил удачно один проект, вот хотел отдохнуть, вспомнил о Рыбачьем поселке. Ты в прошлом году фотки дома присылал на мейл. Одолжишь на пару недель? Может быть, так понравится, что сторгуемся и куплю у тебя ненужную безделушку? – спросил я.

Выезжать за пределы страны не было никакого желания. А вот запрыгнуть в своего верного четырехколесного товарища и отправиться в глухомань было бы самым верным и правильным решением. Так я устал от людей, бесконечной колготы, офисных работников в костюмах, разговоров об одном и том же... меня аж передернуло, когда я обо всем этом подумал. Мечтал побыть немного вдали от цивилизации в тихом и спокойном месте. Я даже телефон выключу или слу-

чайно забуду в Москве. Сейчас в поселке было очень красиво: буйство ярких осенних красок, и разгар бабьего лета. Синоптики обещали, что тепло продержится еще как минимум две недели. А я как раз найду, чем заняться – выплусь, порыбачу, сварю уху, пожарю мясо, посижу у костра, погуляю по лесу, покатаюсь на лодке, может быть, гербарий соберу, как в детстве. От последней мысли я даже улыбнулся. Правда, грустной улыбкой. В общем, перезагружу свою нервную систему, потому что устал как собака и только, когда отдохну, приступлю к новым делам и проектам. И ни днем раньше. Гори все синим пламенем. Иногда в жизни наступают такие моменты, когда ты понимаешь, что дошёл до конечной остановки и стоишь в оцепенении, и думаешь о том, что делать дальше. Я вот как раз сейчас и находился в таком состоянии. Эмоционально выгорел и устал. Доехал до конечной станции и решил выйти, чтобы подождать следующего автобуса с новым маршрутом.

– Да не вопрос. Ключи завезти или сам заедешь? – спросил Стас, почувствовав по интонации моего голоса, что я не располагал к душевным беседам и по-прежнему держал дистанцию.

– Сам, – прикинул в уме, что на сборы у меня уйдет от силы полчаса. – Через час буду у тебя.

– Добро, – ответил он и разъединил связь.

А я отчего-то ощутил внутри подобие облегчения, будто несколько лет сидел в заточении, и вот меня выпустили на

свободу. Оставалось лишь раскинуть руки в стороны и громко о том закричать на всю округу, чтобы мой голос эхом затерялся в многоэтажках.

Словно маленький мальчишка, воодушевленный захватывающим путешествием, я гнал на машине в сторону Воронежа. Накупил в супермаркете еды быстрого приготовления, но предвкушал, что у местных жителей смогу купить свежих овощей и фруктов. Так с ходу и не вспомню, когда ел варёный деревенский картофель. Или, к примеру, домашние соленья. Как будто несколько лет я спал и вот, проснувшись, торопился нагнать то, что пропустил за все это время.

Всю дорогу я всячески хватался за какие-то клочки детских воспоминаний, чтобы осознать, что я не уезжал от себя, а ехал за... не знаю, зачем я туда ехал. Вполне готов был к тому, что мог погрузиться в себя и уйти на дно своего одиночества и отшельничества. Но даже и это меня больше несколько не страшило. Сбегал в глушь не столько от шумного мегаполиса, сколько ради того, чтобы немного побыть одному. От Светы тоже сбегал, даже в офисе не оставил своих координат. Включил на всю громкость музыку, постукивал пальцами по кожаной обивке руля в такт ритмичной мелодии и следил за дорогой. Осознание, что прежняя жизнь осталась где-то далеко в прошлом вместе с тем же жизнерадостным и улыбчивым Соломонышкой, больно кольнуло в левой стороне. Я вспомнил, как часто меня раздражало это слово. Наташа говорила мне, что я ее солнышко и в новой интерпрета-

ции любила ласково называть меня этим несуразным определением. Улыбалась своей красивой улыбкой, смотрела на меня горящим, влюблённым, полным обожания взглядом и говорила это ненавистное мне слово. А потом льнула и ластилась, тянула в дом, и они с Асей не отходили от меня обе ни на минуту. Или я не выпускал их из виду, не суть. Но домой летел каждый день как обезумевший, и от любви и нежности к моим девочкам внутри все ликовало, и мир хотелось обнять, лишь бы видеть улыбки на их лицах и слышать это ненавистное Соломонышко. Ася так и не научилась до конца выговаривать эту несурязицу, что придумала Наташа, и повторяла Соломыско, а Наташа смеялась ещё счастливее и никогда не расставалась с видеокамерой, записывая все Асины достижения, и умелки, и детский лепет. Говорила мне, что в старости будем сидеть и пересматривать, вспоминать, какая дочка была маленькая, а мы молодые. Эти воспоминания болью отзывались не только в груди, но и в солнечном сплетении. Иной раз эта боль была такой сильной, что невозможно было вдохнуть. Впрочем, как и выдохнуть. Я часто слышал слова, будто время лечит, но оно лишь притупляло боль, словно ты временно находился под обезболивающими средствами. Но в момент рецидива или обострения боль возвращалась и меньше не становилась.

Перед глазами предстал тот день, когда я вернулся домой и застал убитыми жену и дочь. Хрупкое тело моей маленькой трёхлетней девочки распласталось на полу рядом с ее

матерью, а я в тот момент ощутил, как у меня выдирало лёгкие. Уже когда силы кричать кончились, я сел на пол возле них и плакал. Мне казалось, что это неправда, какой-то сон, что сейчас я отмотаю немного время назад, и все будет как прежде, мои лучики всегда рядом со своим Соломоньшком. Как в тот день я не тронулся умом, не знаю. Но я вызвал скорую и полицию, держал на руках крошечную, бездыханную девочку и не мог остановиться – рыдал навзрыд. Будто это не ее убили, а меня. На самом деле так оно и было. Пять лет назад я превратился в безликое существо, которое перестало жить, а осталось существовать на этом свете. Убийцу нашли. Им оказался вор, какой-то наркоман пробрался в нашу квартиру. Моей жене он нанес несколько ножевых ранений, и к тому времени, когда я вернулся домой, она уже потеряла много крови, и ее не спасли. А дочку он убил прямым попаданием в маленькое сердце. И если с утратой близкого и родного человека ещё как-то возможно смириться, то со смертью собственного ребенка никогда.

Вспомнив красивое, светлое личико своего ангела с белокурыми локонами, я на секунду прикрыл глаза, и когда открыл, заметил, как на дорогу выскочила девушка. Миниатюрная и светловолосая, одетая в пацанскую одежду. Зажмурив глаза, она застыла на месте, а я ударил по тормозам. Девушка все же получила легкий удар, скорее даже толчок, я успел затормозить в аккурат рядом с ней. Выскочил из машины и, забыв о том, что стало причиной это неосмотритель-

ности на дороге, которая чуть не стоила незнакомке жизни, я кинулся к ней. Но та уже поднялась с асфальта и смотрела на порванную джинсовую куртку, которая явно ей была велика. Девушка перевела на меня большие светлые глаза, которые не отражали и грамма испуга, а ее равнодушный, можно даже сказать обреченный взгляд, задел меня за живое. В этой несуразной одежде она походила на художавого подростка. Да мне далеко не двадцать, но и незнакомка на малолетку особо не походила, взгляд уж слишком взрослый и осознанный. Хотя внешность иной раз была обманчива.

Девчушка снова взглянула на куртку, а потом подняла на меня расстроенный взгляд и по-прежнему молчала, лишь тяжело дышала – и это сбивчивое, рваное дыхание выдавало ее волнение.

– Ты как, в порядке? – спросил я, разглядывая девушку.

Светлые волосы собраны в хвост, на лице ни грамма косметики, в уголках слегка раскосых глаз веснушки. Я уже практически въехал в посёлок, оставалось найти нужный дом, когда случилась такая вот непредвиденность. Не хотелось начинать отдых с посещения местного участка полиции или в разъездах и поисках медицинского учреждения для оказания помощи.

– В порядке? – повторил я вопрос, заглядывая ей в лицо.

– Да... – тихо отозвалась она.

– Анька, зараза такая, а ну стой! Куда Машку спрятала? – раздался громкий женский крик неподалеку, а на лице де-

вушки наконец-то отразилась хоть какая-то гримаса помимо безразличия.

Девушка вытянула шею, разглядывая кого-то или что-то за моей спиной. Я не удержался и из любопытства тоже повернул голову в сторону. С другого конца улицы бежала женщина, размахивая чем-то большим округлым, похожим на коромысло. Моя «жертва» прикусила губу, перевела на меня все тот же растерянный, немного печальный взгляд, развернулась и бегом кинулась прочь. Ничего не понимая, что это было, и куда девушка так резко сорвалась с места, я смотрел ей вслед. Мимо бодрым шагом, едва не переходя на бег, промелькнула та самая женщина. Она хотела было мне что-то сказать, но, махнув рукой, лишь ускорила шаг.

– Анька! – кричала она, судя по всему, той самой девице.

Пожав плечами, я ухмыльнулся и вернулся в машину, испытывая облегчение, что все обошлось. Чувствую, нескучно мне будет жить эти дни в поселке. Местные жители, словно близкий круг родственников, где все друг о друге все знали, с благоговейным трепетом «примут» в свои круги чужака, чтобы перемыть ему все косточки. Став свидетелем этой непонятной сцены, я пришел к заключению, как можно реже показываться на людях, чтобы не стать достоянием общественных пересудов. И хорошо еще, что не додумался приехать на своем шикарном Мерседесе в такое захолустье, хотя и этот красивый, но уже устаревший внедорожник был как бельмо на глазу.

Дачные домики выстроились в небольшой рядок. Осень накладывала свой отпечаток и придавала этим местам ауру сказочности. Яркие цвета перекликались, вызывая зрительный восторг. Я остановил автомобиль и заглушил двигатель. Вышел из машины и глубоко вдохнул, ощущая внутренний подъем. Стас предупредил меня, что в доме, кроме водопровода, ничего не подведено. То есть газа не было, канализации тоже. Но свет и вода все-таки уже что-то, чем ничего. Зимой в поселке оставались только старики, обычно дачные домики пользовались спросом лишь в теплое время года. На случай холодов, люди запасались дровами и топили печки, согревались обогревателями. Есть готовили на электроплитках. Перед домом Стаса был разбит живописный сад, который жил своей отдельной жизнью – за ним никто не ухаживал. Дикий виноград разросся по всему забору и уже тянул свои ветви к дому. Красивый багровый оттенок листьев сильно контрастировал на фоне голубого забора и такого же цвета дома. Поставив машину на сигнализацию, я вошел во двор и оказался в оазисе тишины и умиротворяющего покоя. Мне показалось, что я вернулся домой. Когда-то ведь тоже жил вот в таком вот богом забытом месте. Купался в ключевой воде в летнее время, загорал на солнышке, пек картошку на костре с соседскими ребятами – будто вернулся в детство. Бил по соседским банкам из самодельной рогатки. Баба Зоя была та ещё злыдня, вечно брюзжала на нас, и не жалко мне было ее банок. Она вывешивала их сушиться на смежный забор –

пузатые трехлитровые банки, а я сшибал их камешками из рогатки, а потом получал от матери подзатыльники.

В дом я не торопился заходить. Стас говорил, что рядом есть спуск и небольшая пристань с лодками. Я обошел двор и нашел калитку, открыл ее и спустился по крутым ступеням вниз. Хотел осмотреть все владения, чтобы распланировать, чем займусь в первую очередь. На берегу расположились несколько лодок, старых, прохуdivшихся, не пригодных к сплаву по речушке. Но вид, что простирался передо мной, оказался настолько живописным и не шёл ни в какое сравнение с картинками из телефона. Затаив дыхание, я замер на месте, прислушиваясь к тихому плеску воды, пению птиц и шелесту листьев. Так красиво было вокруг, живой уголок природы, не тронутый руками человека. Дома и пристань так гармонично смотрелись, что казалось, так было всегда. Изначально задумано. И одновременно похоже на сказку.

Непонятный звук, лишь отдалённо похожий на человеческий возглас, привлек мое внимание, и я пристально осмотрелся вокруг, но никого не увидел. Затем заметил, как качнулась одна из лодок, и снова звук, но уже похожий на всплеск воды. Спустившись вниз, я подошел к лодке и заглянув внутрь, обнаружил там двух девчушек. Одна из них была ещё совсем ребёнком, а вот та, что постарше... ее я видел буквально полчаса назад, когда едва не сбил на машине.

Глава 2

Соломон

Тихо прокашлявшись, я склонился над лодкой, а девчужки испуганно прижались друг к другу и затаились, словно маленькие ежики свернулись в клубок – иголок разве что не хватало.

– Аня, – пискнул детский голосок, – мне страшно. – Они нас нашли, да?

– Не бойся, это не они, – тихо проговорила взрослая девчужка, с нежностью глядя в детское лицо.

С интересом и ухмылкой на лице я наблюдал за двумя маленькими комками и недоумевал, что за шалости и игры заставили девочек забраться в прохудившуюся лодку. Какая-то игра в прятки? А главное, как они пробрались на пристань? Подход был только с частных домов. Если только они не жили поблизости...

– Выбирайтесь, – мягко попросил я.

Пусть погода на улице стояла теплая, но простыть можно безо всякого труда, особенно вот той – самой маленькой девочке. Удумали ведь прятаться в сырой, прохудившейся лодке! Я отлично еще помнил, что у детей намного слабее организм и иммунитет. Ася если чуть переохлаждалась, тут же заболела и шмыгала носом.

Потянулся руками к белокурой девочке и достал ее из лодки. Понимал, что не стоит прикасаться к чужому ребенку, но вспомнил об Асе, и мое сердце болезненно сжалось, и я не смог совладать с эмоциями, чтобы не подержать светловолосого ангела на руках. Не понимаю, что на меня нашло, обычно я чурался чужих детей, но этот вид испуганного и забитого комка вызывал непонятное чувство нежности, и я снова подумал об Асе.

Девочка не противилась к моему удивлению, а наоборот прильнула ко мне и уткнулась в грудь, пряча свое личико.

Та, что была старше, которую я едва не сбил на дороге, выбралась из лодки следом. Только сейчас обратил внимание, что такая миниатюрная и худенькая она была, что, наверное, я бы обеих без проблем донес на руках до дома. Даже чаем бы напоил и спросил, зачем они прятались в сырой лодке.

– Что случилось? Что за глупые игры? Вы обе насквозь промокли, – маленькое тельце прижималось к моей груди и дрожало от холода. Может быть и от страха, я не мог разобрать. Но у обеих девушек, я предположил сестер – они были очень похожи, был забитый и испуганный вид.

– Да что случилось... – буркнула раздосадовано старшая. – Родители снова напились до чертиков и гоняют. Я Машку в руки и бегом из дома, пока не начали воспитывать. Спрятала здесь, хотела вещей теплых взять, но не успела.

– Прошлый раз папа так сильно ударил меня, что у меня из губы кровь пошла, – ожила маленькая принцесса, подня-

ла свое лицо и показала мне на пухленькую розовую губку пальчиком.

Девочка и правда была очень сильно похожа на принцессу. Ее только отмыть и нарядить в кукольное платьице, и самая что ни на есть принцесса, как из сказки! Приехал, называется отдохнуть на свою голову... Однако жестокость к детям никогда не укладывалась в моей голове. Да и пьющие родители тоже. Мои, слава Богу, здоровствовали и были приличными людьми. Жили в Подмосковье в большом частном доме, только я редко их навещал в силу плотного и занятого рабочего графика, но по большей степени встречи стали редкими из-за той трагедии с Асей и Наташей. Я ощущал себя в их доме дискомфортно и чурался всей этой семейной теплоты и уюта – всего, что хоть мало-мальски напоминало мне о моей семье, о том, что теперь той не было.

Иногда я задавался вопросом, как мне все-таки удалось пережить эту боль, эту утрату и не растерять здравого рассудка. Первое время мне волком хотелось выть от тоски по ним на луну. И даже на солнце. Просто выть, как ломало меня от боли. Временами эти обострения повторялись, но уже реже и на месте некогда выжигающей боли остался огромный рубец, который кровоточил, стоило к нему прикоснуться. В груди жгло и пекло так, словно из меня изгоняли дьявола, прикладывая к той освещенный крест. Если бы тот подонок, что их убил, не умер в тюрьме, то сам лично бы его убил и даже ни капли не пожалел об этом поступке.

В тот дом, к слову сказать, я больше так и не смог вернуться, место, где оборвались жизни двух драгоценных для меня людей. Но и продать не смог. Так и осталась квартира пустовать с того дня. Я купил позже новую и старался не появляться в прежнем доме, лишь изредка заезжал проверить краны и счетчики и каждый раз, задерживаясь там, возвращался домой, будто после серьезного сражения, получив ранения, несовместимые с жизнью.

– Ладно, – я тяжело вздохнул, жалея этих детей за непутевых родителей, с которыми им так не повезло. – Идемте. Я сам только что с дороги. Расскажите, что случилось. Придумаем, как вам можно будет помочь. Я Игорь, но друзья зовут меня Соломон.

– Я Аня, – совсем взрослый, осознанный взгляд девушки снова зацепил меня за живое. – А это Маша, моя младшая сестра, – перепачканное лицо Кукленыша просияло, и она искренне улыбнулась.

Девочки на удивление не боялись меня, хотя я лишь с виду был таким строгим и большим, да еще не брился несколько дней, а внутри я был очень добрым и мягким. Не со всеми и не всегда, правда. Но ведь недаром говорят, что дети все чувствуют? Без напускного официоза и суровой маски, с какой привык руководить из кресла своей компании, я был похож на обычного мужика со своей болью и потерями. И перед этими детьми не нужно было держать марку и делать вид, что мне безразлична их судьба. Почему-то стало небез-

различно. Как представил, что Кукленьша отец бил по лицу, от гнева в груди клокотать все начинало. Руки бы повыдергивал недоумку.

Маша так больше и не слезла с моих рук. На вид девочке было около пяти или шести лет. А вот Аня была постарше. Намного старше. Смеею предположить, самый расцвет ее юности и молодости, ибо я заметил, что девушка уже обладала всеми нужными изгибами и выпуклостями в нужных местах. А выглядела очень юной за счет отсутствия косметики на лице. От этого я уже, честно сказать, тоже отвык. Привык видеть у женских лиц ровные оттенки кожи, замаскированные пудрой, а здесь вот даже обратил внимание на несколько веснушек у нее на носу и возле больших глаз и незаметно улыбнулся сам себе.

Открыв дом ключом, я переступил порог, оглядываясь по сторонам. Дом был просторным, с крыльцом и верандой, одноэтажным, что меня порадовало. Мы прошли через коридор и оказались в проходной комнате. По правую сторону расположилась кухня, по левую – еще одна комната. И все. На том роскошь и просторы этого дома закончились, но мне он показался вполне уютным и компактным.

Я посадил девчушку на диван, а сам оглянулся по сторонам.

– Сейчас найду чайник, – сказал я, забыв о том, что газа в поселке не было. А догадаться взять с собой электрический, у меня как-то даже не возникло мысли. Будет повод

выбраться на днях в город. Но для начала осмотрюсь, чего не хватало еще.

– Я помогу, – Аня взглянула на меня и скрылась на кухне. – У нас дом примерно такой же планировки, как ваш, – донесся ее голос из кухни.

Послышался шум и грохот кастрюль. Я не удержался и подошел к двери – так было любопытно взглянуть, что она там делала.

– Но водопровода у нас нет, – крикнула она, набирая воду в глубокую посудину, не обращая внимания, что я стоял практически за спиной.

– А как же вы зимой живете? – спросил я, разглядывая девушку.

Светлые волосы, спутанные, но такие красивые, слегка вьющиеся, лежали на ее плечах, ровный острый подбородок, пухлые губы и выразительные светлые глаза. Очень умные, с осознанным взглядом, будто она уже целую жизнь прожила – наивности в глазах ее точно не было ни капли. С такими родителями-то... Не удивлюсь, если и сестра младшая была полностью на ее плечах, а родители даже не интересовались делами девочек.

– Да как все и живем. Печку топим. Я прошу соседа, он колет иногда дрова, если отец ушел в запой. Мать работает вахтовым способом, по две недели ее дома не бывает, все хозяйство считайте на мне. Справляемся, – она махнула рукой. – Если бы не пили они, куда лучше жили, – грустно ска-

зала девушка. – А так Машку мне, конечно, жалко, – уже тише добавила она. – Вон даже не знаю, как вести ее домой, трясется от страха, как осиновый лист, и по ночам плачет от испуга.

– Да зачем же вы это терпите? – недоумевал я.

Хотя и понимал, что рассуждать всегда легко. А у девочек, по-видимому, и не было никакого другого угла, чтобы куда-то податься или убежать. А если обе несовершеннолетние, то какое, бежать. Незаконно...

– А куда идти? – девушка озвучила мои мысли. – Я-то совершеннолетняя, а Машка? Как мне оставить ее одну? На растерзание... этим? Да я как подумаю, что она одна останется, без меня, без моей поддержки и заботы, так я лучше рядом буду и бегать вот так по поселку и ждать, когда мать опять на вахту уедет, а отец дальше искать собутыльников. Он бывает, как исчезнет, хоть живем спокойно эти дни.

– А садик, школа? Ты сама-то учишься? – я был неприятно удивлен, узнав, что такая дикость еще существовала в нашем мире.

Став офисной крысой, купаясь в роскоши и достатке, я совсем не думал, что есть в глубинке такие вот дети и неблагополучные семьи. В общем, был неприятно удивлен. Совсем не размышлял о подобных моментах...

– Машке рано еще, только на будущий год в школу идти. Я на автобусе ездила в школу. Иногда пешком, когда погода позволяла. Зимой тут сугробы, совсем не чистят ничего.

Приходилось и пропускать по несколько дней. А вот осенью никуда не поступила, до проходного бала в вуз не хватило двух очков, а идти на заочное, у меня нет денег. Устроилась уборщицей в магазин, коплю потихоньку. Буду пытаться поступить на следующий год. В этот раз уже буду одновременно подавать документы в несколько вузов, может, хоть в одном повезет, – Аня подняла лицо и смущенно улыбнулась, заметив мой пристальный и обескураженный взгляд.

Мне стало снова не по себе. На плечи девушки легло непомерно много ответственности – не по годам. Сестра. Учеба. Работа. И как я понял, никакой помощи от родителей. И ужасные, чудовищные условия жизни.

– Да и на первое сентября собрать ребенка, знаете, сколько нужно денег? – вдруг зарядила она. – Я сходила на днях к соседке, у нее дочка пошла в этом году, я в ужас пришла. Потому и устроилась на работу. Этим нет до нас никакого дела, – говорила она тихо.

А я уже второй раз отметил про себя, что девушка называла родителей неопределенно – эти. Неужели те были такими вконец бесчувственными скотами? Посмотреть хоть одним глазком, даже не верится...

Не знаю, что на меня нашло, наверное, стало жалко девочек. А маленькая так напоминала Асю, что аж в сердце щемило.

– У меня в машине пакеты с едой, сейчас принесу. Если хотите, тут переночуйте, ляжете вон в той комнате, – кивнул

в сторону той, что была посвободнее.

– Нет, мы сейчас обсохнем и пойдём домой. Мы на учёте состоим, как неблагополучная семья, – щеки девушки покрылись румянцем. – Нельзя нам... – и тут же осеклась.

Но я все же почувствовал какой-то подвох в ее словах. Или ей просто-напросто неприятно было говорить о подобном. Чего она стеснялась?

– Почему? – спросил я, не понимая, какое значение это имеет в данной ситуации. Родители пили и навряд ли заметили бы отсутствие девочек.

– Спасибо. Домой мы пойдём, – твёрдо повторила девушка. – Сейчас Маша успокоится. Она просто панически боится отца, когда он выпивший. А мать вернулась сегодня с заработков, и они пьют весь день. Сейчас как раз уснут, и все нормально будет. – Уверена? А вы где живёте? – на всякий случай спросил я. – Да здесь, недалеко через дом. Три года назад как раз осенью тут пожар сильный был, несколько домов сгорели, наш чудом остался в стороне. А в вашем доме и на пристани мы часто с Машей прячемся. Хозяин, то есть вы, говорят, купил ради забавы. Так что извините нас за вторжение. И вообще, частные пристани незаконны... – я улыбнулся последнему замечанию. – Это не мой дом, а моего друга, – поправил я Аню, рассматривал ее лицо и снова улыбнулся. – Про пристани и порядки поселка я не знал, – бойкий характер у девушки. Уж точно была не из робкого десятка. – Какая разница, – она тяжело вздохнула, включи-

ла электрическую плитку, поставила на неё чашку и отвернулась к шкафчикам. – Зато мы прятались, и никто нас пока не находил. Обычно они и не ищут. Нет им до нас дела. Я ничего не ответил, вышел из кухни, бросил на Машу растерянный взгляд и направился в машину за вещами и продуктами. Знал бы, что попаду в такую ситуацию, купил что-нибудь сладкого. Все дети и девочки любят сладкое, а я не переносил на дух. Аж зубы сводило, как представлял чай с сахаром или вкус какой конфеты во рту. Зайдя в дом, я застал идиллию: Аня снимала с Маши мокрую одежду и ласково что-то ей говорила. Я не стал мешать девочкам и стеснять их. Прошёл на кухню, тоже немного осмотреться. Поставил пакеты на пол возле стола, достал хлеб, сыр, колбасу. Нашёл нож и быстро организовал бутерброды. Вернувшись к девочкам, я заметил, что Аня по-хозяйски распорядилась всем скромным имуществом этого дома и завернула сестру в теплое одеяло, поила горячим чаем. Голым. Если не просто кипятком. Сомневаюсь, что чай в доме был. Я протянул тарелку девочкам, заметив, как вытянулось от восторга лицо Маши, а Аня судорожно сглотнула. Неужели девочки еще и голодали? Хотя такими они были худенькими и хрупкими, почти прозрачными, что нисколько не удивлюсь. И сжал кулаки, думая об их родителях далеко нелицеприятные вещи. – Спасибо, дядя Игорь, – пропищала тоненьким голосом Маша, а я тепло улыбнулся ей в ответ.

Такая она была ладненькая и симпатичная, точно как моя

Аська. От этого сравнения и воспоминания я поморщился, ощущая, как неприятно сдавило легкие, и отвернулся от них. Девочки съели все бутерброды, я предложил им ещё, но они наотрез отказались, сказали, что больше не вместят в себя ни кусочка. Но я и тем был доволен, уйдут от меня хотя бы сытые. Я и в самом деле не видел никакой проблемы в том, чтобы они остались в этом доме, потому как возвращаться к пьяным людям, пусть даже и родителям, которые под градусом и были неменяемы... ну, совсем последнее дело. Но кто я был таким, чтобы что-то решать? Лишь случайным прохожим. Я вернулся на кухню, налил чаю и тоже съел пару бутербродов. Затем вышел на улицу и вдохнул полной грудью чистый воздух. Как же все-таки хорошо, что выбрался и приехал сюда. Завтра же с утра отправлюсь на экскурсию по окрестностям, а вечером пожарю шашлык и девочек, может, приглашу. Добрый самаритянин. Но раз уж судьба свела меня с ними, а Маша так была похожа на мою Асю, то почему бы не подружиться с девочками? И мне приятно, и им польза. Хоть откормлю их за эти дни. А в город поеду, куплю им сладостей и каких-нибудь вещей и Маше игрушки. Когда я уже собрался вернуться в дом, девочки сами вышли на улицу. – Вы уходите? – удивился я. – Но одежда Маши? – я взглянул, что она была в том же рыжем платице. Оно наверняка оставалось еще влажным. – Я нашла утюг, прогладила ей вещи. Спасибо вам большое за все, но нам пора домой. – Да... – расстроено протянул я, разглядывая девочек. – Вы

заходите. Я в город скоро поеду, сладостей куплю. – Правда? – Маша подняла лицо и восторженно улыbnулась. Я заметил, как Аня сжала Маше плечо, и та недовольно пискнула. – Хорошо, спасибо, – сдержанно отозвалась Аня, смотря на меня благодарным взглядом. И не задерживаясь, будто торопясь, подтолкнула Машу к калитке. Они о чем-то тихо шептались, но я не расслышал ни единого слова. Лишь ощутил лёгкое подобие грусти, что лишился их общества и остался один. А ведь изначально ехал сюда, чтобы побыть в полном одиночестве.

Глава 3

Аня

– Ань, а мы еще придем сюда? – стоило нам выйти за ворота его дома, как Машка остановилась, дергая меня за руку.

Я с умилением посмотрела в лицо Маши и подумала о том, что если сестра заболит, буду виновата в этом я. Хотя и не было моей вины в том, что лодка, в которой мы обычно прятались, сегодня внезапно дала течь. Благо, что на улице стояла теплая погода, да и одежду Маши я полностью просушила, кипятком напоила, может, пронесёт? Лекарства стоили огромных денег, а у меня сейчас каждая копейка на счету. А этот мужчина, который нас нашел и накормил... тот симпатичный незнакомец, что едва не сбил меня сегодня на машине, когда я убегала от матери, кажется, он назвался Игорем, точнее Соломоном... очень сильно нас выручил. И взгляд у него добрый, а едва заметные морщинки у глаз, когда он улыбался, добавляли ему некого шарма. В общем, мужчина не казался плохим человеком. Думаю, что он и вправду помог нам от чистого сердца. Хотя, что я могла знать о добрых сердцах, когда у наших родителей тех вообще не было. А доверять первому встречному – слишком опрометчивый поступок.

– Ань?

Я задумалась, а сестра продолжала меня дёргать за рукав куртки, которую сегодня придётся зашивать. Подняла сестру на руки и поцеловала в щеку. Девочка росла без родительской ласки и любви. Я была и мама, и папа, и сестра – три в одном. Целовала, любила, хвалила и заменяла девочке мать, потому что наша настоящая променяла нас на водку. Отец вконец уже опустился и принялся распускать руки. И я бы давно сбежала с сестрой из дома. Но куда идти? Мы состояли на учете, как неблагополучная семья. И мать шантажировала меня, что, если куда уйду, тут же сообщит кому следует, и их с отцом лишат родительских прав, а Машку отправят в детский дом. Разве могла я так поступить со своей маленькой принцессой, любимой сестрой, для которой была всем на свете, и так предать девочку? Да никогда в жизни! Потому и терпела все унижения и иной раз побои. Но Машку в обиду не давала. Презирала родителей и не могла им простить того, что они так опустились, но и уйти не могла из дома. Соломону легко рассуждать свысока, когда эти беды его не касались. А я иной раз лежала на диване с Машей в обнимку, гладила ее мягкие волоски и ночи напролёт не спала, потому что вокруг видела одну беспросветность.

Но я твёрдо решила, как немного окрепну и встану на ноги, уйду с Машей из дома, и сама обращусь в органы опеки, чтобы на меня оформили опеку, а этих... родителями даже не поворачивался язык их назвать, лишили всех прав на Машу. А дальше... не знаю, как быть. Это все толь-

ко планы и мечты. И такое отчаяние иной раз накатывало, так беспомощно себя ощущала, что слезы наворачивались и руки опускались. Да еще и в вуз не поступила – это стало последним ударом. А я так надеялась продолжить обучение и найти хорошую работу. Забрать Машку от горе-родителей было моей основной целью и, судя по тому, как мне не везло, несбыточной мечтой.

– Придем, – соврала я и обернулась.

Мужчина стоял возле калитки и провожал нас долгим взглядом. Я поторопилась отвернуться и направилась к нашему дому. Надеюсь, «эти» уже спали.

– Правда, он хороший? – продолжила Маша допрос.

– Правда, – согласилась я, но все равно ему не доверяла.

Потому как побаивалась незнакомых людей. Кто их знает, что у тех на уме. Может быть, под приятной оболочкой скрывалась личина зверя или, не дай бог, извращенца? Защитить нас было некому, а вот тех, кто мог обидеть или надругаться – очередь выстраивалась.

Несмотря на то, что поселок наш был маленьким, родителей наших за пьянку не жаловали, но и нас особо не жалели. Местные жители видели, что я пытаюсь барахтаться, и все равно делали вид, что не замечали, как нам тяжело жилось. Будто так и должно было быть. А девчонки так и вовсе считали меня белой вороной за светлую кожу и волосы, и Машку мою тоже обижали. С каждым днем я все больше начинала понимать суть поговорки: с волками жить по-волчьи выть.

Со временем я научилась не реагировать на чужие нападки, давно уже обросла шкуркой и понимала, что, если реагировать на все резкие выпады, то долго не протяну, сломаюсь в один из моментов и поломаю будущее не только себе, но и сестре. Так лет с четырнадцати во мне появился стержень. Я даже запомнила этот день, когда осознала, что он есть.

После уроков группа девочек старшеклассниц, решив самоутвердиться за мой счет – папенькины и маменькины мажорки – за волосы оттащили меня на дальний двор, где обычно прятались и курили малолетки, и избивали меня. Я правда, до сих пор не понимала за что. За мой внешний вид? За бедную одежду? За непокорное поведение? За то, что не пресмыкалась? Никогда не велась на провокацию? Но после того раза, когда в порыве злости и страха разбила двум девочкам носы, и меня таскали по кабинетам завуча, директора и детской комнаты полиции, грозили даже исключением из школы, я сделала вывод, что поступила правильно. Если бы не дала в тот раз решительного отпора, меня бы так и ковыряли до самого выпуска. А так больше не трогали. Каждому, кто ещё обидит, пообещала и челюсть выбить. Но это так, больше для красного словца, закрепить результат.

Я до последнего отстаивала себя не ради обеления своего имени, а ради Машки, которая недавно родилась. Потому что уже тогда она была не особо нужна матери, а я не могла позволить себе, чтобы надо мной издевались, избивали, а я бы пропускала учебу, выхаживая себя после всего это-

го. Матери до меня и моих проблем равным счетом не было никакого дела. И лишь моя тяга к знаниям, хорошая учеба всегда вызывали у учителей восхищение, и те давали мне положительную характеристику, списывая все проступки на неблагополучие в семье. Однако серебряная медаль мне не помогла поступить на бюджет. Я так переживала, даже сейчас, как вспомню об этом, аж выть от отчаяния хотелось и время вспять повернуть, чтобы ещё лучше учиться и получить золотую медаль. У меня ведь даже выпускного не было, потому что я постеснялась идти в джинсах и кофте, на красивое платье у меня денег не было. А собирать жалостливые или насмехающиеся взгляды – мне оно не нужно.

На следующий год буду умнее и пойду учиться, например, на агронома, а не на педагога или медика. Меня тянуло помогать людям, наверное, потому что понимала, как тяжело без поддержки. Потому что последние два года жизни все больше походили на захватывающий квест по выживанию. И я сильно мечтала забрать от родителей Машку и покинуть «родительский дом».

– Пошли Пуховика ловить! – вдруг вспомнила Маша о коте, что повадился к нам недавно ходить. – Хочу, чтобы он с нами спал, мне тогда страшно не будет. И хочу, чтобы ты мне почитала Старика Хоттабыча, – начала перечислять Маша тоненьким голоском.

Ну, вот насчет почитать, ничего против не имела, а чтобы спать в одной комнате с Пуховиком... это опрометчивое ре-

шение. Хотя этот великан иногда и без спроса пробирался к нам через форточку, укладывался в наших ногах и не сдвинуть его с места. Я заметила, что он питал особую любовь к Маше. Огромный лесной кот серо-рыжего окраса с когтями и клыками, как у зверя, первое время вызывал у меня ужас и недоверие. А потом эта махина вздумала таскать нам на крыльцо свежую рыбу из реки...

Пуховиком его Маша назвала, потому что он дыбил шерсть и походил в таком обличье на Машину растрепанную зимнюю курточку, что досталась ей еще от меня. К коту или кошке я относилась до сих пор с опаской, но что меня удивило вконец, так это то, что Пуховик на дух не переносил наших родителей, особенно, когда от них пахло алкоголем. В целях безопасности я все же старалась держаться от кота подальше и Маше запрещала с ним играть, потому как он размерами был почти с сестру. Я боялась, что он может поранить ребенка. Подобных котов я еще не встречала в нашем поселке, хотя ничего особенного в его комплекции не было, если он жил среди хищников и пытался выживать. И что его привело в деревню?

– Только обещаю вести себя тихо, и никаких игр с котом, – строго попросила я.

– Обещаю! – радостно воскликнула Маша и спрыгнула с моих рук.

Глава 4

Аня

Дома нас опять ждал бардак и сплошные бутылки. Я боялась, что когда-нибудь по пьяни эти... слов даже приличных не могла подобрать родителям. В общем, я боялась, что они спалят дом, потому как отчетливо помнила, как несколько лет назад вот такой же теплой осенью загорелись леса, и весь поселок едва не выгорел дотла. Пожарные машины подъезжали с горы и пытались потушить пламя. Маша может, и не помнила, маленькая ещё была, а у меня до сих пор мурашки бежали по спине, когда я вспоминала об этом кошмаре и ярком зареве. Наш дом чудом остался в стороне от огня, а вот два соседских дома на противоположной стороне были теперь полностью непригодны для жилья. Так и стояли обуглившиеся, словно сгоревшие спички, напоминали мне, что и мы в одночасье могли превратиться в бомжей. Если не погорим заживо.

– Ты иди в нашу комнату, я немного приберусь и приду, – сказала я, окидывая взглядом гору бутылок и спящих мужчину и женщину.

В доме пахло спиртным и сигаретами. Все-таки снова курили. Хотя я ведь просила их, много раз говорила, что одна искра, и дом вспыхнет как свечка. В прошлый раз так пе-

реругалась с ними, что получила по лицу и неделю ходила красивая и нарядная, прятала синяк под очками, потому что стыдно мне было за родителей, за то, что те распускали руки. Но я бы и сейчас ругалась. Потому что здесь кругом одно дерево. Даже выбежать не успеем, погорим. Но что толку им это объяснять? Они напивались и в своем хмельном угаре обо всем забывали. Какие уж тут дети, окурки и спички.

Прибравшись на скорую руку, я вынесла мусор из дома, приготовила на ужин Маше кашу и пошла в нашу комнату. У самой аппетита не было никакого – тошно мне было от всего этого. Не знаю, как мы продержимся еще год. Сил моих уже не было. После, как поступлю в вуз, я лелеяла надежду получить место в общежитии. Может быть, уговорю консьержку, чтобы та разрешила жить сестренке со мной. А там как-нибудь выкарабкаюсь. Мечтать об этом было так приятно. Маша покушала, я расчесала ей длинные светлые волосики, заплела косичку, почитала ее любимую книгу и уложила спать, а сама взялась мечтать о будущем. Это была единственная отдушина и маленький просвет, лучик надежды, что мне удастся выбраться из этого болота и вытянуть сестру – моего маленького чистого и доброго ангелочка – на свет.

Пуховик сегодня не появился. Пока я убиралась в доме, Маша выходила из дома и звала кота, но он не отзывался. Что в принципе обычная для него вещь. Бывало, ночью он внаглую лез в окно, скребся и орал так, что внутри все сжималось от этого мяуканья. Поэтому я не стала закрывать плот-

но форточку на ночь в нашей комнате с Машей, чтобы, когда этот дикарь придёт, не шумел сильно и нас не будил. Я всегда спала очень чутко, иной раз слышу малейший шорох и тут же вскакиваю с постели. Но сегодня мне просто не спалось. Мысли крутились разные в голове, я даже, если закрою глаза и не стану ни о чем думать, не усну. Машка лежала у меня под боком, свернувшись калачиком. Мне было приятно и тепло рядом с ней, спокойно. Иногда я ловила себя на мысли, что больше жалею ее и люблю как мать, а не как сестра. Думаю в первую очередь о ней, вкусняшки ношу с работы. А она всегда отвечает мне благодарностью и слушается беспрекословно, не потому, что я ее старшая сестра, а потому что чувствует, ближе нее у меня никого нет, видит, что стараюсь ради нас обеих. И единственное, о чем жалею, что она умна не по годам. Рано жизнь плохую узнала. Ее бы в платьица красивые одевать и в куклы с ней играть... а она, как я возвращалась из школы, хвостиком за мной ходила, да на родителей алкашей вечно ругающихся смотрела. Вот и вся забава.

Из родительской комнаты вдруг ощутимо повеяло дымом. Я даже не сразу поняла, что случилась беда. Так боялась пожара, что, когда поняла, что это дом загорелся, то впала в ступор, и тело сковал ледяной страх. Мысли беспорядочно забегали в голове – что делать? Будить Машу хватать документы и деньги! Бежать к родителям! Но я совсем не уверена, что успею их обоих спасти. Ибо видела и хорошо помни-

ла, как горели два года назад соседские дома. Словно вспыхнувшие спички, догорали в секунду и превращались в чёрные обуглившиеся черепушки и пеплом опадали на землю.

– Маша! – громко крикнула я, спрыгивая с дивана.

В первом выдвижном ящике письменного стола лежали мои документы и свидетельство о рождении Маши, там же лежали небольшие сбережения. Я завернула сонную девочку в одеяло, открыла окно, всунула ей документы и деньги в руки, посадила, чтобы она смогла выбраться наружу. От страха Маша вся позеленела, заикалась и не могла вымолвить ни слова, со слезами на глазах смотрела на меня, что я остаюсь в доме, и мотала головой из стороны в сторону. Кричала мне, что без меня никуда не пойдёт. А тем временем белые клубы едкого дыма пробирались в нашу комнату сквозь маленькую щель. Дым резал глаза, от него першило в горле и хотелось без конца кашлять.

– Иди, я попробую разбудить их, – с нажимом попросила я. – Скоро вернусь. Иди! Я вернусь!

– Аня, пожалуйста, не надо! Не оставляй меня, – громко кричала Маша.

Всхлипывая, девчушка спрыгнула на землю и отошла от окна, а я больше не могла терять ни секунды. Как бы там ни было, но родителей не выбирают. И я не оставлю их умирать. Не хочу, чтобы этот грех камнем висел на душе до конца моих дней. Я хотя бы попытаюсь.

Открыв дверь, я приложила руку ко рту и закашлялась. Не

знаю, что стало источником возгорания, возможно, кто-то из них проснулся и все-таки снова закурил? Ведь я все убрала, вымела весь пол и проверила досконально, нет ли окурков. А может быть, проводка? Кто теперь узнает истинную причину? Я подбежала к матери, она спала и даже не чувствовала едкого смога. Взяла ее за руки и стащила с дивана, силась оттащить к нашей комнате и вытолкнуть ее через окно, как и Машу. Но мать даже не проснулась, лишь бессвязно что-то пробормотала и выдернула одну руку. Я изо всех сил пыталась ее тянуть, через выход было бы значительное быстрее, но прихожую уже охватило огнем, ещё минута или две, и он доберется до нас. Мне было жарко, кислорода почти не было, и я ощущала, как жгло и выдирало легкие. Мать была тяжелой, и я понимала, что за отцом попросту не успею вернуться. Не уверена даже, что мне хватит сил дотащить до нашей комнатки мать.

Я кричала, пыталась ее звать, но она находилась под ударной дозой спиртного и даже не слышала, как я ее зову. Кое-как я все-таки дотащила мать до нашей с Машей спальни. Перед глазами все кружилось, а вместо вдохов уже выходили сдавленные хрипы, похожие на лай старой собаки. Я бросила мать и схватилась за грудь, понимая, что, если сейчас не вдохну хоть каплю спасительного кислорода, то задохнусь от ядовитого угара. Наверное, я осела на пол, языки пламени кружили в диком танце у меня перед глазами, обжигали руки и щеки, кусали, выдирали целые куски кожи, отступали

на какое-то время и снова возвращались к пытке. Не знаю, сколько длились эти бесконечные минуты, но я все же нашла в себе силы добраться до окна. Я оставила мать в дверях и поползла к источнику жизни, там, где был кислород и спасительный глоток свежего воздуха. Но силы покинули меня.

Я упала на пол, обернулась в сторону матери, и яркий красный всполох мелькнул перед глазами, я схватилась за горло, чувствуя, как что-то с силой вонзилось прямо мне в кадык, а затем все померкло перед глазами.

Глава 5

Соломон

С момента смерти Наташи и Аси я страдал расстройством сна. Запросто мог проваляться в кровати до утра, не сомкнув глаз, в своей, уже теперь холостяцкой квартире. Новой квартире с прошлой жизнью и насквозь изрешеченным сердцем. А в Рыбачий выбрался в надежде отдохнуть и сменить обстановку, может быть, смогу спать крепко эти дни. Как-никак кругом свежий воздух и абсолютная тишина. И никакого намека на шумную и суетную столицу, даже ни одного знакомого человека нет рядом, чтобы потревожить мое единение с самим собой. Сквозь сон я слышал глухие удары в окно. Долго не мог уснуть, а потом провалился в дремоту и вдруг такие галлюцинации. Наверное, с непривычки. Сначала показалось, что мне все это снится, но стук продолжался. Тонкий писклявый голосок добирался до сонного сознания, как сквозь толщу воды. Открыв глаза, я понял, что не показалось и не приснилось – кто-то действительно стучал и звал меня. Взглянул на часы – половина третьего ночи. И я не знал ни одного человека, которому бы я понадобился в такой поздний час в незнакомых местах. Не успел ни с кем познакомиться ещё... кроме девочек. Маша!

Спрыгнув с кровати, я бегом подбежал к двери, открыл ее

и увидел завернутый в одеяло маленький комочек. В груди все потяжелело, и я расширившимися от непонимания зрачками смотрел на встревоженную девочку.

– Что случилось? – я подхватил ее на руки.

Девочка плакала и постоянно повторяла имя сестры. Я в чем был, в штанах и белой майке алкоголичке, босой, вместе с ней на руках побежал в сторону их дома. Аня говорила, что они живут в соседях. Буквально через пару домов.

– Аня, там Аня, – девочка плакала, и ее маленькие плечи сотрясала дрожь, глаза были наполнены ужасом и слезами. – Аня!

Сразу понял, что случилось что-то ужасное, увидев этого потрясенного ребенка на пороге своего дома. Девочка уже плакала без остановки и не могла произнести внятно ни слова, чтобы я мог разобрать, заикалась и судорожно глотала воздух. А когда выбежал из двора, понял, что случился пожар, и, вероятнее всего, горел их дом. Жители посёлка уже оживленно толпились на улице, женщины причитали в голос.

– Маша, Аня осталась в доме? – спросил я, и без слов понимая, что так оно и есть. Не пришла бы она тогда звать меня на помощь. И как только догадался ребёнок в такой стрессовой ситуации и сообразил бежать ко мне. И почему ко мне? А может быть, им просто некому было больше помочь?!

– Да, – девочка дрожала и плакала без остановки. – Спасите ее дядя Игорь, – закричала она. – Она там, – начала вы-

ворачиваться из рук, я спустил её на землю, а она схватила меня своей маленькой ладошкой и сжала так сильно, что я даже не ожидал от неё такого напора, и потащила через дорогу на задний двор к дому. – Так быстрее, – всхлипывала она.

А возле полыхающего дома уже суматоха, я слышал, как кто-то вызвал скорую и пожарных. Люди толпились у дома Морозовых – что Морозовых я понял из разговоров и обрывков фраз, и, приоткрыв рты, смотрели на красные всполохи огня. Но даже никто и попытки не предпринимал, чтобы потушить огонь или попытаться кого-то из этого огня вытащить. Хотя о чём я. Мужчин в посёлке почти не было. Да и кто отважится лезть в огонь и заглядывать в глаза смерти?

– Стой тут и не смей приближаться к дому, слышишь? – слегка встряхнул девочку и, заметив ее слабый кивок, побежал к дому.

Уж чего-чего, а смерти точно не боялся. Но я был вовсе не уверен, что у меня получится спасти девушку. Потому как, приблизившись, понял, что люди просто-напросто стояли и смотрели на огонь, потому что в дом было уже не пробраться. Все постройки были деревянными и вспыхивали, как спички. Я забрался внутрь через окно, на которое указала Маша, и сразу же заметил на полу человека. Его практически не было видно, но я надеялся, что это была Аня. Смог ударил в лицо, а огонь всюду бушевал в соседней комнате. Прикрыв рот рукой, я подтащил тело девушки за ноги к себе

и взял на руки. Крыша могла обрушиться в любую секунду, и я сильно рисковал, но не мог иначе. Перед глазами стояло заплаканное лицо Маши, и я не хотел, чтобы девочка потеряла единственного близкого человека. Знал, как это больно и не желал для неё подобной участи. Ни для нее, ни для Ани.

Кто-то из мужчин, которых в посёлке осталось, как я понял не очень много, подбежал и помог принять Аню из окна. Огонь отрезал любые другие способы выбраться наружу. Девушка не отзывалась ни на прикосновения, ни подавала признаков жизни, словно тряпичная кукла, спустила голову набок. Меня едва не пришибло горячей балкой, и я почти ничего не видел сквозь ядовитый дым, лёгкие выжигало, и меня душило смогом. Даже если в доме кто-то остался, огонь охватил слишком большой участок, и я вряд ли продержусь долго, а тем более, проберусь куда-то дальше этой комнаты. Плечи обожгло огнем, я вылез через окно, возвращаясь к испуганной девочке. Неизвестно, что ещё с Аней и удастся ли спасти ей жизнь. Я хотел надеяться на лучшее.

– Боже, погорели... давно пора уже. Вон они как пили. Даже девчонок не жалели. Сиротки теперь и то, если старшая выжила... А приезжий, гляньте-ка, в огонь полез, не побоялся.

Я поднял голову на зевак. Люди больше переживали, чтобы приехала пожарная машина, чтобы потушить огонь, нежели о том, остался кто-то ещё в горящем доме или нет. Причитали, что дома кругом деревянные и лес – вот он, ру-

кой подать, все могли остаться без жилья и крыши над головой. Вспыхнет хоть одно дерево, и погорит все за считанные минуты, весь посёлок выжжет целиком, если пожарные не приедут с минуты на минуту. Я склонился над Аней, проверяя, дышит она или нет. Трогал девушку за шею, искал пульс, но ничего не находил. Ее руки, по-видимому, сильно пострадали, одежда и лицо чёрное в саже. Я открыл ей рот и сделал искусственное дыхание. Массаж сердца и снова вдох. Жилка на шее слабо пульсировала... Видел перед собой Машино бледное лицо и готов был в прямом и переносном смысле вдохнуть в ее сестру жизнь, словно от этого зависела и жизнь Маши. И в целом, так оно и было. Кому ещё будет нужен этот несчастный ребёнок? Аня задышала, но в себя не пришла, я стянул с Маши одеяло и укрыл девушку. Теперь оставалось ждать скорую. Машу взял на руки и прижал к себе, чтобы девочка не мерзла. От моего тела исходил жар, по венам сумасшедше гнал адреналин. Не знаю, кто из нас двоих сильнее дрожал, девочка или я. Но меня так точно трясло совсем не от холода. Я крепко прижимал маленькое тельце к себе, глядя на девушку, что лежала на траве.

– С ней все будет хорошо? – Маша смотрела на сестру стеклянными глазами, а я будто вместе с ней переживал все те круги ада, через которые однажды уже проходил. По крайней мере, я сделал все, что от меня зависело, но я не Господь Бог...

– С ней все будет хорошо. Маша, слышишь меня? Сейчас

приедет скорая, и все будет хорошо. Ты сама как, не поранилась? – я заглянул ребёнку в лицо.

Откуда-то взялся огромный кот. Он терся об мои ноги и нервно дёргал хвостом. Наверное, весь посёлок сейчас собрался в одном месте, и все с замиранием в сердце ждали, жива Аня или нет, потушат дом до того, как огонь переберется на соседний дом. Девочка жива, но ей необходима реанимация. Потому как она сильно надышалась угарным газом. А насчёт огня... пока языки пламени дожирали дом Морозовых, у пожарных расчётов ещё было какое-то время.

– Аня... – плакала Маша на моих руках, и моё сердце содрогнулось от каких-то непонятных чувств, хотелось утешить девочку, чтобы она не плакала. Не иначе сейчас сам разрыдаюсь, сердце болело нестерпимо.

Смотрел на Аню, что лежала на траве, и прижимал Машу к себе, понимая, что тяжело придётся девочкам одним. Очень тяжело. Даже если с Аней все обойдётся. От дома через считанные минуты останутся угли, а родители... Я понял, их не удалось спасти, и они сгорели. Девочки теперь фактически остались одни. Сиротки без крыши над головой.

Глава 6

Аня

Приоткрыв глаза, я увидела белый потолок. Тело пронзала боль, его ломило, будто меня били несколько часов кряду. Я отчётливо помнила только последние минуты, а дальше – полная темнота. Запах гари до сих пор, казалось, стоял в носу и во рту. И даже в лёгких. Горло саднило, и я не сразу сообразила, что нахожусь в больнице. До этого самого дня я ни разу в ней не лежала. Даже кровь не сдавала, не было в том надобности, и никогда не жаловалась на здоровье. Постепенно, возвращаясь к тому, что стало причиной, по которой я оказалась здесь, резко подскочила на месте. Перед глазами все кружилось и расплывалось, и я схватилась за голову, пытаюсь остановить кружение. Через силу приподнялась, стащила с себя какие-то провода, выдернула иголку из вены и опустила ноги на пол. Мысли о том, что Маша осталась одна, придавали сил, какого-то отчаянного безрассудства найти ее и узнать, что с сестрой все в порядке.

Кое-как я приподнялась. Перед глазами все расплывалось, белые вспышки сбивали с ног и кидали в сторону. Дойдя до стены, я схватилась за нее и медленно пошла в сторону выхода из палаты. Я отчётливо помнила лишь яркие красные всполохи перед глазами и запах гари, силуэт матери на по-

лу... и что не успела вытащить ее из огня, и сама осталась в горящем доме. Но теперь это не имело никакого значения. Потому что Маша выбралась, и ей нужна была помощь! Ей нужна была живая и здоровая сестра, чтобы девочку не отдали в детдом. А что, если уже отдали? Но, может быть, родителей тоже спасли? И все обошлось? И Маша сейчас не одна?

Держась за стену, я шла по тёмному коридору, сил почти не было, во рту сухо и сильно хотелось пить. Вроде бы и чувствовала все, но как будто находилась в другом измерении, и все происходило со мной не по-настоящему. Ступая босыми ногами по холодному полу, я призывала всю свою силу воли, чтобы остаться в сознании. Женщина в белом халате попала в поле моего зрения и, я прохрипела что-то, чтобы обратить ее внимание на себя, потому как чувствовала себя плохо и, наверное, в любой момент могла закрыть глаза и упасть на пол.

– Ты зачем поднялась? Ты в своём уме? – встревоженный голос доносился словно издалека.

Меня, наконец, заметили, и медсестра кинулась ко мне. Я держалась руками за стену и желала только одного: узнать, где моя Маша, и что с моей девочкой все хорошо. Что она жива.

– Девочка... пожар... – голос был не похож на мой, больше походил на карканье вороны.

Сил не было даже говорить, и я вдруг испугалась, что те-

перь никогда не смогу быть полноценной, как прежде. Что если интоксикация от углекислого газа нарушила функции организма? Или я сильно обгорела?

– Все хорошо с девочкой. Приходили они уже утром с отцом, хотели тебя навестить, но слаба ты ещё. Я не позволила. Пойдём в палату. Лежать тебе нужно, – назидательным тоном говорила женщина, а у меня окончательно все переплелось в голове, я думала, что лишусь чувств в это же мгновение. Ведь отца я даже не успела стащить с дивана, он так и остался лежать перед включённым телевизором. Наверное, женщина что-то перепутала!

– Маша, светленькая...

– Да говорю же тебе, все с ней хорошо! Как в следующий раз придут они с отцом, обязательно пушу к тебе. Ты им родственница? – спросила она, на что я не смогла ответить ничего внятного.

Мы вернулись в палату, но у меня уже совсем не осталось сил. Медсестра подключила меня обратно к мониторам и капельницу вернула на место. Мои глаза сомкнулись, и я провалилась в какую-то черную мглу, где изредка появлялись оранжево-красные всполохи и возвращали меня в реальность. Я то просыпалась, то снова впадала в забытие, и перед глазами все время стояла Маша с заплаканным лицом. Она тянула ко мне руки и просила ее не оставлять. Ее испуганное личико и тоненький дрожащий голос окончательно вернули меня из моего долгого сна.

Проснулась в холодном поту. Голова ужасно болела, и я не могла толком сконцентрироваться на том, что была реальность, а что мне, собственно, только приснилось. После того, как упала на пол, надышавшись угарным газом, я ничего толком не помнила.

Руки сильно саднило, и я, подняв их, увидела бинты. Противное и мерзкое чувство страха, что, не дай бог, останусь инвалидом, заставило подняться и пошевелить всеми конечностями. Нет, я помнила, что уже ходила на пост медсестры. Но когда курице отрубают голову, она ещё тоже ведь какое-то время бегаёт. Поэтому я не знала, что со мной было на самом деле. А в свете последних событий я теперь и вовсе не могла больше ни на кого положиться.

Осмотрев комнату пристальным взглядом, я решила больше не вставать. Сосредоточила внимание на том, как монотонно капал какой-то раствор из баночки, и прозрачная жидкость плавно добиралась до моей вены по тонкому проводку. Не знаю почему, но эта картина завораживала и успокаивала. Я не собиралась больше вставать, пусть в меня волюют хоть тонну лекарств, главное, чтобы я быстрее выздоровела. Стала прежней Аней, которая смогла бы вернуться на работу и к своей Маше. Необходимо было что-то решать с жильем. С родителями. У нас с Машей теперь не было ни вещей, ни крыши над головой, ни родственников – ничего, кроме документов и небольших сбережений, что я успела отдать сестре, когда выталкивала ее через окно на улицу из горящего дома.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась женщина в белом халате.

– Проснулась? – заботливо спросила она, подошла к капельнице и отсоединив меня от проводов, вытащила иглу из вены.

Я поморщилась от неприятных, но вполне терпимых ощущений.

– Ну вот, – улыбнулась медсестра. – Выглядишь уже значительно лучше. А то вздумала подвиги совершать.

– Когда меня выпишут? – прямо спросила я.

Женщина внимательно на меня посмотрела, будто я созналась ей только что в том, что была душевнобольной.

– Спросишь у врача на обходе. Самое страшное позади. Тебе очень повезло. Отделалась небольшими ожогами на руках. Только дымом надышалась сильно. Интоксикацию получила.

Я снова посмотрела на руки. Да, ожоги заживут, главное, что сама осталась жива.

– А девочка? Пожар был...

– Соболезную...

В голове зашумело.

Я вдруг увидела перед собой зияющую черную пропасть, в которую мне захотелось броситься. Ведь я отчётливо помнила слова медсестры, что девочка приходила меня навещать. Якобы с отцом. Но ведь отец... Неужели она обманула меня? Специально?

– Вы меня обманули? – догадалась я. – Что с Машей? Где она? – мой голос сорвался на крик, который больше походил на писк. Я чувствовала подступающую истерику.

– Так, успокойся. Я уже говорила, что с девочкой все хорошо. Придут они с отцом. Вот как наступит время для посещений, придут. Но твои родители – мужчина и женщина погибли. Их не спасли, – грустно проговорила женщина.

Я шумно выдохнула, ощущая подобие легкости в груди. Нет, конечно, смерть родителей – ужасное горе! Какими бы мама и папа ни были людьми, но они были нашими родителями. И я даже, если бы знала наперёд, что сама пострадаю, когда пошла за матерью в огонь, то ничего бы не изменила в этом решении. Они ведь не всегда пили, и когда-то мы были счастливой и хорошей семьёй. Но я, честно сказать, и не помнила того времени. Наверное, это осталось в далёком детстве. Сначала они пропили квартиру в Воронеже, и мы перебрались в это подобие дома в Рыбачий посёлок, где зимой было очень холодно, и невыносимые условия для жизни. Иной раз мне казалось, что я перенеслась в средневековье. Читала учебники по истории и даже отличий не находила. А вот теперь... Но главное, что моя Маша цела и невредима! Мне полегчало на душе от этой мысли и захотелось жить.

– Пожалуйста, – попросила я. – Если Маша и... ее папа придут, пропустите их.

Может быть, приехал мамин брат, узнал, что наш дом сгорел? И если так, то это окажется чудом, потому что я видела

его только на снимках в семейном фотоальбоме. Удивительно, но подумав о такой мелочи, как снимок, я с ужасом поняла, что у меня совсем ничего не осталось от прошлой жизни. Фотокарточки или какие-то малозначащие личные вещи... все что хранилось в доме, который наверняка догорел дотла. Оставалось успокаивать себя мыслями, что сама жива и Маша не пострадала, и я решила почаще об этом вспоминать. Самое страшное, что могло случиться с человеком – это смерть. Все остальное поправимо.

Глава 7

Аня

Меня сморил сон или так на организм действовали лекарства, но слабость накатывала мягкими волнами и уносила куда-то далеко. Когда услышала тихий голос, похожий на Машин, вздрогнула от неожиданности и разлепила сонные глаза.

– Маша! – на глазах выступили слезы счастья, что с девочкой и в самом деле все хорошо.

– Аня! Ты проснулась! – пищал детский голосок.

– Лежи, не вставай, – попросил Соломон, заметив, что я собралась подняться с кровати.

Я перевела взгляд на мужчину, что стоял в дверях и смотрел на меня грустным взглядом. Но мне не хотелось, чтобы меня жалели.

Машка подбежала и обняла меня, чмокнула в щеку, а у меня от сердца отлегло, что она с Соломоном оказалась, а не в детдоме. Но только с какой стати он вдруг стал нам помогать? В голове не укладывалось, как Маша оказалась у него. Это он получается и был тем самым «папой»? А никакой мамин брат не приезжал.

– Анечка, я так испугалась... Я сразу побежала к дяде Игорю, он вытащил тебя из огня. Скорую и пожарных вызва-

ли соседи, – сбивчиво тараторила сестра.

Я снова взглянула на мужчину, и что-то зашевелилось внутри. Не знаю, что это было, но раньше я ни к кому подобных чувств не испытывала. Отчасти это была благодарность, очень глубокое и преданное чувство, что не оставил нас в беде, спас меня и Машу никому не отдал.

– Спасибо, – я неотрывно смотрела в мужское лицо, все ещё не веря, что он помогал нам просто так. Что ничего не попросит взамен. Потому что мне нечего ему предложить. И он это прекрасно знал. Неужели такие люди ещё существовали? Или же в чем-то был подвох?

– Ничего, главное, что сама цела и невредима. Руки заживут, – он кивнул на них, а я поджала губы.

Да, он прав, главное, что я осталась жива. И Маша не пострадала. Я пока не представляла, как мы будем дальше жить. Но я обязательно что-нибудь придумаю.

– Я уладил все формальности. Родителей похоронят на днях.

Внутри стало ещё тяжелее и неприятнее. Я не привыкла, чтобы о нас кто-то заботился или проявлял хоть какое-то участие, поэтому не знала, как реагировать на эту поддержку и помощь. Хотелось отмахнуться как от назойливой мухи. Казалось, так было надёжнее. В волшебников я не верила. Уже давно. Это Маша любила сказки и заставляла читать каждый раз на ночь «Старика Хоттабыча». Но то все была неправда. В жизни оно иначе.

Игорь присел на стул возле моей кровати и направил на меня сосредоточенный взгляд.

– Аня, дядя Игорь обещал нам помочь. Нам негде жить, а он обещал...

– Маша, – я недовольно нахмурилась и поглядела на сестру серьезным взглядом.

Машка любила иногда выдумывать небылицы, но озвучивать их при постороннем человеке и ставить его в неловкую ситуацию – это уже слишком. Пора научиться держать язык за зубами. Никак не приучу.

– Аня! – она обиженно на меня посмотрела, а ее маленький подбородок задрожал.

– Да, пока поживете в моем доме, – Игорь вступился за Машу и, казалось, говорил серьезно.

– Вы шутите? – удивилась я от волнения, сминая край простыни в руках.

– Нет, нисколько. Давай для начала ты окрепнешь, тебя выпишут, а там поговорим.

Я взглянула на сияющую Машу, которая смотрела на Соломона с таким обожанием и благоговением, что я ощутила укол ревности и... непонимания. Глупость какая, ведь он совершенно посторонний для нас человек! А на сердце стало отчего-то еще тяжелее. Но, по сути, я прекрасно понимала сестру и все ее чувства. В глазах маленькой девочки Игорь был героем, который спас меня и не дал ее саму в обиду. И я тоже была ему очень благодарна за такой поступок. Посту-

пок настоящего мужчины, но...

– Хорошо, – у меня не было ни сил, ни желания спорить. Подумаю обо всем на ясную голову.

Главное, что Маша цела, с остальным мы потихонечку справимся. С помощью Соломона или без него, но буду изо всех сил стараться обеспечить себе и сестре достойную жизнь. И только гнетущие мысли о том, что родителей больше не было и дома тоже, не придавали жизненных сил. Наоборот, вгоняли в депрессию. Даже в органы опеки не нужно обращаться, чтобы понять, что опеку над Машей мне никто не разрешит. У нас с ней не было другого жилья, и я не знала, куда податься. По сути, я сама была ещё ребёнок, который рано повзрослел и научился быть самостоятельным. Мне в мои девятнадцать пришлось многое взвалить на свои плечи, а теперь столкнувшись с таким вот грузом проблем и бед, я поняла, что в одиночку мне просто не справиться. Не выбраться на поверхность. И дело вовсе не в деньгах. Хотя с их помощью многие проблемы решились бы очень быстро.

– Ты надышалась гарью. Думаю, через несколько дней нам разрешат тебя забрать. А пока отдыхай и набирайся сил. За Машу не переживай, она поживёт со мной, – Игорь сидел напротив. Его спокойствие и уверенность отчасти вызывали схожие чувства.

– Аня! Дядя Игорь очень хороший! – вступилась Маша за мужчину.

– Спасибо, – я посмотрела на Игоря, понимая, что не мог-

ла не положиться на него в эту минуту и не принять такой простой помощи.

Не в том я была положении, чтобы говорить нет. Я слабо кивнула, не зная, что ещё сказать. В голове была полная каша, меня вдруг начало знобить от всей навалившейся информации. Осознание, что мы с Машей остались одни, ввергало в ступор. Мы сиротки. Без крыши над головой, без родителей, хоть те и были пропойцы, но их, как говорится, не выбирают. А теперь в один день мы вдруг стали предоставлены самим себе. Ведь я когда-то мечтала о подобном. Так отчего же было так тяжело на сердце? Игорь и Маша ушли, а меня накрыло волной паники за наше будущее, и я ещё долго лежала и смотрела в потолок, думая о том, что нас теперь ждёт. И чем больше я думала, тем страшнее становилось. Недаром говорят, у страха глаза велики.

На четвертый день меня выписали из больницы. Бинты с рук не сняли, и повязки необходимо было менять раз в день, обрабатывать антисептиком, руки не мочить. Для девушки, которая привыкла все делать сама по хозяйству, мне такие перемены грозили чередой проблем. Но Игорь заверил меня, что у него все под контролем. Он обзавелся новой электроплиткой, микроволновой печью, и быт они с Машей уже наладили. Мужчина просил не переживать из-за подобных мелочей, говорил, что мои руки совсем скоро заживут, а пока за это время окончательно окрепну.

Из больницы мы поехали напрямиком на кладбище. Игорь

сам организовал скромные похороны. Хотя, что там было организовывать. Два закрытых гроба и небольшие вырытые могилы на окраине кладбища под Воронежем. Священник отпел родителей прямо там. Маша всю церемонию стояла с отстраненным видом, не знаю, понимала ли она что-то, но я не хотела ей ничего объяснять. Может быть, потом, позднее мы поговорим с ней об этом. Но не сейчас. И себе я запретила горевать и убиваться по двум близким людям, которые дали нам с сестрой жизни. И по своей глупости едва не отняли. Себя погубили и чуть нас за собой не утащили в холодную и сырую землю.

Погода все ещё стояла тёплая, мы вышли за пределы кладбища, на сердце у меня по-прежнему было тяжело и беспокойно. Я так и не придумала, куда бы могла податься с Машей, чтобы сестру у меня не отобрали, а разрешили над ней опеку. Отсутствие жилья уменьшало мои шансы получить опеку. В общем, я была не особенно подкована в этих вопросах. А обращаться в органы опеки было очень страшно. Маша не заслуживала того, чтобы переехать жить в детский дом.

– Заедем в магазин и поедem домой, – Игорь открыл заднюю дверь своего большого внедорожника.

Мы забрались с Машей на сидение. Сестра по-прежнему молчала и вела себя на удивление очень тихо. Я не стала спрашивать у неё, о чем она думала и просто отвернулась к окну, обнимая ее маленькие плечики. Маша внезапно силь-

но прижалась в ответ своим тельцем ко мне и зарылась личиком в моих волосах.

– Я так рада, что ты жива, – сказала она тихо, шепотом, чтобы Игорь нас не услышал, а у меня внутри все задрожало, и на глаза слезы навернулись. – Ты же не оставишь меня больше, Аня?

Эти ее простые слова, будто на поверхность меня вытолкнули, и я полной грудью вдохнуть смогла впервые с того страшного дня, не чувствуя боли. Как можно было не любить это маленькое сокровище, которое было и есть для меня самое ценное в жизни? Я погладила Машу по спине.

– Никогда! – заверила я ее.

Встретившись с взглядом Игоря через зеркало заднего вида, я смахнула рукой слезу и поцеловала Машу в макушку, похлопывая по спине.

Мы справимся, мы обязательно со всем справимся. И переживем все испытания. Но я ни за что не оставлю Машу и никому ее не отдам. Если нужно и брата маминого разыщу. А если и нет, то тоже что-нибудь придумаю. Какое-то время мы смотрели с Игорем друг другу в глаза через зеркало заднего вида, а потом я отвернулась. Мне по-прежнему было невдомек, зачем мы ему сдались. Уж больно красивая сказка, но только мы с Машей не похожи на принцесс.

Глава 8

Аня

Игорь и Маша поехали кататься на лодке, пока стояла хорошая погода, а я отказалась от прогулки, сказала, что хочу отдохнуть. Однако желание посмотреть на руины собственной жизни оказалось слишком велико. Едва Игорь с Машей покинули дом, я оделась и тоже вышла на улицу. Ноги сами привели меня к нашему дому. Теперь же от него остались горстки пепла и руины. Подошла к тому месту, где буквально несколько дней назад мы жили всей семьёй. Хотя, как семьёй? Ее давно уже не было. Смотрела пустым взглядом на черную сажу и серый пепел и представляла наш дом, думала о родителях и ощущала себя в это мгновение глубоко одиноким человеком. Пустым сосудом.

Наш дом был последним в поселке, огонь не успел перебраться на соседний дом, что находился по правую сторону, в нем жил Соломон. Но немного досталось деревьям, что росли неподалёку с левой стороны. Удивительно, что огонь не пробрался вглубь леса. Либо пожарные расчёты вовремя подоспели. Как бы там ни было, все могло быть во много раз хуже. И я рада, что, кроме нашей семьи, больше никто не пострадал. Мне бы не хотелось такого ужасного исхода ни для одного из жителей. Стоя на пепелище, я вдруг явственно

осознала, что не хочу больше оставаться в посёлке. И пусть снять жильё в этих местах было выгодно и дешевле, нежели в городе, но порвать со всеми воспоминаниями и всем, что приносило душевные терзания, было самым правильным решением. Я могла бы обратиться в администрацию района за материальной помощью, но, когда эти малые крохи денег дойдут до меня? Пока Игорь был здесь, и Машу можно было с кем-то оставить, я собиралась съездить в город и все узнать, возможно, подыскать нам комнату на первое время. Попросить Игоря помочь нам с оформлением всех документов в органах опеки. Ведь как-то же он договорился, что Машу не забрали в детский дом в тот же день? Наверняка, без денег не обошлось. Деньги... Кругом все, и вся зависело только от них! И как бы не было неудобно просить Игоря помочь, мне больше не к кому было обратиться за советом. Вспомнив о добрых глазах мужчины и его заботе о Маше, я почувствовала, как внутри снова что-то зашевелилось, и на душе сделалось тоскливее пуше прежнего. Мысли о том, что он мог оказаться извращенцем, отпали сами собой, он был слишком... порядочным. Даже если вдруг это окажется не так, по крайней мере, он не показывал своей второй сущности. Но его симпатия и привязанность к моей сестре не остались мною незамеченными, и для меня такое отношение к чужой маленькой девочке о многом говорило. Хоть я и не понимала, почему они так тянулись друг к другу. И что греха таить, на данный момент времени он – приезжий незнакомец – оста-

вался единственным человеком, который протянул нам руку помощи и не оставил в беде. Ума не приложу, откуда брать деньги, чтобы рассчитаться с ним за лечение, за похороны родителей, за продукты и одежду, что он купил для Маши и меня. И главное, ради чего он все это делал? Неужели такие люди – бескорыстные и с большим добрым сердцем – еще существовали?

Я немного погуляла по лесу, а когда начало смеркаться, то вернулась домой. Игорь и Маша сидели на кухне. Мужчина чистил картошку, а Маша помогала ему, о чем-то увлечённо рассказывала, смешно жестикулировала и на вид выглядела очень счастливой. Я не ревновала сестру к этому человеку, но видела, что он ей очень нравился, что они нашли общий язык. Маша тянулась к Игорю. Замерев в дверях и оставаясь незамеченной, я рассматривала лицо Соломона. Сколько ему лет? Тридцать пять? Около сорока? Уверена, что не больше. Но все равно намного старше меня. И будто почувствовав на себе мой пристальный взгляд, Игорь обернулся, отложил нож в сторону и поднялся со стула, вытирая руки о полотенце.

– Гуляла? – только и спросил он, бросив в мою сторону взгляд.

Мне почему-то стало неловко, когда он задержал на мне свои темные глаза. Я коротко кивнула в ответ и отвернулась.

– Аня, мы с дядей Игорем поймали большую рыбу. Тебя ждали, чтобы пожарить ее к ужину, – я улыбнулась, подошла

к Маше и обняла девочку. – Ты где так долго была? Пуховика не видела? Его уже второй день нет... – расстроено протянула сестра.

Одна моя отдушина и радость. Казалось, она совсем не переживала или не понимала, что случилось на самом деле. Хотя наше сознание, особенно в детстве, обладало удивительным свойством воспринимать все вокруг словно увлекательную игру. Возможно, поэтому Маша вела себя с Игорем очень открыто. Тянулась к нему, потому что родной отец часто распускал руки и совсем не занимался ею, не уделял внимания. А Игорь наоборот... Но ведь по идее она бы должна сторониться чужого человека?

– Немного прогулялась, здесь рядышком. Пуховика не видела, – ответила я и снова мельком взглянула в серьёзное лицо Соломона и поежилась от этого пристального взгляда, каким он смотрел на меня. – Я бы помогла вам, но... – подняла руки, показывая бинты.

– Мелочи, – слабо ухмыльнулся Игорь. – Но раз все в сборе, сейчас организуем быстро ужин.

– Я с тобой дядя Игорь, можно? – Машка словно хвостик ходила за совсем чужим человеком, и это меня начало уже всерьёз волновать.

Если девочка привяжется к нему, но ведь придёт время для расставания... Игорь приехал на отдых и когда решит вернуться домой, Маша будет тосковать. И я совершенно не знала, как поступить в данной ситуации. Наверное, правиль-

ным и благоразумным решением было пустить все на самотек. Дать Маше насладиться обществом приятного ей человека. Тем более, сейчас я была только рада такой помощи и его обществу.

– Конечно, гном, идем, – он улыбнулся Маше и снова задержал на мне внимательный взгляд.

Будто ожидал от меня какого-то подвоха, словно я была диковинный зверек. Но я совершенно спокойно и адекватно воспринимала действительность. Да, очень сильно болело в груди, я только и думала о том, как выпутываться из всей этой ситуации с минимальными для нас с Машей потерями. Но выход был. И я обязательно его найду.

Мне ничего не оставалось, как отправиться следом за ними, оставаться в доме одной не хотелось. На улице уже почти стемнело. Мы спустились к небольшой пристани и забрали рыбу. Улов был небогатым. Быстрее всего пожарить рыбу на улице, на огне. Но я как представила, что снова увижу искры и языки пламени, меня передернуло от ужаса и отбило весь аппетит. Не уверена, что смогу съесть хоть кусочек рыбы, даже маленький. Как вспомню, что мать и отец сгорели живо, холодом пробирает до дрожи. Наверное, я только сейчас спустя несколько дней начала осознавать масштабы трагедии...

– Игорь... Пожалуйста... Давайте я пожарю рыбу на электрической плитке?

Пока я ещё не отошла от всех событий и остро реагирую

вала на любые воспоминания о пожаре. Я даже не уверена, смогу ли ещё вернуться туда, где прожила всю свою жизнь и где она едва не оборвалась. Стояла сегодня в пепле, и слезы наворачивались на глаза. Но я не плакала. Я запретила себе об этом переживать. Просто ходила попрощаться с домом и некогда любимыми вещами.

– Аня? – он наклонился к ведерку, а потом взглянул на меня встревоженно. – Тебе нехорошо? – в его голосе промелькнули беспокойные нотки.

– Нет, дело в другом. Огонь и... – я осеклась, с ужасом представляя, что снова могла бы пережить тот кошмар. – Рыбу я сама с Машей приготовлю, – с моими повязками на руках готовить одной было немного проблематично. Но с Машинной помощью вполне посильная задача.

Удивительно, как я ещё оставалась в трезвом уме, наверное, потому что моя маленькая сестра держала меня в этом мире, как ориентир. Это было единственное логичное объяснение, почему я не впадала в отчаяние и уныние. Все воспринималось будто сквозь какую-то призму или туман, а сейчас он начал понемногу рассеиваться, и я понимала, что у нас с Машей ничего не осталось. Меня пугали перемены и неизвестность.

– Хорошо, – он тяжело вздохнул, подмигнул Маше, поднял ведро, и мы направились по крутым ступеням вверх.

Вечерами в нашем посёлке было тихо, лишь разносился шелест листвы с деревьев и пение птиц, летом стрекотали

кузнечики и сверчки. И только зимой будто бы все вымирало в этом месте и становилось безжизненным.

Мы вернулись в дом, Игорь остался на улице и почистил рыбу, даже посолил, нам с Машей оставалось только уложить ее на сковороду и следить, чтобы не пригорела. Дело совсем маленькое. После ужина я, как смогла, помогла убрать грязную посуду. Игорь выделил мне и Маше самую просторную комнату. У моей сестры появился большой красивый медведь. Маша объяснила мне, что очень переживала за меня, отказывалась засыпать, привыкла, что я всегда была рядом, а дядя Игорь купил ей вымышленного друга, который теперь охранял ее сон. Она заявила, что он будет спать с нами, и назвала его в честь любимого героя из сказки «Старик Хоттабыч», которую я часто читала ей на ночь – Волькой. Рассказала, чем они занимались с Игорем эти дни и, наконец, заснула.

Я улыбнулась, глядя на маленькую спящую Машу, и снова поймала себя на мысли, что все невзгоды пережила бы ещё хоть триста раз, зная, что с сестрой все хорошо. Ради нее я пыталась улыбаться, когда внутри была огромная чёрная дыра, и царила беспросветность. Но все это временно. Я обязательно приду в себя и выберусь на свет. Потому что нужно было жить дальше и идти вперед. Столько всего интересного ждало нас с сестрой! Мечты никуда не делись. Просто теперь требовалось несколько больше времени и усилий для их осуществления.

Глава 9

Аня

Я ворочалась всю ночь, так и не смогла сомкнуть глаз. В итоге встала с кровати и направилась на кухню, налила в стакан воды и поставила на стол, не переставая думать обо всем, что случилось.

– Не спится?

Я вздрогнула, услышав голос Игоря, и перевела на него растерянный взгляд.

– Не спится, – отозвалась я тихо, рассматривая мужское лицо.

Соломон тоже выглядел помятым. Оно и понятно, свалились ему с Машей как снег на голову. Я чувствовала себя неловко, но мне некуда было идти, кроме как на улицу. В крайнем случае, на пристань, в прохудившуюся лодку. Мужчина подошёл к чайнику и тоже налил воды. Пить из крана было опасно, хоть вода на вид и была чистой, но запах от неё исходил специфический. Мы, местные жители, набирали воду в роднике, кто был побогаче, те покупали в бутылках или пробивали скважины. Водопроводная вода годилась лишь для огородов.

– Игорь... спасибо Вам... – я неотрывно смотрела на мужчину.

Говорят, что гордыня страшный грех, но я не умела принимать чужую помощь вовсе не потому, что хотела взять грех на душу, а потому, что до этого дня нам никто не помогал. И я не понимала, зачем ему все это сдалось. Неужели у него не было своей личной жизни, чтобы вникать ещё и в нашу?

– На ты, Аня. Давай перейдём на ты, я старше тебя, да, но не настолько, чтобы ты мне выкала, – Игорь помрачнел и нахмурился. – Присядешь? Я все равно собирался на днях с тобой поговорить, и раз тебе не спится, то уверен сейчас самое подходящее время. Хочешь, выйдем на улицу, чтобы не разбудить Машу?

– Хорошо, – я сделала несколько глотков воды и почувствовала себя значительно лучше. – Давайте... давай, – поправила я саму себя, – выйдем на улицу. Всё равно не усну.

В воздухе пахло дождём. И совсем скоро они зарядят, а после них придут холода, а пока погода стояла очень тёплая. Даже и не вспомню, когда такая осень была в последний раз. Коснулась кончиками пальцев листьев дикого винограда, что рос возле дома и обернулась. Игорь стоял позади и смотрел на меня изучающим взглядом. Мне не по себе стало от его глаз, что следили за мной. Да что там, я с мужчинами редко когда пересекалась. А тут...

– Я понимаю, что я для вас совершенно чужой человек. Но я бы хотел вам помочь с Машей. Меня не стоит бояться, – Игорь снял с себя ветровку и накинул мне на плечи. А

я дёрнулась от этого жеста.

Смущенно смотрела в мужское лицо. Понимала, что рано или поздно придётся поговорить и, возможно, даже попросить его о помощи с оформлением всех документов для опеки над Машей. Но что Игорь сам затронет эту тему, никак не ожидала. Сердце затрепыхалось в груди, и я сцепила руки в замок.

– Спасибо, я совсем не знаю, что мне делать дальше и как проходит процедура оформления опеки, но Машу в детский дом я не отдам! – категорично заявила я. – Если это возможно...

– Возможно, – кивнул Игорь. – И о Маше я хотел тоже с тобой поговорить. У вас нет жилья и денег. Нет прописки, фактически вам некуда идти. Маша мне все рассказала. Про родителей, про пьянки, что ты работаешь в каком-то магазине уборщицей, сводите концы с концами. Но это все неправильно. Да, я посторонний для вас человек, но позволь мне помочь. Вы можете жить в этом доме столько, сколько будет необходимо. Если ты захочешь, я заберу вас с собой, у меня есть свободная квартира, я помогу тебе с учёбой и с работой, Маше с садиком, а потом и со школой.

– Зачем? – я уже едва унимала дрожь, слушая вкрадчивый и тихий голос Игоря.

Соломон говорил убедительно, но я с детства была научена, что бесплатный сыр бывал только в мышеловках. И только я протяну руку к лакомству, как могу лишиться чего-то

важного и ценного. В данном случае мне хоть и нечего было терять, но довериться постороннему человеку, которого видела всего несколько раз в жизни – опрометчивый шаг!

– Что, зачем? – Игорь растерянно на меня смотрел.

Но я пребывала в куда большем замешательстве.

– Зачем Вам это нужно? – я не заметила, как снова перешла на Вы. – У меня нет денег, я не смогу с Вами расплатиться, – говорила я прямо.

Нет, Игорь ни намеком, ни взглядом не давал понять, что этот час расплаты и вовсе когда-то придёт. Но... Ведь рано или поздно он придёт? Или мужское сердце было настолько добрым и безграничным на такие щедрые поступки и жесты? Ни за что не поверю. Ни одна живая душа в посёлке нам ни разу и ничем не помогла. Даже куском хлеба и лишней конфетой для Маши. Что уж было говорить о чужом человеке, душа которого потемки.

– И это я тоже понимаю. Но разве я что-то говорил о деньгах? Поверь, у меня их достаточно, чтобы обеспечить вас обеих, и даже весь посёлок в целом. Но до него мне нет никакого дела, – с жаром заявил мужчина. – Процесс опеки и во все пройдёт без сучка и задоринки, если... мы распишемся. Маша автоматически попадёт и под мою опеку, а ты на законных основаниях получишь прописку и ежемесячное содержание.

– Что? – пискнула я. Мне хотелось схватиться за сердце, я смотрела на мужчину испуганным, затравленным взглядом.

Он предлагал мне несусветную глупость, на которую я никогда не соглашусь!

– Шанс получить опеку над Машей в твоём случае ничтожно мал, но вероятен. А брак... Мы оба понимаем, что за ним не будет стоять ничего, кроме вашего благополучия. В любой момент, когда ты встретишь подходящего парня, получишь развод. Мы можем даже жить отдельно.

– Вы сошли с ума, да? – недоверчиво ухмыльнулась я, не веря по-прежнему своим ушам.

Видимо я все же спала, потому что на реальность это походило мало.

– Нет, я не шучу. Я предлагаю тебе варианты, – Игорь стоял рядом со мной и даже не шевелился, когда меня уже трусило так, словно я находилась в лихорадке. – Брак – формальность, он не обязывает тебя жить со мной под одной крышей, спать в одной постели. Но это самый простой и быстрый способ решить вопрос с опекой. У вас нет жилья. У тебя нет работы. Я узнал обо всех нюансах в органах опеки. Оформление документов займёт время. Пока я урегулировал вопрос на местном уровне. Но это очень длительный процесс. Даже несмотря на то, что ты её родная сестра, существуют законы. Не хочешь брак, я могу снимать вам жилье, сделать временную прописку, но даже и в этом случае, как ты понимаешь... Те деньги, которые положены вам от государства, это маленькие крохи.

Он напирал, словно танк, давил меня доводами.

– Мне нужно подумать, – резко оборвала я Игоря.

Я и без него понимала, что просто не будет. Что без собственного угла, без денег меня начнут футболить отовсюду, и никому дела не будет до человеческих чувств и стремления сохранить то ценное, что держало меня в этой жизни, придавало сил не опускать руки. Моя Маша как раз и была для меня тем лучиком света, ради которого я бы на многое пошла. Потому что у нас, кроме друг друга, больше никого не было. Мы были одни. Единое целое. И вот теперь этот мужчина, внезапно появившийся в нашей жизни, претендовал на место в наших жизнях. Но только, чего ради? Жалость? Сострадание? Но ведь он совсем не просил ничего взамен. Это казалось противоестественным. В моем мире таким совпадениям и подаркам судьбы не было места никогда.

– У матери есть брат. Я не знаю, жив он или нет, но...

– Аня! – Игорь склонился надо мной, а мне показалось, что он занимал все свободное пространство. От его близости и уверенного, тихого голоса на коже выступали мурашки. – Я попробую о нем что-то узнать. Но как ты понимаешь, в ближайшее время придётся на что-то решиться. Органы опеки идут мне навстречу, и они в курсе вашей непростой ситуации. Я могу купить в посёлке любой свободный для вас дом, но сама-то ты хочешь оставаться здесь после всего произошедшего? А Маша? Где ей будет лучше, в городе или здесь, в богом забытом месте?

– Я не знаю... – тихо ответила я. – Это все очень нежиз-

данно.

– Хорошо. Ты подумай. Я ведь не тороплю, – Игорь слабо улыбнулся. – Маша славная девочка. А ты совсем ничем не рискуешь.

Да, собственно, Игорь был прав. Чем я рисковала, по сути? Администрация района выделит мне захолустный угол, малые крохи денег и забудет о нас, поставив отметку в отчёте. Органы опеки будут инспектировать нас по каждому маломальскому случаю и трепать нервы. Люди в посёлке, прознав о доброте приезжего молодца, купившего погоревшим сироткам дом, и вовсе начнут сживать. Но довериться самой и доверить судьбу моей маленькой сестры совсем незнакомому человеку, было очень страшно. Очень... И я точно не сомкну сегодня глаз, думая обо всех его словах.

– Хорошо. Я подумаю, – согласилась я и кивнула Игорю, делая несколько шагов назад, освобождаясь от шлейфа приятного аромата, что от него исходил.

Глава 10

Соломон

В доме стояла оглушительная тишина. Но я все равно прислушивался к размеренному и тихому дыханию девочек, что находились в соседней комнате. Обе они спали, правда, Аня долго не могла уснуть, ворочалась, копошилась, наверное, размышляла о моих словах и нашем недавнем разговоре. Сложил руки за головой и смотрел в тёмный потолок, наблюдая, как причудливо играли на нем тени от дерева, что росло под окном, и тоже думал о... девочках. Не по отдельности, а в общем, целостном понимании. Уже почти рассвело, а сна не было ни в одном глазу.

После нашего разговора на улице со старшенькой я и сам много, о чем размышлял. Последние дни только и делал, что просчитывал все возможные ходы. И, наверное, совершал самый глупый и весьма опрометчивый поступок в своей жизни, но не мог допустить, чтобы маленький гном, обворожительная Маша стала заложницей всей этой неразберихи, что произошла в судьбе девочек, и попала бы в детдом при такой любящей и сильной сестре. Это бы нанесло обеим девочкам сокрушительный удар. Сестёр ни в коем случае нельзя разлучать! Я понимал, что за этим расставанием не последует ничего хорошего, потому хотел вмешаться и помочь. И

был уверен, что Аня подумает и примет в итоге правильное решение. Потому что они на хрен никому были не нужны. И брат этот... Я, конечно, узнаю о нем, наведу справки, но за плечами у меня большой жизненный опыт, и вот так, на-вскидку, я делал ставки: либо там такой же неудачник, какими были родители Ани и Маши, либо порядочный человек, который сторонился тёмных пятен в своей биографии и жизни. Но как бы там ни было, я не сторонился. Прекрасно знал цену таким вот искренним чувствам, что были между сёстрами и хотел им помочь. Просто по-человечески протянуть руку помощи взамен на кусочек тепла и призрачного счастья в лице маленькой Маши.

За эти дни, проведённые вместе с девочкой, я снова почувствовал себя счастливым и живым. И не хотел ее больше отпускать, каким бы эгоистичным не было это желание. Но не все так просто. Я ждал, чтобы Аня сама захотела уехать из посёлка. Я честно не видел никакого смысла оставаться в этом месте. В городе их ждала совсем другая жизнь. Узнай Стас о моих приключениях и решении дать девочкам шанс на достойную жизнь, попытался бы меня уколоть или отговорить. А Света... я прекрасно видел ее «ненавязчивые» попытки стать моей половинкой и огонь в ее глазах, как она мечтала о счастливой семье. Но нет. Больше никаких семей и обязательств. Максимум фиктивный брак и тот ради опеки, и тот исключительно в крайнем случае, если предложенных денег начальнику отдела опеки покажется мало. Но мне ка-

залось, что вопрос урегулируется обычным путем: я оформлю Ане и Маше прописку, Ане подыщу работу, меня представим как жениха. Боялся я напирать с браком на Аню, и к Маше привязался, не хотел отпускать от себя девочку. Сам уже жалел, что заикнулся о браке. Наверное, и вовсе напугал Аню этим предложением.

Только ведь я и сам не думал, что обычная поездка отдохнуть и побыть вдали от цивилизации обернётся для меня такими вот кардинальными переменами. Что встречу девочку, очень похожую на Асю, и тем самым получу шанс искупить свою вину перед дочерью, что не уберёг ее, потерял и никак не мог отпустить и забыть эту боль, эту ужасную потерю. Те дни, что я провел с Машей, пока Аня лежала в больнице, окончательно лишили меня всяких сомнений. Быстро узнал все нюансы относительно их ситуации в органах опеки. Позвонил своим юристам и озадачил их, чтобы они просчитали все возможные ходы. А те, в свою очередь, предоставили мне всю информацию по этому поводу и подготовили необходимые документы. И если Аня согласится на брак, пусть даже фиктивный, у меня был шанс на то, чтобы стать полноправным и законным опекуном маленькой девочки и другом для ее старшей сестры. Но, вероятно, до брака все же не дойдёт и будет достаточно прописки и стабильного дохода, чтобы Ане разрешили опеку над Машей. Но я хотел быть с ней честным до конца, поэтому и сказал про фиктивный брак. Со временем я надеялся, что все устаканится, и обе девоч-

ки скажут мне спасибо за мое решительное вмешательство, а пока я видел лишь боль и страдания в глазах обеих. Видел, как Аня смотрела на Машу, как сама Маша тянулась к сестре, и мое окаменевшее сердце будто оживало рядом с этими девочками.

Когда той ночью увидел Машу на пороге дома, как она плакала и просила о помощи, я снова подумал о том, что это проделки судьбы. Никак иначе, она давала мне второй шанс, чтобы я не допустил прежних ошибок. А вытащив худенькое тело Ани из дома, охваченного огнем, не зная ещё тогда, останется ли она жива, откачают ли ее врачи, осознал, что эта встреча была роковой. Наверное, девочки были посланы мне свыше или наоборот, но одно знал и чувствовал абсолютно точно, что я не должен их оставлять одних. Что я нужен им. И поступал так, как подсказывало сердце. Разум твердил обратное, но в этот раз, впервые за долгое время, я пренебрег им и отдал предпочтение и выбор в пользу чувств.

Под гнетом тяжёлых мыслей я провалился в сон и проснулся уже оттого, что почувствовал, как по дому разносился приятный аромат еды. Приоткрыв глаза, я прислушался к тихим голосам своих гостей и довольно улыбнулся. Ведь недаром говорят, что утро мудренее вечера. Потому как сегодня я не чувствовал и капли сомнения в тех словах, что говорил вчера Ане. Говорил с ней аккуратно и, тем не менее, максимально честно. Она ещё сама потом спасибо мне скажет, когда поймёт, что брак со мной – это не так уж и

плохо. Я дни напролёт провожу на работе, а мои любовницы, хотя уже почти как год она была одна и та же, полностью удовлетворяла все мои потребности и желания. Ане не о чем беспокоиться. Совершенно. Если только о досуге маленькой Маши. Правда, я собирался выдвинуть одно важное условие. Жить девочки пока будут со мной. А Аня... она согласится. У нее безвыходное положение. И такого шанса им воспользоваться у девочки просто больше не будет. Я давил на слабые места, руководствовался вспыхнувшими чувствами нежности к обеим и прекрасно отдавал себе отчет, что девочки были живыми людьми, а не бездомными котятками, которых я подобрал на улице и собирался забрать домой.

Я потянулся, зевнул, встал и выглянул в окно. Погода стояла тёплая. Но совсем скоро обещали дожди и резкое похолодание. Жаль я не догадался перекинуть колеса на зимние, когда поехал в Рыбачий. Но думаю, чтобы уладить все формальности много времени не потребуется. На крайний случай, если что-то сделать не успею лично сам, подключу юристов. Будут по доверенности от нотариуса заниматься всей этой ситуацией.

– Привет! – бодро произнёс я, и Аня с Машей вздрогнули и вытянулись как по струнке.

Маша всегда улыбалась, когда меня видела. Я уже безгранично привязался к ребёнку за эти дни, пока Ани не было с нами, и девочка, кажется, тоже приняла меня и относилась очень тепло и дружелюбно. Омрачало лишь одно, я почти

каждый раз видел в ней Асю. Понимал все, но сделать ничего не мог.

– Дядя Игорь мы приготовили еду. Я сама замесила тесто и жарила блины! Аня мне только подсказывала, что делать.

Я улыбнулся непоседе и взглянул на Аню, та показала руки в бинтах в подтверждение слов сестры и пожала плечами.

В девушке была какая-то скрытая сила и в то же время безграничная нежность. То с какой лаской она относилась к ребёнку... Бывало, и собственная мать не всегда так трепетала над любимым чадом. Что уж говорить про Машу, которая смотрела на сестру, как на волшебницу. Я часто последние дни задавался вопросом, как Ане удалось сохранить в себе доброту и искренность с такими родителями? Откуда в ней было столько сострадания? Ведь она рисковала в тот день своей жизнью ради людей, которые не заботились о них. Маша столько мне всего рассказала, что мое каменное сердце не выдержало и раскрошилось в пыль от этих рассказов. Разве возможно заставлять так страдать своих детей?

– Надеюсь, на меня рассчитано? – спросил я, потрепав Кукленьша по мягкой щечке.

– Да, да! – Маша радостно прыгала на месте, и я снова улыбнулся.

Не знаю почему, но в голове промелькнула мысль, что моя мать придёт в восторг от девочки. И, вероятно, от старшей не меньше. Мы позавтракали и я, оставив сестер одних, поехал в город, чтобы докупить продуктов на вечер и заодно

заехать в органы опеки и забрать все необходимые документы, потому что на днях я собирался уезжать в Москву.

Глава 11

Соломон

Вопреки своим обещаниям не включать телефон и не звонить на работу, мне необходимо было снова связаться с юристами, чтобы подключить их к муторному процессу. И едва телефон успел загрузиться и войти в сеть, как посыпался шквал сообщений о непринятых звонках. Рекорд побила Света. После нее был самым настойчивым и занял почётное второе место мой зам, и только родители скромно позвонили всего два раза. Я, конечно, же начал именно с них. Свете я не собирался перезванивать, лишь набрал короткое сообщение, что со мной все в порядке, и я какое-то время хочу побыть один. У зама выяснил, что за срочный вопрос и за чем я ему понадобился.

Когда с формальностями было покончено, я вернулся в машину и направился в магазин. Мне хотелось побаловать девочек чем-нибудь вкусным. Аня хоть и настороженно ко мне относилась, зато Маша оправдывала мои ожидания на все двести процентов. И кто действительно не меньше меня будет рад их появлению в моей жизни и доме, так это мама. Она никак не могла пережить смерть Аси. Никто не мог, и я ничего не забыл. А эта девочка... они обе станут для неё отдушиной.

– Аня! – я занёс пакеты в дом.

Девочки сидели на диване и чем-то увлечённо занимались. Окинул беглым взглядом сестёр и направился напрямиком на кухню.

– Игорь? – она подняла на меня вопросительный взгляд, будто почувствовала скорые перемены, и нечто не читаемое сверкнуло в ее взгляде. – Маша посиди, я сейчас, – она поднялась и направилась на кухню следом за мной.

Умная девочка. Молодец.

– Столько всего... – она окинула взглядом мои покупки.

– Что ты решила? – повернулся к ней лицом, глядя в ее чистое и бледное лицо.

Да, я пускался в чудовищные авантюры и толком не понимал – зачем все это делал, конечно же, в большей степени ради Маши. Представлял, как Ане будет тяжело тащить эту ношу или даже идти на крайние меры, чтобы обеспечить им хоть какое-то подобие нормальной жизни, и на сердце становилось тяжело. Наверное, это сама судьба. Хотя до этого дня я никогда в нее не верил. А после того, как она отняла у меня двух дорогих людей, я и вовсе потерял всякую веру и надежду. И просто не хотел, чтобы Аня жизнь себе сломала и тоже потеряла эту веру. Она видная девушка, и охочих мужиков, чтобы купить ее чувства и внимание будет очень много. Она еще, наверное, даже сама толком этого не осознавала, но еще буквально пару лет, и ее красота расцветет и заиграет новыми бликами нежности и женственности.

– Да... – она подняла лицо и посмотрела на меня в упор своими светлыми глазами. – Мне некуда идти, а лишиться сестры из-за каких-то принципов... Единственное, я... не готова быть Вашей содержанкой! И если Вы рассчитываете, – она мельком глянула в сторону Маши. – Если думаете, что можете как-то влиять на это моё решение, то я лучше буду... в общем, я не буду с Вами спать и любовницей Вашей не буду. Если решили помочь, хорошо... Но хочу, чтобы все было по-честному.

Я опустил пакеты на пол, точнее выронил, и их содержимое вывалилось на пол. Я обескуражено смотрел в лицо девушки, но не видел и тени веселья на нем. Она сжимала кулаки и бегала по моему лицу решительным и тяжёлым взглядом.

– Откуда такие мысли? – удивился я, все еще не веря в то, что только что услышал.

– Мне... Нам, – она поправила себя. – Нам с Машей ещё никогда и никто не помогал. Может быть, у Вас много денег и для Вас такого рода помощь капля в море, но не для меня. Не для нас. Я знаю цену деньгам и... бесплатный сыр, он только в мышеловках. Жизнь и не такому научила, – говорила она твёрдо и решительно.

Впервые в этот момент я посмотрел на Аню не как на наивного и глупого несмышлениша, а как... на девушку? Рассудительную и взрослую девушку! А может быть, и вовсе, женщину? С чего вдруг она решила, что я буду принуждать

ее к сексу?

– У меня много денег и много возможностей, – подтвердил я. – Это не говорит, что я не знаю реальную цену человеческим благам. Но я думаю, если у тебя есть возможность принять мою помощь, не вижу смысла отказываться и заставлять Машу страдать и самой бросаться в крайности. Моя помощь не обязывает тебя абсолютно ни к чему.

– Хорошо если это так, но, если вдруг... – она осеклась и впилась в меня цепким взглядом. – Имейте в виду, что для этих целей Вам лучше найти других девочек. Ни себя, ни Машу я в обиду не дам.

А вот это уже было несколько обиднее. Она, таким образом, намекала, что я мог под человеческим обликом скрывать личину педофила?

– Разве я дал тебе повод усомниться в своих намерениях? – жёстко произнёс я.

– Пока нет, но... есть притча... об отчаянных обещаниях. Знаете?

Я заинтересованно на нее смотрел, ожидая продолжения. Покачал головой из стороны в сторону.

– Я дословно не помню, но суть в том, что человек сорвался с обрыва, ухватился за выпирающий сук и молил Бога, чтобы тот спас его. Говорил, что сделает все, что он скажет, лишь бы тот спас ему жизнь. Долго просил и, наконец, Бог смилостивился, сказал, что спасёт его, но для этого ему нужно... отпустить этот сук... – Аня все это время неотрывно

смотрела мне в лицо. – Я, как и этот человек, вишу сейчас на самом обрыве. Но я не одна, за моей спиной Маша, а Ваши заверения о помощи, ничто иное, как просьбы Бога отпустить этот сук, за который я так усердно держусь. И если мы окажемся в самом низу, знайте, что это благодаря только Вашим заверениям. Даже родители и те никогда не предлагали своей помощи. Это не мне нужно думать обо всех предложениях, а Вам. Я никогда и ни за что не позволю обидеть мою сестру. Она мой единственный родной человек, который толком даже не видел родительской любви и ласки, и если Вы рассчитываете взять нас к себе, как бездомных зверушек, ради забавы, то лучше нам распрощаться сразу же. Маша привязалась к Вам, и мне важно ее мнение, ее чувства... Можно сказать, ради неё я решаюсь на этот отчаянный шаг.

– Аня, – у меня в груди все сжалось от этих слов.

Девушка, конечно же, была права. И оказалась весьма умной и дальновидной барышней. Конечно, деньги не решат всех проблем. Решат, но далеко не все. Но я точно не собирался склонять Аню к интиму. И в мыслях подобного не было.

– Хорошо. Давай заключим сделку? Я помогу тебе с работой и учёбой, сниму вам со временем приличное жильё, чтобы ты могла сама решать все глобальные вопросы касательно своей жизни и жизни сестры. Сама. Я лишь помогу с опекой над сестрой. Даже без брака это возможно, но несколько проблематичнее. И не такой быстрый процесс. Это самое

большее, что я могу для тебя... для вас сделать, и если ты будешь полна такой же решимости, как и сейчас, достичь высот и благополучия, то у тебя обязательно все получится. Будем считать я добрый волшебник. И, кажется, вчера мы перешли на ты?

– Старик Хоттабыч.

– Что? – я улыбнулся и вопросительно поднял брови.

– Это Машина любимая сказка и фильм, а Вы... то есть ты очень на него похож, – в глазах Ани загорелся огонь, неужели лед тронулся, а я одержал победу?

Коснулся щетины на подбородке, что отросла за эти дни и ухмыльнулся:

– Ну, тогда по рукам... Волька?

– Хорошо, – выдохнула Аня и слегка улыбнулась уголками губ. – Страшно представить, сколько пришлось выщипнуть волосков, чтобы купить это все, – она кивнула в сторону пакетов с едой и игрушками для Маши, что лежали на полу.

– Не переживай, вырастет ещё для новых покупок, – сказал я тихо, не знаю, услышала она или нет, но ее шутку я оценил.

Аня позвала Машу, и пока они вдвоём неуклюже разбирали пакеты, я смотрел на Аню и впервые, нет, кому я вру, отнюдь не впервые, разглядывал ее ладную фигурку и думал о том, сколько всего интересного скрывалось в этом хрупком тельце. Девушка, безусловно, имела прочный и негнибаемый стержень. Кто ты маленький белоснежный ангел? И что за

мысли скрывались в твоей голове? Сраженный наповал этими сравнениями и мудрыми словами девушки, я потрясенный наблюдал за ее движениями и не знал, что ответить самому себе. Интересно, а сама она знала ответы?

Глава 12

Аня

Жизнь научила меня многому: я никогда и ни на кого не надеялась, не ждала ничьей помощи, я просто знала, что ее никогда и ни от кого не будет. Родители, правда, не всегда пили, но мы всегда жили в нищете. Сколько себя помню. И видела много таких семей вокруг и детей, что росли в подобных условиях. И не хотела я такой жизни, не хотела стать продолжательницей традиций своих родителей и для Маши хотела другого будущего. После Маши мать родила ещё одного ребёнка. Мальчика. Мертворожденного. Она уже до беременности пила, а после как родила его, мёртвого, так и во все, будто умом тронулась.

Отец... Это вообще отдельный разговор. Я за последнее годы ни дня не видела его трезвым. Алкоголь опустил и превратил их в животных. И главное, на эту пакость, проклятый алкоголь, им всегда хватало денег, он стимулировал их работать и искать заработок. Не Маша, не я, а вот такие низменные радости и потребности. Поэтому я как та лягушка, попавшая в кувшин с молоком, собиралась барахтаться до последнего. А там будь что будет.

Наверное, я тоже немного тронулась умом, но у меня внутри были равнодушие и пустота, а еще капелька облегче-

ния, что родителей больше не стало. И какое-то горькое сожаление, ведь они не всегда такими были, а по своей глупости погорели и чуть нас с Машей на тот свет не забрали. У меня в груди было очень тяжело. И я сильно переживала за сестру и наше будущее. Я рано познала взрослую жизнь, ее законы и обратную сторону. И если бы не Игорь... то Машу у меня уже забрали, потому что его договоренности с опекой и подготовка всех документов решались денежным путем. Если бы не он, я бы и родителей не смогла похоронить в такие короткие сроки. Во всей этой ситуации с предложением Соломона меня смущало лишь одно – это Маша и ее привязанность к мужчине. Пока я лежала в больнице, они успели поладить и сблизиться, да и Маша бы не смогла потянуться к плохому человеку. Слишком она добрая и открытая девочка и, если человек плохой, остро это чувствовала и замыкалась в себе. Как только видела отца, так и начинала плакать от страха. А тот, как будто издевался над ней, и пьяный доводил ребёнка сильнее. Мы потому прятались от них от греха подальше. А то он в последнее время руки принялся распускать, я все боялась, до беды это все дойти могло. Что в итоге и произошло.

Я не спала почти всю ночь, слушала, как шумел ветер в деревьях, гладила голову и спинку Маши и думала. Думала о том, что согласилась в первую очередь ради нее. Потому что нам некуда идти. Даже соседи и те не пришли узнать, что с нами и как после пожара. Что за нелюди! Обычно в

маленьких посёлках все друг друга поддерживают, а тут... Хотя какое может быть отношение к девочкам, дочерям алкашей, из-за которых чуть не погорел посёлок? Я поэтому не хотела оставаться больше в Рыбачьем. Тем более я никуда не поступила, а Маше нужно в школу идти. А жить, а кушать на что? Даже одежды толком не было, спасибо Игорь и об этом позаботился. Нет, я не собиралась таким образом переключать всю ответственность за нас с Машей на плечи Соломона, но одной мне сейчас не выкарабкаться, и я отчётливо это понимала. У меня даже вариантов других не было, как откинуть все сомнения и воспользоваться предоставленным шансом. Главное, у моей девочки все будет хорошо, она пойдет учиться в школу, будет хорошо питаться и я, возможно, устроюсь куда-то на работу. Потихоньку окрепнем, встанем на ноги и уйдём от Соломона, чтобы не быть для него обузой и не мешать его личной жизни. А там, глядишь, и время пролетит, и я попробую ещё раз поступить куда-нибудь. А моей решимости и запала уж точно хватит, чтобы не опустить руки.

Вчера вечером Игорь сообщил, что ближе к обеду мы уедем в Москву. После этого заявления я глаз ночью не сомкнула, а утром сходила на пристань и окинула печальным взглядом привычное место. Да, мне было очень тяжело уезжать из посёлка и отправляться в неизвестность, в совсем другой мир. Но разве были у меня другие варианты? Обычно трудности не только приносят много душевных терзаний

и мук, но и закаляют, делают сильнее. Зачем-то эти испытания были посланы для меня свыше. Значит, я должна была их преодолеть. У сестры больше никого не осталось, кроме меня, и я не хотела подвести ожидания и чувства маленького и любимого человека.

– Аня, пожалуйста, пойдём, поищем Пуховика! – мы уже собирались уезжать.

– Пойдём, – согласилась я, окидывая взглядом нашу комнату.

Все вещи уместились в один большой пакет.

– Пуховик и вчера не приходил, – сказала Маша дрогнувшим голосом, и я подошла к сестре и обняла ее за плечи.

Чертяка и здесь повадился к нам ходить. Ещё накануне я сказала Маше, что мы уедем вместе с Игорем в город, и сестра тут же принялась уговаривать меня и Игоря взять с собой Пуховика. Но ведь он лесной кот, дикий. Он не сможет жить в городе. Ему нужна воля и простор и... вешать на Игоря ещё одного иждивенца. Нас с Машей было достаточно. Но это все понимала я, а как было втолковать маленькой девочке, которая внезапно решила, что предаёт дружбу с котом, оставляя его здесь одного?

– Аня, он точно не будет по мне скучать? – серьёзно спросила Маша, видя, что меня не трогают ее слезы и уговоры.

Трогали на самом деле, но виду показывать не хотела, чтобы Маша еще сильнее не переживала. Конечно, животное привязалась к нам и продолжит ходить к дому, в котором

больше никто не будет жить, но... что я могла сделать в этой ситуации? У меня и так сердце болело за все, ещё теперь вот за переживания Маши, что она бросает друга. Жалко было кота и, в общем, страшно уезжать. Но я уже все решила. И назад дороги не было.

– Маша, ну ты погляди, какое здесь для него раздолье! Скучать он точно не будет. И ведь не каждый день он приходил к тебе.

– Ну и что! Мне жалко Пуховика. У меня ты и дядя Игорь, а он один останется, – Маша расстроено села на диван и опустила личико.

– Пошли! – я схватила Машу за руку и повела на улицу.

Если честно, я и сама хотела увидеть напоследок кота. Не знаю почему, но просто... правильно так было. Попрощаться с последним живым существом, которому мы были не безразличны. Игорь возился на улице с автомобилем, я не мешала ему, и сама сегодня сменила повязку на руке. С одной руки так и вовсе уже сняла бинты. Кожа заживала небыстро, но боли и дискомфорта я практически уже не ощущала. В скором времени я надеялась, что смогу пользоваться руками в привычном для меня ритме. Правда, на правой руке на запястье останутся вероятнее всего шрамы. Той самой руке, которой я тянулась к матери...

– Вы куда? – спросил Игорь, заметив, как мы уверенно вышли из двора.

– Маша хочет попрощаться с Пуховиком.

Игорь стоял в одной майке на улице, хотя погода была уже не сильно тёплая. Его лоб слегка блестел от пота, лицо чистое и красивое слегка покраснело. Он вчера побрился и перестал быть похожим на... В общем, преобразился и как будто сбросил лет десять, не меньше.

– Я не видел его со вчерашнего утра, – Игорь мыл машину, протирал тряпкой капот и фары и тоже смотрел на меня.

После того разговора я почему-то стала смущаться его взглядов и... пока не представляла, как буду жить со взрослым мужчиной у него дома.

Тяжело вздохнув и ничего не ответив, я отвернулась от Соломона, взяла Машу за руку и пошла в сторону леса, туда, где чаще всего видела Пуховика. На все про все было не так уж много времени. И если его не будет там, придётся уезжать, не попрощавшись. Маша горько заплакала, когда Пуховика нигде не оказалось, и у меня на сердце кошки заскребли. Как символично. Да кошки, с огромными когтями как у Пуховика. И надо же было придумать его так назвать. Ну что за чертяка! Не мог он, видите ли, выйти из укрытия, ведь когда нужно, появлялся тут как тут. Даже на пожаре и там был, Маша мне рассказывала, что пришёл и терся об ноги Игоря, будто благодарил того, что спас меня. Маша плакала, и мне самой захотелось пустить слезу.

Мы вернулись к Игорю, он уже складывал вещи в машину. Я решила, что в дом возвращаться не буду. Пакет наш с вещами он уже вынес и поставил на заднее сидение. До-

кументы и небольшие сбережения лежали там же. Маша обняла меня и, уткнувшись лицом в ноги, стояла так какое-то время. Ее плечики подрагивали, я гладила сестру по голове, понимая все ее переживания и боль. Игорь вынес Вольку, огромного мишку, что подарил сестре и посадил игрушку на заднее сидение.

– Ну что, поехали? – спросил он, окинув нас взглядом.

Маша подняла заплаканное личико и кивнула.

– Пуховиик! – она опустила глаза, и я вместе с ней, когда почувствовала, как кто-то трется об наши ноги.

Маша бросилась к коту и обняла того. Поднять его на руки у нее, наверное, не хватило бы сил. Он распушил хвост и с важным видом стоял возле нас. И где был все это время или нарочно прятался и ждал до последнего, может, тоже не любил долгие прощания? Зажмурил глаза и громко замурчал, когда Маша принялась его гладить. Игорь с доброй ухмылкой на лице наблюдал за этой картиной. Интересно, о чем он думал? И почему так трепетно относился к Маше?

– Пуховик! Я уезжаю и не знаю, когда вернусь. Но ты дождись меня, – тихо просила Маша. – А вдруг ты передумаешь и захочешь в город? – она теребила его за шерстку, а я только сейчас подумала, что она с котом прощалась трепетнее, нежели с родителями.

От проведенных параллелей улыбка сползла с моего лица, и я покачала головой, отмахиваясь от грустных воспоминаний. Иной раз поведение и мысли Маши не поддавались ни-

какой логике.

– Я буду скучать, – она снова обняла кота, а потом решительно выпрямилась и молча забралась в машину.

Мы переглянулись с Игорем и он, пожав плечами, тоже забрался в машину на водительское место. А я опустила на корточки, погладила кота, глотая ком в горле. На глаза почему-то навернулись слезы...

– Прощай, Пуховик, – тихо сказала я, перебирая пальцами жесткую шерстку кота и поднялась.

Смахнула слезы и забралась в автомобиль к Маше.

Глава 13

Аня

Машина въехала в город ближе к вечеру. Маша с радостью и каким-то одухотворением воспринимала все перемены. Прижимала к себе медведя и смотрела в окно, изредка поглядывая в мою сторону. Я тоже смотрела в окно на сменяющиеся картинки сквозь некую призму настороженности. Глядела на разноцветные огни, сверкающие многоэтажки и... тосковала по поселку. Мне были чужды эти каменные великаны – бездушные, некрасивые и величественные. Но я видела все эти переливающиеся огни города в восторженных глазах Маши, и мое сердце отпускало. Я привыкну. Со временем я обязательно свыкнусь со всем и обрету спокойствие. Может быть, я еще не отошла от пожара и чисто психологически мне сложно перестроиться на новый лад, а может быть причина была в другом... я не знаю. Но никогда еще не чувствовала себя такой незащитной и маленькой. Почти, как моя Маша. Хотя давно уже несла на своих плечах тяжелый груз ответственности. Только сейчас все было иначе. Мне тоже хотелось вжаться в чью-нибудь грудь и рассказать обо всем, что тревожило и не давало покоя. Но такой роскоши у меня никогда не было. Я все и всегда хранила внутри себя и ни с кем не делилась переживаниями.

Игорь всю дорогу молчал, а я мельком поглядывала на него, как он сосредоточенно следил за дорогой и сжимал двумя руками руль. Казалось, он тоже был напряжён. Но в таком плотном потоке машин и не мудрено, расслабишься тут. Прежде чем подъехать к дому, мы заехали в торговый центр. Маша впервые была в таком месте, и я ждала, что она будет восторженно озираться по сторонам, а на деле вела себя, как испуганный зверек. Смотрела на всю эту бездушную мишуру затравленным взглядом. И не было в ее глазах блеска и радости. Скорее интерес и испуг. Я же равнодушно рассматривала успешных людей, разнаряженных подростков, ярких девушек и красивых молодых людей, довольных жизнью с широкими улыбками на лицах и огнем в глазах. Нет, всего этого было и в Воронеже много, но сейчас я острее воспринимала эту разницу между собой и окружающим миром, эту пропасть, через которую просто так не перейти.

Прохожие совсем не обращали на нас внимания. Мы с Машей держались за руки, и я ощущала грядущие перемены в нашей жизни, они витали в воздухе. Соломон держался уверенно и обыденно, а мы, словно два изгоя, шли немного позади и рассматривали прохожих. Они жили все своими жизнями, и до нас никому не было дела. Большой каменный посёлок, как будто и не уезжала никуда, честное слово. Я в этот момент окончательно поняла, что все я сделала правильно. Что, спустя время, мы так же, как и эти прохожие, будем жить своей жизнью и вспоминать об этих тяжёлых минутах

вскользь. Отбросив в сторону грустные мысли, я сжала сильнее ладошку Маши и подмигнула ей, когда она подняла свое личико.

Соломон купил продукты, много всего набрал, пакеты едва помещались у него в руках. Он сгрузил их в багажник, и мы поехали домой. Игорь пообещал Маше привезти нас в торговый центр в выходной день и сводить в кинотеатр, посидеть в кафе. Я была очень счастлива, что такая сказка появилась в жизни сестры, и в то же время это все как будто было не по-настоящему и искренней радости пока не приносило. Словно я сидела на бочке, начиненной порохом, и все ждала, когда же она рванет. Неужели у такого красивого и богатого мужчины не было никого, о ком бы он мог заботиться, или наоборот? Зачем мы ему сдались?

– Маша, возьми этот пакет, – попросил Соломон, кивнув в сторону небольшого свертка. – Устали? – он окинул нас быстрым взглядом.

– Устали, – отозвалась Маша. Взяла Вольку и пакет. Я тоже прихватила немного вещей в одну руку. Второй пока непривычно было пользоваться из-за повязки.

Квартира Игоря располагалась в одной из многоэтажек. Отвези меня на несколько метров от него, и я уже никогда не найду обратно дорогу. Дома были похожи друг на друга, как близнецы. Я недоумевала, как он ориентировался во всем этом безобразии. И получится ли у меня хоть когда-нибудь привыкнуть ко всему этому. Мы поднялись на лифте на

десятый этаж, Игорь открыл дверь и впустил нас в дом. Теперь я, конечно, понимала, что не было ничего плохого в его предложении, чтобы мы пожили какое-то время все вместе. Мне необходимо время, чтобы привыкнуть к новой обстановке и научиться в ней ориентироваться. И научить Машу.

Квартира оказалась просторной и очень красивой, со всеми удобствами, к некоторым вещам даже страшно было прикоснуться. Я лишь приблизительно понимала, как дорого это все стоило. Маша смотрела во все глаза, и по восхищению, что отразилось на её лице, я поняла, что ей очень понравилось жилище Соломона. Вопреки моим ожиданиям, что нас встретит женщина – хозяйка этого дома и по совместительству невеста мужчины, этого не произошло. Дом пустовал, и в нем не ощущалось никакой жизни. Логово холостяка. Ни одной женской вещи. Ничего. Никакого намека на то, что эту территорию пометила самка. Не знаю, обрадовало меня это или огорчило. Я не думала о Соломоне в таком ключе. Наверное, даже и не предполагала, что подобные чувства можно испытывать к мужчинам в целом. До сегодняшнего дня я лишь видела грязь, похоть и сальные, скользкие взгляды в свою сторону от противоположного пола, и мне не нравилось ничего из вышеперечисленного. Поэтому я все ждала подвоха и перемен в поведении Игоря, и мне очень хотелось, чтобы он не менялся. Поэтому наличие женщины на его территории я бы восприняла... положительно.

Мы сидели на кухне, Маша пила теплое молоко с пече-

нем, а мы с Игорем чай, когда раздался телефонный звонок. Игорь взглянул на дисплей телефона и переменялся в лице, вытянулся как струна, напрягся, и взгляд его помрачнел. Я все пыталась понять, рад он был этому звонку или нет. Поэтому как несколько минут разговора не пролили ясности на этот вопрос. Он вышел в прихожую на время разговора, но я все равно слышала обрывки его фраз. И зачем-то вспомнила его слова о фиктивном браке и поняла, что никогда на него не соглашусь. У него были отношения, и становиться камнем преткновения в его связи с какой-то женщиной я не собиралась. Как и он пообещал мне, что между нами ничего и никогда не будет. И теперь я верила ему немного больше. Но впервые посмотрела на мужчину другими глазами, когда осознала, что некая женщина жаждала с ним встреч. Будь я на месте Светы, или Лены, или Наташи, неважно, я бы не позволила случиться фиктивному браку. Если только девушка не была для Игоря ничем серьёзным. Но я не собиралась даже думать об этом! Других забот хватало.

Игорь после этого звонка уехал и вернулся глубокой ночью. Слышала, как он тихо закрывал входную дверь, думая, что мы спали. Маша и в самом деле спала, а я не сомкнула глаз. Ворочалась полночи. Прислушивалась к каждому шороху, и в итоге заснула, когда в комнату проникли первые утренние лучи солнца.

А проснувшись, пришла на кухню, и на столе обнаружила телефон и записку. Игорь обещал позвонить около полудня.

Просил никуда не выходить без него, потому что будет переживать за нас с Машей. Пообещал вернуться пораньше и погулять втроем. Но я бы и так никуда без него не пошла. Потому что столько замков и ключей на одной связке я видела впервые. Я бы точно запуталась, каким и в какой последовательности необходимо воспользоваться, чтобы выйти из дома. А затем попасть в него обратно.

Окна квартиры выходили на проезжую часть, через дорогу располагался большой и красивый парк. С такой высоты люди казались игрушечными или вовсе похожими на муравьёв. Маша все утро провела у окна. Задавала кучу вопросов и тем самым отвлекала меня от мыслей, что бурной рекой несли меня по своему течению.

Я не сразу разобралась, где и что лежало у Игоря на кухне, пришлось немного полазить по шкафчикам. Сварила Маше кашу, затем включила телевизор и посадила ее к мультикам, а сама расположилась на кухне у окна, нервно теребя в руках телефон. Даже не сразу заметила, что посматривала на часы и ждала звонка Игоря. Ближе к вечеру я приготовила ужин и села читать. У Игоря оказалась большая и разнообразная библиотека, я нашла книгу по душе, и за чтением день пролетел незаметно. С обеда зарядил дождь. Игорь вернулся с работы, как и обещал, в начале шестого, до наступления сумерек, но погода внесла свои коррективы в намеченные планы, и прогулку пришлось перенести. Мужчина быстро переоделся и обосновался с нами в гостиной. Расспрашивал Ма-

шу, чем она занималась днем, пообещал, что после ужина ее будет ждать небольшой подарок. Но их и так уже было очень много. Такими темпами он мог разбаловать ребёнка.

Ещё за ужином я обратила внимание на красные болезненные глаза Маши, и как она вяло ковыряла вилкой еду. Игорь рассказывал ей что-то весёлое, а я улыбалась, глядя на них, толком даже не прислушиваясь к разговору, витала в своих мыслях. Лишь украдкой задерживала на Игоре взгляд дольше обычного, когда он улыбался. Без щетины и признаков усталости на лице он выглядел как будто моложе. Интересно, а будет ли ночевать сегодня дома или отправится к этой самой Свете, как и вчера после ужина? Или... приведёт ее сюда? Вот его невеста обрадуется такому соседству.

– Так, девочки, я отдыхать. Мне завтра снова на работу. Аня можно с тобой поговорить?

Маша как раз помогала мне убирать посуду со стола.

– Да, – отозвалась я неуверенно. – Маша, беги, разбери пакеты, что привёз дядя Игорь.

Уж на что я была недалекая и не разбиралась во всяких нашумевших названиях крутых магазинов, но пакеты с надписью «Детский мир» вполне вызвали умиленные ассоциации.

Маша просияла, поставила тарелки в раковину и убежала в гостиную, которая стала нашим временным убежищем. Одна эта комната была почти как наш целый дом в посёлке.

– Я сегодня отдал все документы своим юристам. Сделал

вам временную прописку. Уверен, что острых проблем больше не возникнет.

– Спасибо, – было неловко за то, что свалились на его голову и стали обузой и кладезем проблем, и в то же время я испытывала глубокую благодарность к мужчине.

– А теперь о жилье. Я понимаю, что я новый для вас человек, как и вы для меня, но мне страшно вот так оставлять вас один на один с незнакомым городом. Что если какое-то время мы все проживем под одной крышей, пока не освоитесь? – предложил Игорь. – Месяц или полтора. Вы меня несколько не стесните. Как ты наверно поняла, работа требует от меня отдачи, и дома я буду появляться лишь по вечерам. Но все же мне будет спокойнее, если я буду знать, что с вами все в порядке, и я буду рядом в нужное время, – Игорь смотрел на меня с надеждой, неужели боялся, что я буду против? – Аня? – он словно и вправду становился похож на мальчишку, когда улыбался и даже небольшие морщины в уголках глаз в этот момент делали его особенно привлекательным. Почему его забавляла моя растерянность?

– Я не знаю. Ты и так очень много для нас сделал и продолжаешь делать. Мне неловко пользоваться твоей добротой. Я так не привыкла. Но... наверное, ты прав, – согласилась я, понимая, что пока не готова отправиться в свободное плавание.

– Но привыкнуть придётся. В ближайшие пару дней все решится с документами, и ты получишь опеку над сестрой.

Мы оформим Машу в садик с упором на подготовительную программу к начальным классам, найдём тебе рабочее место. К сожалению, поступить в университет в этом году не получится, я узнавал. Но на будущий год... Ты пока сама можешь определиться, что тебе интересно и готовиться в свободное время дома.

– Ты так все расписываешь... Я уже думаю, что ты и в самом деле волшебник, – и это, конечно же, неплохо, но все равно очень странно.

– Хорошо. Будь у тебя возможности и деньги, ты бы помогла мне с младшим братом, окажись я с ним в подобной ситуации? Или хочешь сказать, что осталась бы в стороне и не вмешалась в судьбу двоих человек, которые остались на улице и их, возможно, навсегда могли разлучить и поломать им тем самым судьбы? Я узнавал, Аня, тебе бы отказали в опеке. Отказали бы, даже если бы нашла угол и маломальский заработок. Без жилья, сама считай ребёнок, без работы, без образования. На ваших условиях, что вы родные, даже не стали бы зацикливаться. Как правило, люди в таких организациях смотрят лишь на общую составляющую, не вникая в суть проблемы. Поставили печать и закорючку, порушив ваши судьбы. Это я вижу, как ты любишь Машу, как она держится за тебя, чувствую вашу любовь и привязанность и понимаю, что разделить вас чревато душевными травмами для обеих. Поэтому денежный вопрос для меня играет последнюю роль. Куда важнее сохранить в вас то человеческое, что

пытались вытравить из вас ваши родители.

Я смотрела на Игоря расширенными глазами. Такой красивый, холеный и с таким большим сердцем. Он так глубоко видел эту ситуацию, будто побывал в моей голове. Да, я прекрасно понимала, что без всех этих благ нас с Машей разлучат. Да, я доверилась ему, потому что интуитивно чувствовала, как ему небезразлична Маша. Я просто видела его отношение к ней. Будто... Будто это была его дочь. Видела, с каким обожанием он смотрел на мою Машу... И одно это уже дорогого стоило.

– И ведь знаешь, я тоже после школы так и не доучился, – ухмыльнулся и прищурился, а я ловила каждое изменение в его лице, не знаю, почему делала на этом акцент. Но вроде он и улыбался сейчас, а глаза грустили. – Заочно доучивался. По дурацки исключили из института ещё на первом курсе, загремел в армию. А потом уже как отслужил, взялся за ум и многого достиг. Обычная история, в общем.

– Так уж и обычная? А семья?

Игорь тут же помрачнел, и взгляд его стал стеклянным.

– Была семья. Но это в прошлом. Не будем об этом, ладно? – он посмотрел на меня проникновенным взглядом, а меня пробрало до самых костей холодом, которым повеяло от мужчины.

Ладно, я вполне понятливая девочка и затрагивать эту тему больше не стану. Если сам не начнёт о ней говорить. Но вероятно за плечами мужчины был болезненный развод. А

может, бывшая жена и вовсе не давала видиться с ребенком, и потому он питал такие нежные чувства к Маше.

– Там в пакете и для тебя есть подарок, – Игорь улыбнулся, но улыбка получилась грустная и вымученная.

А мне снова внутри стало не по себе, и я будто переоценивала свои знания относительно мужчины. Смотрела на него другими глазами и пыталась его понять. Мне захотелось узнать о его жизни и что же такого случилось в ней, что он остался один. В голове не укладывалось, что такого чуткого и приятного человека могла оставить жена.

Мы разошлись каждый по своим углам. Я вернулась в гостиную, где Маша перебирала книги и пыталась разобраться с игрушечным обучающим ноутбуком. Разложила на полу инструкцию и с важным видом изучала картинки. Меня ждал плеер и несколько дисков. Я быстро разобралась с инструкцией и, подсоединив наушники, послушала несколько композиций. Маша внезапно отложила все игрушки и книги и, свернувшись калачиком, уснула прямо на полу. Я подняла сестру на руки и переложила на диван. Коснулась руками лобика и вздрогнула. Нет! Только не это. Маша вся горела и потому так тихо вела себя весь вечер. Но где умудрилась заболеть? Хотя много ли нужно ребёнку? Наверняка наш переезд и события последних дней отразились на ее здоровье.

Глава 14

Соломон

Несмотря на то что сильно устал за эти дни, на сон я настраивался очень долго. Не для одних же девочек столько волнений. Я тоже переживал за их переезд, сегодня практически весь день занимался документами и разъездами, чтобы процесс опеки ускорился. В общем, ничего сложного, обычные рутинные дела, но на деле все обстояло несколько иначе.

А тут ещё Света активизировалась и вцепилась в меня намертво, будто чуяла скорые перемены. О девочках я так ей пока ничего и не рассказал, хотя вчера и провел в ее обществе пару часов.

– Игорь? – я услышал стук в дверь и потянулся рукой к светильнику.

– Аня? Что случилось? – отозвался я, потирая сонные глаза.

Девушка стояла в дверях спальни в одной из моих футболок, что я временно выделил ей как одежду для сна. Та была в несколько раз больше нее самой и по длине доходила почти до колен. Нужно будет свозить девочек в выходные в магазин, чтобы Аня смогла выбрать для себя и Маши необходимые вещи.

– Маша... – голос Ани дрожал. – У неё высокая температура. Она вся горит.

Я поднялся с кровати, на ходу натягивая футболку на голое тело, и направился в гостиную вместе с Аней, где теперь расположились девочки на время, пока будут жить со мной. Маша спала, сжавшись в комочек на большом диване, Аня ее раскрыла, и маленькие худенькие ручки и ножки девочки показались мне почти белыми, они почти сливались со светлыми тонами простыни.

– У меня даже лекарств никаких нет, – взглянул растерянным взглядом в сторону Ани.

Вышел из комнаты, вернулся в спальню, взял в руки телефон, задумчиво покрутив в руках. Да, время позднее, но здесь без вариантов.

Я, честно признаться, отвык и забыл, что делать в подобных случаях. В принципе нечто такое в итоге и следовало ожидать. Детский организм, стресс, переживания и перемены не могли не отразиться на таком маленьком человечке. Да и я тоже хорош, виноват не меньше, кормил ребенка мороженым каждый день, пока Аня находилась в больнице. Но Маша такими жалостливыми глазами на меня смотрела, что я не мог отказать ей в таком крошечном удовольствии.

После третьего гудка из динамика телефона послышался заспанный голос:

– Соломон?

Стас наверняка очень сильно удивился, увидев мое имя

на дисплее телефона. Я, в общем-то, и так редко звонил, а сейчас к тому же ночь. Представляю его изумление. Окажись на его месте так же недоумевал, что понадобилось от меня человеку, который сам вычеркнул из своей жизни всех старых друзей. Но я не знал, кому бы еще мог позвонить в эту минуту, а Стас работал врачом. Не по детским болезням, но все же он врач с медицинским образованием.

– Стас, привет. У меня здесь... в общем, у меня девочка... – я переживал за Машу и плевать я хотел на его удивление и вопросы. – Маленькая, – продолжил уже несколько увереннее. – Вся горит. Лекарств нет. Скорую вызывать или мчаться в аптеку за жаропонижающими, и на утро вызывать врача?

– Девочка? – потрясенно протянул Стас, а потом быстро продолжил, – Ты в Москве? Или ещё в посёлке?

– В Москве. Вчера вернулся.

– Она у тебя дома?

– Да.

– Это хорошо. Скинь мне адрес, я сейчас приеду. Девочку раскрой, смочи полотенце холодной водой и положи его ей на лоб. Я осмотрю ее, и там решим, что делать дальше.

Стас отключил телефон, а я ещё какое-то время стоял посреди комнаты, думал обо всем сразу и в итоге ни о чем. Поморщился слегка, как представил его на пороге своей квартиры. Не хотелось бы мне сейчас никаких вопросов. Да и с какой стати я должен что-то ему рассказывать? Моё это де-

ло. И никого больше не касалось. А если честно, просто не ожидал от него такой быстрой реакции. Ведь недаром говорят, друг познается в беде. Сбросил на номер Стаса свой новый адрес в смске и решил наплевать на свои желания относительно того, хотел я или нет, чтобы друг приезжал. По сути, сейчас это не имело никакого значения. Главное, чтобы с Машей не случилось ничего серьёзного. Что же за напасть такая?

Аня не отходила от сестры, и уже без моих слов догадалась приложить ко лбу девочки смоченное холодной водой полотенце. Я тихо стоял в дверях комнаты, смотрел ей в спину и совсем другие картинки и вспышки мелькали перед глазами. Такая же вот первая бессонная ночь и простуда Аси. Наташа тогда до утра просидела над кроваткой дочери, так и уснула, в итоге, свернувшись вокруг нее клубком. Смотрел на девочек, а видел... Наташу и Асю? Совсем из ума выживал. Да и Аня мало походила на мою бывшую жену. Даже характером. Мягкая, уравновешенная, тихая. Наташка же была ураган. Если мы ссорились, то все в округе слышали наши жаркие примирения. После рождения дочки немного утомонились. И то лишь потому, что боялись разбудить ребёнка.

Машу вдруг забила судорога, девочка вытянулась, словно струна и запрокинув голову, дрожала, будто по ней пускали электрические разряды. Аня тут же сорвалась с места и куда-то побежала, пока я в оцепенении наблюдал за ухудшением состояния ребёнка. Впал в ступор и боялся к ней даже по-

дойти, не то, что прикоснуться. Аня влетела в комнату, держа в руках деревянную ложку для антипригарных кастрюль, взяла Машу на руки, положила боком на свои колени и вложила ей между зубов эту штуковину. Все ее действия были слаженными и быстрыми, будто она не в первый раз оказывала помощь сестре и проделывала все эти манипуляции. Я же, немного придя в себя, схватил телефон в руки и снова набрал Стаса, понимая, что дело плохо.

– Аня...

Стас не отвечал, а Аня поглаживала сестру, пока она дрожала в ее руках и закатывала глаза.

– Это фебрильные судороги. Реакция организма на высокую температуру. У Маши с рождения так. Обычно проходит спустя время... – она с тревогой взглянула мне в лицо. – Когда случилось в первый раз, я вот так же, как и ты, стояла бледная и не знала, что делать. К соседям боялась бежать, чтобы попросить их вызвать скорую. Страшно было оставить ее одну, мать с отцом где-то пили, и не до Маши им было. Пока я думала и решалась, судороги прошли сами, но к соседям я сбегала и скорую вызвали. Маша тогда неделю в больнице лежала, и врачи сказали, что со временем она перерастет, и судороги прекратятся. Но почти каждый раз, когда она болеет и поднимается температура, без этого подарка не обходится.

– Ты уверена? Это точно сейчас пройдет?

Аня хоть и пыталась делать вид, что ничего страшного не

произошло, но я чувствовал, как она сильно переживает.

– Мне всегда очень страшно за неё в такие моменты, но это сейчас должно пройти. Ещё буквально час назад она играла, и все было хорошо.

Спустя немного времени судороги и вправду стали меньше. Но я уже абсолютно точно решил, что обследую Машу в клинике Стаса и покажу хорошим врачам – теперь это первоочередная задача. Каким врачам показывала Аня девочку, я не знаю, но это ненормально, когда ребенка вот так трясёт, и он находится, словно в бреду.

Развернулся и пошёл на кухню. Прислонился лбом к холодной дверце холодильника и закрыл глаза. Наверное, я чёртов мазохист, стоило дать девчонкам денег, помочь с документами и на этом все. Зачем приволок их домой? Но рядом с ними, несмотря на боль в груди и тяжесть, живым себя чувствовал, а не полу мертвецом. Со Светой встречался, а сотой доли этих вот самых чувств не ощущал, лишь симпатию и интерес как к красивой обертке. И если кому-то любопытно было развернуть броский фантик и заглянуть, что там внутри, то мне нисколько. С детства не любил сладостей. А Аня... в душу ко мне не лезла, и я лезть в ее не собирался. И лишь в общении с Машей зависал и тупил иногда, смотрел на нее, а видел Аську.

– Игорь, там в дверь звонят, – я вздрогнул, когда Аня коснулась моего плеча.

Даже не заметил, как она вошла на кухню. Обернулся и

посмотрел ей в лицо. Она уже оправилась от пожара, по крайней мере, внешне. Вчера мы сняли последние бинты, и больше она не дала наложить новые повязки. Но все же руки ее осмотрел, они действительно заживали быстро.

– Да, иду, – отозвался я, сглатывая нервный ком, готовясь к визиту из прошлого.

Стас раньше был вхож в мою жизнь и мою семью, но после того как Наташи и Аси не стало, я принял решение ото всех закрыться. И, нет, я не жалел об этом приговоре, который вынес сам себе, но сейчас увидев друга на пороге квартиры, понял, что скучал по нему все это время.

– Ну что там у тебя за девочка? – с порога спросил Стас, снимая с себя верхнюю одежду. – Где ванная комната?

– Ванна там, – кивнул я в сторону двери, на этой квартире он не был ещё ни разу. – А девочка в гостиной.

Стас всунул мне в руки небольшой чемодан, а сам пошел мыть руки. Девочкам я специально выделил самую просторную комнату. Как раз то, что им необходимо. Потяну время, сколько смогу, а там видно будет с их переездом, но не хотел я их отпускать от себя.

Стас прошел в гостиную и, увидев Аню, замер и перевёл на меня озадаченный взгляд, но я сделал вид, что ничего не заметил и лишь кивком указал ему на маленькую девочку, что лежала на диване.

– Здравствуйте, – тихо отозвалась Аня в ответ на приветствие моего знакомого и тут же поднялась с дивана и отошла

от Маши, освобождая пространство для Стаса.

Он осматривал сонную девочку, и в итоге ее разбудили все эти манипуляции, но она совершенно никак не отреагировала на незнакомого человека. В ее безразличном затуманенном взгляде совсем не было жизни, и мое сердце болезненно сжалось. Маша была похожа на тряпичную куклу, марионетку, подвешенную за ниточки, повторявшую все движения Стаса.

– У нее судороги были, – я решил, что об этом тоже необходимо сообщить.

– Да, скачок температуры их вполне мог спровоцировать. В лёгких чисто, – заключил в итоге Стас. – Скорее всего, ангина. Пойдём, я напишу, что нужно купить, утром вызовете детского врача, – он поднялся и посмотрел в бледное и перепуганное лицо Ани. – Сейчас я сделаю ей жаропонижающий укол, и она снова заснёт. А как проснётся, нужно дать лекарства.

Стас сделал Маше укол, сложил все принадлежности в небольшой чемодан и посмотрел на меня такими глазами, что я вмиг пожалел, что позвал его, потому что я не собирался обсуждать с ним, что это были за девочки и откуда они взялись в моей квартире и жизни. Аня поблагодарила моего друга и попрощалась с ним, возвращаясь на диван к Маше.

А мы прошли со Стасом на кухню, он сел за стол и какое-то время писал на листке бумаги аккуратным почерком мелкие буквы. Затем протянул мне листок и снова посмот-

рел таким же предостерегающим взглядом как там, в гостинной.

– Ты говорил, что девочка. А их оказалось две. Ты их откуда взял?

– С улицы, – хмыкнул я. И почти не соврал. У девочек больше не было дома.

– Детский врач обязателен. Утром купишь вот эти препараты.

Я взял листок и проверил названия. Все, как один, непонятные. То ли я не болел давно, то ли медицина и в самом деле не стоит на месте.

– Спасибо, – отозвался я. – Но давай больше без вопросов, хорошо?

Стас поднял руки вверх и криво ухмыльнулся.

– Ни одного вопроса больше. Но если что нужно, звони. Я на подхвате.

Уже когда провожал друга в прихожей он замялся и, натягивая куртку, все же сказал:

– Правда, не моё дело, но если это то, о чем я думаю, то я счастлив за тебя. Девчухи хорошие. Сестры?

– Сестры. Но это не то, о чем ты подумал. У меня Света есть, – если он, конечно, знал об этом нюансе. Но теперь будет, даже если эта информация обходила его долгое время стороной. – У них беда приключилась, я просто помочь хочу.

– Ладно, звони. А мне ровным счётом все равно, Света это будет или Аня, главное, чтобы ты из раковины своей вылез и

понял, что жизнь все ещё продолжается. Наташа бы точно не пришла в восторг, увидев, во что ты превратил свою жизнь.

Стас пожал мне руку и покинул квартиру. Где-то в глубине души я был рад его увидеть. И в то же время морально раздавлен его последними словами. Ту короткую встречу с передачей ключей от дома в Рыбачьем поселке я в расчет не брал. И только после его ухода вспомнил, что забыл отдать ему обратно эти треклятые ключи. Не уверен, что у меня возникнет желание для нового брифинга. Я и так показал и сказал ему больше, чем рассчитывал. И сейчас меня не хило задело его упоминанием о Наташе. И без этого я все прекрасно понимал и осознавал, но ничего не мог поделать с болью, которая поселилась в сердце и не собиралась менять место жительства.

Глава 15

Аня

Игорь уехал вслед за доктором. После укола Маше стало значительно лучше, она быстро заснула снова, а я прошла на кухню и села за стол, опустив голову на трясущиеся руки. Меня всегда потряхивало после таких вот судорог сестры. Стоило ей заболеть, и появиться температуре – эта напасть была тут как тут.

Не знаю, сколько прошло времени, я, наверное, заснула на кухне за столом, сложив руки и опустив на них голову. Очнулась, когда почувствовала чьё-то прикосновение, вздрогнула и разлепила сонные глаза. На новом месте по-прежнему плохо спалось, да и переживания эти выедали меня. Я ощущала слабость, в глаза будто насыпали песка. Хоть самой к Маше ложись рядом и проси укола, но только успокоительного или наоборот бодрящего и возвращающего к жизни. А тут ещё незнакомый человек, который все пытался создать видимость, что мы ему небезразличны. Меньше месяца как знакомы, а так оберегает, словно мы родные ему.

– Аня, все в порядке? – спросил Игорь низким голосом.

Поставил прозрачный пакет с лекарствами на стол, снял куртку, повесил ее на спинку стула и склонился надо мной, трогая лоб. Его красивые глаза с беспокойством бегали по

моему лицу. Он, наверное, подумал, что я тоже заболела. Но нет, я чувствовала себя хорошо. Просто навалилось всего разом слишком много.

– Я... просто задремала... – улыбнулась через силу.

Прикосновение Игоря застигло меня врасплох и вызвало контрастную гамму чувств: от неловкости и смущения до приятного трепета. Он был так близко, что я ощущала его дыхание на своем лице. Растерянно смотрела в его глаза и не могла отвести взгляда.

– Со мной все в порядке, – я быстро поднялась и направилась в гостиную проверить, как сестра.

Маша по-прежнему спала посередине дивана, свернувшись калачиком, а температура тела снизилась до нормальной. Я легла рядом и провалилась в беспокойный сон. Мне снились какие-то погони и полная неразбериха. Проснулась наутро с разбитой головой и лучше бы и вовсе не ложилась спать.

– Аня, – Маша погладила меня по руке. – Я хочу пить.

Девочка снова была горячее, и это окончательно привело меня в чувство после ночных кошмаров.

Взглянула на часы, отмечая про себя, что Игорь ещё, наверное, спал. Тихо прошмыгнула на кухню, налила Маше в стакан воды, посмотрела лекарства, что купил Игорь, выбрала жаропонижающее и градусник и вернулась к сестре. Новый скачок температуры снова мог вызвать судороги, а мне бы этого очень не хотелось. Видела, как Маша мучается в

эти моменты, и лучше бы я болела, чем она, ей-богу. Дала ей лекарство, согласно инструкции и легла рядом, поглаживая маленькую спинку. Рассказывала шепотом одну из любимых сказок и очень переживала за сестру. Так я любила, когда она радостно носилась по дому, а не лежала бесчувственным овощем, не в состоянии даже пошевелиться. Аж сердце болезненно сжималось, когда видела эту картину.

– Маша, горло болит? – тихо спросила я.

– Болит. Аня, все тело болит и особенно спина, – отозвалась слабо сестра.

– Это от жара. Сейчас станет легче, – я продолжала гладить спинку и головку, чтобы Маша успокоилась и еще поспала хоть немного.

Градусник показывал слишком высокую цифру. Но я решила подождать действия лекарства, а не паниковать раньше времени. Укола, что поставил знакомый врач Игоря, хватило на несколько часов. И вот все по новой. Маша и до этого болела, но, чтобы так сильно и с такой высокой температурой, – впервые.

Когда лекарство подействовало, Маша уже провалилась в сон, а я уснуть больше не смогла. Слышала, как спустя какое-то время сработал будильник Игоря, и он тихо выругался. Я даже немного улыбнулась, представив его заспанное и хмурое лицо. Слушала, как он принимал душ и старался не создавать шума, собираясь на работу, как остановился перед дверьми в нашу комнату. Глупо, конечно, было притворять-

ся спящей, но я закрыла глаза, когда мужчина тихо вошел в гостиную. Не знаю, зачем я это делала, но встречаться с ним взглядами и говорить пока не хотелось. Откуда вдруг взялось это смущение и настороженность? Игорь долго стоял в комнате напротив дивана, где мы лежали с сестрой, мне даже в какой-то момент показалось, что он уже ушёл, а я просто не услышала. Но вдруг он приблизился, поправил нам одеяло и так же тихо вышел. А я открыла глаза, лишь когда щелкнул замок входной двери, и зачем-то вспомнила о вчерашних прикосновениях его холодных пальцев к моему лицу, когда ненароком заснула на кухне, и будто снова почувствовала, как моя кожа покрывается мурашками.

Никогда не считала себя слаонервной и податливой, но все события последней ночи вызывали совсем иные чувства. После такого сильного выброса адреналина из-за страха и волнения по поводу здоровья сестры, я ощущала себя высушенным озером. Игорю тоже досталось немало волнений этой ночью, и теперь он наверняка сидел в своем кабинете и заливал в себя горький кофе, чтобы немного взбодриться. Этой гадости в его доме очень много стояло на одной из полок в кухне. Зато он совсем не ел сладкого. Для меня и Маши он покупал конфеты и сладости, а сам к ним не притрагивался. Еще в Рыбачьем я это заметила.

Ближе к полудню Игорь вернулся вместе с детским врачом. Мужчина средних лет, но значительно старше Игоря, осмотрел Машу и лекарства, которые привез ночью Соло-

мон. Отсеял ненужные. Подтвердил ангину и сказал, что приедет на новый осмотр завтра в это же время. Если судороги повторяются, то рекомендовал вызывать скорую и ехать в больницу. Мне от этих слов и вердиктов ещё тревожнее сделалось за сестру. Увезли девочку, называется, в новую жизнь.

Весь день я провела рядом с Машей и не отходила от нее ни на шаг. Чуть ли не каждые полчаса трогала ее лоб и мерила температуру. И стоило градуснику показать критическую отметку, я незамедлительно делала сестре компрессы и держала под рукой жаропонижающее лекарство, чтобы дать ей при малейшем ухудшении состояния.

Игорь позвонил ближе к вечеру, сообщил, что задержится, спросил, справлюсь ли я одна. Я даже опешила от такого вопроса. Заверила его, что все в порядке, и я со всем справлюсь. В трубке повисла тишина, а потом Игорь все же спросил:

– Ты ведь не спала утром, правда?

Я растерялась и чуть не выронила телефон из рук, не ожидая подобного вопроса. Неужели он стоял все то время и смотрел на меня? Или все-таки на Машу? И какое это имело значение? Или он, как и я, периодически возвращался мыслями к той короткой сцене на кухне? И, если да, то наверняка понимал, почему притворялась. Потому что... не могла толком объяснить даже для себя этого смущения, но до того самого момента я не воспринимала Игоря, как... мужчину,

который мог бы мне понравиться.

– Маша проснулась, – я сглотнула нервный ком, и в телефоне снова повисло молчание.

– Звони, если потребуются помощь. Я сразу приеду, – напомнил он мне и закончил разговор.

Глава 16

Аня

На третьи сутки Маше стало значительно легче, у нее появился аппетит, настроение и желание играть. Она начала походить на прежнюю веселую и озорную девочку, а я, кажется, обзавелась несколькими седыми волосами. Пусть их не будет видно в белой копне моих волос, но стресс я пережила за эти дни мощный. Доктор назначил антибиотики, и только после их принятия состояние Маши улучшилось.

Игорь, как всегда, уходил рано утром и приходил поздно вечером, днем мы поддерживали связь по телефону. И лишь сугубо на тему здоровья Маши. Вечерами он заглядывал к нам, но Маша почти все время спала, а я вдруг отчетливо поняла, что стесняюсь оставаться с ним наедине. И в то же время не хотела, чтобы он уходил, хотела побыть рядом с ним и просто о чем-нибудь поговорить. Какой-то замкнутый круг. И хорошо ещё, что не порочный. Но если мои мысли не придут в порядок и не образумятся, то впору... уходить из его дома. Потому что я до дрожи боялась этого зарождающегося чувства внутри. И я, как могла, заблокировала его и сопротивлялась этим новым для меня всплескам эмоций.

Не понимаю, откуда взялась эта привязанность к незнакомому человеку, но его отношение к нам трогало до глубины

души. Возможно, это все была лишь чистая благодарность, не знаю. Но чем больше обо всем этом думала, тем отчетливее понимала, что смущение отходит на второй план, а сама я начинаю привыкать к присутствию Игоря в нашей жизни.

Спустя неделю доктор разрешил Маше прогулки на улице, и мы потихоньку начали выходить из дома. Сначала по чуть-чуть, а потом и на большее время. Осенний воздух был ей сейчас только на пользу. Я пыталась освоиться в новой для нас обстановке. Не скажу, что получалось плохо, но Маше очень нравилась детская площадка во дворе, и ей не хотелось никуда идти дальше этого места. Я подстраивалась с нашими прогулками под возвращение Игоря с работы, чтобы мы все вместе могли ещё немного прогуляться и заходить домой с нагулянным аппетитом. И за неделю такого ритма мне стало несколько спокойнее на сердце, будто Игорь всегда был с нами.

Вот и сегодня мы вышли на улицу. Маша каталась на качелях и играла с девочками, я стояла рядышком и смотрела по сторонам, примечая, что деревья уже сбросили листья. Смотрела на прохожих и на нескончаемый поток машин. Люди в большом городе жилив каком-то сумасшедшем ритме, я еще пока не перестроилась на этот лад и смотрела на хмурых, торопливо бегущих людей тоскливыми глазами.

Игорь сегодня не звонил и, вероятно, мы его не дождемся, потому как на улице гуляли давно, и пора было возвращаться домой в тепло. Не хватало, чтобы Маша разболелась по

новой. Я смотрела на резвящихся девочек, как они играли, и тихо радовалась, что Маша нашла новых подруг. Пусть те играли с ней только на улице, но совсем скоро она пойдёт в садик, а это означало, что там ей вполне могло понравиться, если она с таким энтузиазмом знакомялась и пыталась поладить с детьми на площадке.

Отвернувшись, я взглянула в сторону дома и замерла, заметив машину Игоря. Он припарковал автомобиль и вышел на улицу. Я расплылась в улыбке и уже собралась окликнуть его, как заметила, что мужчину остановила какая-то женщина. Пара находилась на приличном расстоянии, и я не смогла расслышать их разговора, а только наблюдала за ними со стороны. Девушка держала Игоря за руку и смотрела на него восхищенно-влюблённым взглядом. Сердце отчего-то болезненно сжалось. Внешне я всегда сохраняла спокойствие и невозмутимый вид, а сейчас ни перед кем притворяться не нужно, и я похолодела, став свидетелем этой сцены. Игорь слабо улыбался в ответ. Ему было приятно внимание этой яркой и красивой девушки с длинными темными волосами. Они какое-то время говорили друг с другом, а потом брюнетка потянулась к его лицу и поцеловала Игоря в губы, на мой взгляд, весьма откровенным поцелуем, заявляющим права на мужчину. Меня пронзила какая-то непонятная вспышка, похожая на укол разочарования, а щеки залила обжигающая краска. И я не могла объяснить причины внезапной перемены своего настроения. Просто застыла на

месте и смотрела на красивую пару со стороны. Точеная фигурка девушки и ее модный наряд внешне очень гармонично смотрелись. Игорь прервал поцелуй и что-то сказал своей спутнице, но девушка снова прильнула к нему, обняла за плечи, и поцелуй продолжился. Эта сцена с поцелуем и разговор не длились и пяти минут, но я не в состоянии была отвести от них взгляда. Понимала, что подглядывала, но ничего не могла поделать. Интересно, а Игорь рассказывал девушке о нас с Машей, или это была тайна, покрытая мраком? И почему не приводил ее домой?

В итоге парочка распрощалась, эффектная барышня вернулась в машину и автомобиль, резко сорвавшись с места, уехал, а Игорь, взъерошив волосы и тяжело вздохнув, направился к дому. Даже не взглянул в сторону детской площадки. А мне сейчас совсем не хотелось себя обнаруживать и дать ему понять, что стала свидетелем этой встречи.

И когда смотрела, как Игорь целовался с незнакомой красивой девушкой, поняла, что мужчина нравится мне больше, чем просто человек, который вызвался нам помочь. И выход из этой ситуации был один – я должна в ближайшее время поговорить с ним и сообщить, что пора разъезжаться. Он возобновит встречи со своей девушкой, а мы с Машей будем вместе налаживать свой быт. И каждый заживет своей жизнью. Отдельно друг от друга. Не то все это выльется в большие проблемы. Я не собиралась становиться камнем преткновения в отношениях Игоря и, как я сделала выводы,

Светой. Ведь именно она приезжала к нему только что.

– Маша, идем домой, – позвала я сестру, сжимая и разжимая холодные руки в кулаки, чтобы немного их согреть. И не то, чтобы я замёрзла, но отчего-то сильно дрожала.

– Лиза, моя новая подруга, сказала, что в садике их заставляют есть кашу и спать. И меня тоже будут, да, Аня? – спросила Маша.

– Да, – ответила я, изо всех сил стараясь взять себя в руки и отвлечься от мыслей и картинок недавней уличной сцены с поцелуем.

– И спать тоже? – Маше будет тяжело перестроиться на новый распорядок дня, она не привыкла спать днем, хотя с кашей проблем у нас особо не возникало.

– Нет, никто заставлять тебя не будет. Просто детишек много и, чтобы организовать порядок и ваш досуг, вы должны будете все вместе, небольшой группой, придерживаться определённого графика и распорядка дня. Тебе же нравится играть с Лизой? – я остановилась и посмотрела Маше в личико.

Она свела брови и задумалась.

– Это вроде как игры в куклы?

– Да.

У Маши их несколько штук, и всех она держала в исключительном порядке. Наводила красоту и вычесывала им волосы каждый день. Относилась к ним с особым теплом и нежностью. И не потому, что их было немного, а потому что

друзей у нее особо не было.

– И ты каждый день будешь меня забирать?

– Да, конечно, – завершила я ее.

– И никто меня не отдаст в детский дом?

Я в замешательстве вытаращила на нее глаза.

– Откуда такие мысли? – изумилась я.

Мы с Игорем не говорили об этом. По крайней мере, при Маше.

– Я слышала, как дядя Игорь вчера говорил с кем-то по телефону. Что мы живём у него, чтобы меня не отдали в детский дом. И кому-то пообещал привезти нас на выходных в гости.

– Маша, ты подслушивала? – строго спросила я.

– Ты ушла в ванну, а мне не спалось, я пошла к дяде Игорю, чтобы пожелать ему спокойной ночи. Но я не подслушивала!

– Не выдумывай, ни в какой детдом тебя никто не отдаст. А подслушивать все равно нехорошо, – мне уже с трудом удавалось сдерживать волнение.

Слова Маши о разговоре Игоря с каким-то человеком и его намерения нас куда-то отвезти и кому-то показать, меня насторожили.

– Ты мне правду говоришь? – Маша смотрела на меня своими большими синими глазами.

– Вроде до этого самого момента я тебе поводов для сомнений не давала, – я обняла сестру.

Прекрасно понимала ее переживания, потому как, кроме, друг друга, у нас с ней никого больше и не было. В глубине души я радовалась, что Маша спрашивала меня обо всем, что ее беспокоило, и говорила о своих страхах. Так я хотя бы была уверена, что сестра мне по-прежнему доверяет.

Мы поднялись на лифте на десятый этаж, я открыла дверь ключом. Помогла Маше раздеться и повесила красивую курточку, что купил ей Игорь, на вешалку.

Из ванной доносился шум воды. Игорь наверняка принимал душ, он всегда первым делом шел освежиться, когда возвращался домой. Непослушными пальцами я расстегнула пуговицы на своём пальто, ощущая все ту же непонятную дрожь во всем теле и... бесконечную грусть. Но сама виновата, расставила ловушки с капканами, стены неприступные возвела и жила себе, как принцесса в высокой башне.

– Маша, руки! – окликнула я сестру, когда она побежала в гостиную к игрушкам. – Помой их на кухне, Игорь, кажется, принимает душ.

Позавчера мужчина привез ноутбук и показал мне, как работать на нем. Сказал, что от того, как быстро я тот освою, будет зависеть мое дальнейшее трудоустройство. Говорил загадками. Но за два вечера я немного подружилась с электроникой и научилась пользоваться интернетом. Игорь этим приобретением открыл мне доступ к массе новой информации. У меня теперь появился неиссякаемый интерес обучиться всему, воспользоваться этим шансом, что предостав-

лял мне Игорь и сделать хоть что-то полезное в своей жизни. Каждый день, проведённый в его доме, был равен неделе по насыщенности и узнанному материалу.

Пока я корпела над ноутбуком, Игорь обучал Машу игре в шахматы. Все были заняты делом, и никто по вечерам не бездельничал. Определено это все сплачивало и делало нас ближе. Я уже не представляла наши вечера иначе. Удивительно, как он успевал уделять время и Маше, и мне, и работе, и той девушке. Или вот как раз на нее теперь не хватало времени, как прежде, и потому она взбрыкнула и так стремительно уехала? Не знаю, обрадовала ли меня эта догадка, но по крайней мере, снова заставила задуматься о том, что мужчины в нашей с Машей жизни становилось уж очень много.

– Девчонки, привет! – улыбнулся Игорь своей обезоруживающей улыбкой, когда вошел к нам на кухню.

Он держал в руках полотенце и вытирал им волосы. Майка облепила его влажное тело, вырисовывая всю его мощную комплекцию и бугристые мышцы. Когда я поняла, что рассматриваю его, то смутилась ещё сильнее и отвела глаза, снова возвращаясь мыслями к тому поцелую. Но лучше бы вспомнила, что вчера изучала, куда полезнее для мозгов и душевного комфорта.

– Как провели день? – он сделал вид, будто не заметил моего взгляда, скрестил руки на груди и все так же улыбался.

Но если бы узнал обо всех моих мыслях, планах и наме-

рениях, то, наверное, опечалился бы.

– Хорошо! – отозвалась Маша, а я сделала вид, что увлечена нарезкой овощей к ужину.

– Игорь, можно сегодня я буду играть чёрными фигурами? Все равно я заметила краем глаза, как Маша подбежала к Игорю и повисла на шее у мужчины.

– Думаешь, что белые фигуры виноваты в твоих проигрышах? – он подмигнул сестре и обнял ее в ответ.

Я отложила нож в сторону и повернулась в их сторону. У меня внутри, как будто что-то шевелилось, когда я видела их вдвоём. Никак не могла привыкнуть к этому. И понимала, что Маше нужно как-то втолковать, что Игорь в нашей жизни не навсегда, и плавно отгородить ее от него. Но и как это сделать, понятия не имела. Их обоих тянуло друг к другу. Откуда вдруг взялась эта связь, неужели то несчастье так их сплотило за те дни, пока я была в больнице?

– Аня, что скажешь? Ты сегодня какая-то молчаливая, – заметил Игорь мой отстраненный вид.

На мгновение наши глаза встретились, а мое сердце учащенно забилось. Иной раз мне казалось, что он прекрасно все видит, чувствует, как я реагирую на него, и словно провоцирует, кидая в меня такие вот пронзительные взгляды, чтобы я заливалась краской смущения до кончиков волос.

– Уступи Маше, чтобы она поверила, что ее проигрыши зависят не от цвета фигур, – я пожала плечами, а Игорь негромко рассмеялся и перевел горящие глаза на Машу.

– Гном, ты всего два дня пытаешься запомнить, какими фигурами ходить, а уже хочешь, чтобы я тебе сдался? Так не пойдёт. Будем учиться побеждать по-честному.

– Я так точно тебя никогда не обыграю, – Маша смешно сморщила носик, но продолжала обнимать Игоря.

– Ну и хорошо. Будем до самой старости учиться, – он погладил ее по спине и опустил на пол, а я поторопилась отвернуться, чтобы не рассматривать мужчину.

Украдкой всегда задерживала на нем взгляд, когда была уверена, что он не видит. Сегодня же поговорю с Игорем о том, что нам с Машей нужно жить отдельно. У меня была припасена пара весомых аргументов на этот счет. Иначе я утону в этих противоречивых чувствах и в какой-нибудь момент просто выдам себя, а после сгорю от стыда и страха. Я интуитивно чувствовала, что если останусь, то... только хуже будет.

– Разбаловали меня. Пахнет, как всегда, у вас божественно, что там сегодня наколдовали? Аня тебе снова помогала, да гном?

Я прислушивалась к их разговору, бодро шинкуя острым ножом свежие овощи.

Не смогла сдержать улыбки, когда Игорь говорил с Машей подобным тоном, будто это она была хозяйкой этого дома, а мы ее слугами. Как же им легко и хорошо было вместе. Да и сестра за эти дни сильно переменилась и из забитого, испуганного ребенка превратилась в озорную, раскрепощенную

девочку. Даже заниматься лучше начала и кушать хорошо. Совсем это было на нее не похоже. Я все понимала, что ничего плохого Игорь не делает и старается как лучше, но... Сердце было не на месте, и как долго во мне смогут ужиться сразу несколько человек с прямо противоположными суждениями и чувствами? У меня не было и сотой доли выдержки и силы, какими обладал Игорь.

Закончив с резкой овощей и хлеба, я ретировалась в ванную комнату, вымыла руки и немного задержалась у раковины, облокотившись на нее руками, смотрела на свое отражение в зеркале, что висело на стене. Я явственно ощущала эти перемены, видела в своём взгляде, чувствовала в груди это лёгкое и пока ещё почти неосознанное чувство влюбленности к человеку, который был значительно старше меня... лет на двенадцать, не меньше. И я на его фоне – неискушенный ребёнок. Который никогда не станет такой же успешной и роскошной, яркой и красивой, элегантной, как та девушка. Всё, что я сейчас могла сделать – это принять помощь Игоря и постараться обучиться работе на ноутбуке, привыкнуть к городу, затем выйти на работу, чтобы занять какое-то место в этой жизни. И только после этого думать о чем-то другом и, в том числе, о мужчинах. Точнее об одном мужчине. Но эта встреча Игоря с той красавицей и поцелуй этот проклятый, словно динамитом, подорвали все мои чувства. Смотрела на себя в отражении и понимала, что сегодняшней день – это отправная точка, точка невозврата, и я не знаю,

как, но постараюсь не выдать своего вспыхнувшего интереса и симпатии к мужчине. Потому что все это было уж слишком... неправильным, обременительным и очень тяжелым чувством.

Глава 17

Аня

Ужины всегда проходили по-разному. Маша часто подкидывала темы для разговоров и никому не давала скучать. Разбавляла нашу иногда напряжённую обстановку за столом неуёмной болтовней и бесконечными вопросами.

– Я сегодня опять играла с Лизой, – рассказывала Маша. – Мы тебя ждали, но ты не пришел на площадку. Почему? – вдруг спросила сестра.

Я как раз вернулась из ванной комнаты, прошла мимо Игоря и села за стол напротив мужчины.

– Я думал, что вы уже дома, сегодня я немного задержался, а телефон сел. Позвонить не смог, – Игорь улыбнулся, глядя на девочку теплым взглядом, в котором читались нежность и участие.

Таким же я смотрела на него в последние дни. Он скользнул по мне беглым взглядом и снова сосредоточил внимание на Маше. За ужином я чаще обычного задерживала на Игоре глаза и ощущала некую тяжесть в сердце, когда видела его улыбку или как подрагивала слегка его грудь, когда он смеялся над замечаниями и вопросами сестры. А этот сияющий взгляд... Морщинки эти возле глаз, когда он улыбался, добавляли его облику не возраста, а некого шарма. И я просто

себя не узнавала. Вздрагивала от каждого его слова, направленного в мой адрес, и мурашки бежали по коже от его низкого голоса. До этого дня ведь ничего подобного со мной не происходило. Я даже не видела в нем мужчину. Видела, но никак не отождествляла его с собой и своими мечтами настолько явно. Словно до этого самого момента я спала, а теперь проснулась и, открыв глаза, оглядывалась по сторонам в незнакомой обстановке, с восхищением отмечая, сколько вокруг всего прекрасного.

Это внезапное осознание выбивало почву из-под ног, превращало меня в неуверенного ранимого зверька, и мне хотелось как можно скорее излечиться, избавиться от пелены, что застилала глаза. Я бы предпочла относиться к мужчине... как прежде. Чтобы из памяти стёрлись все эти мысли и образы, глупые мечты, и сердце это безумное перестало так стучать, словно собиралось надыхаться перед своей смертью и вопреки всем доводам разума остаться жить. И если так проявлялась влюблённость и вспыхнувшие чувства, то пусть это все погаснет немедленно! Прямо сейчас же!

Перебравшись в гостиную, Игорь с Машей расположились на полу в моих ногах. Я сидела с ноутбуком на диване и изредка бросала в их сторону заинтересованные взгляды. Сконцентрироваться на работе и новой информации получалось так себе. Я то и дело смотрела в спину Игоря, ловя себя на мысли, что любовалась бы им часами. И голос его слушала, и смех. Тряхнув головой, перевела взгляд на экран

и продолжила учиться печатать, запоминая раскладку клавиатуры. Получалось уже немного увереннее и быстрее, чем в первые дни. С общими функциями я справилась быстро, поняла принцип работы и вполне могла перенести в плеер на карту памяти музыку, какую находила и скачивала в интернете. Дисками я уже не пользовалась. А вот слот для карты памяти в плеере оказался, как нельзя, кстати, флешку я заполнила красивой музыкой и наслаждалась понравившимися композициями перед сном. Да, многое получалось методом тыка, проб и ошибок. И я сначала боялась сделать что-то не так. Но Игорь сказал, что это всего лишь техника и, чтобы что-то в ней расстроить, мне придётся приложить немало усилий. Это замечание не помогало в обучении, но хотя бы отбило страх сделать что-то не так.

– Игорь, я хотела бы с тобой поговорить.

Мы ведь договорились, что как Маша окрепнет, то вернёмся к разговору о переезде и... думаю, время настало. Зачем оттягивать неизбежное?

– Да, конечно. Укладывай Машу и приходи на кухню, я пока пойду немного поработаю.

Я выключила ноутбук, помогла Маше переодеться в пижаму, расстелила постель и открыла книгу, чтобы почитать ей на ночь любимую сказку. Спустя полчаса Маша крепко спала, а я выбралась из-под одеяла, прикрыла дверь в гостиную и прошла на кухню. Игорь сидел перед своим ноутбуком и быстро перебирал пальцами по клавиатуре. Так быст-

ро, что мне никогда не стать таким же асом, как он.

Оторвав взгляд от монитора, Игорь сделал глоток из своей кружки и снова посмотрел в ноутбук. Пара кликов, и крышка закрылась.

– Ну? Что там у тебя приключилось? – он тепло улыбнулся уголками губ и снова сделал глоток, рассматривая меня своими тёмными глазами.

Такой равнодушный, спокойный и собранный. Не чета мне. И даже возраст здесь ни при чем. Я никогда не была из робкого десятка. Просто вся эта неразбериха в жизни на время выбила меня из привычной колеи и сделала какой-то мямлей, которая начинала меня несколько раздражать. Плюс ко всему я чувствовала свою зависимость от Игоря в материальном плане, пусть он ничего взамен и не просил, но очень сильно нам помогал, а я к этому никак не могла привыкнуть. Меня сильно напрягала эта ситуация. Нам и в самом деле пора уже разъехаться. Мы не могли жить под одной крышей. Ну, неправильно это все было. Он помог с документами, Маша рядом, а большего я и не просила.

– Игорь, – я даже не успела сказать и двух слов, как внезапно раздался звонок в дверь. В это же мгновение завибрировал его телефон на столе.

Соломон взглянул на дисплей и недовольно нахмурился, поднялся со стула, схватил телефон в руки и пошёл в сторону входной двери. За все время нашего проживания в такой поздний час в его квартире лишь однажды появился Стани-

слав Борисович, врач и хороший знакомый Игоря.

Я вышла из кухни и замерла в проходе. Изображение на домофоне показывало очертания человека, но издалека сложно сказать, кто это был – мужчина или женщина. Игорь отключил звук домофона и какое-то время просто смотрел на монитор. По его напряженному виду я поняла, что гостей он не ждал.

– Аня, мы позднее поговорим, – он обернулся в мою сторону и тяжело вздохнул. – Иди, пожалуйста, к Маше, – эти слова резанули меня как ножом.

Игорь приложил телефон к уху, а я развернулась и пошла в гостиную как он и просил. Хотя мне было очень любопытно, кто впервые за такой длительный срок, что мы жили вместе, пришёл его навестить почти в полночь. И подсознательно уже знала ответ на этот вопрос.

Звукоизоляция в доме была отличная, либо Игорь говорил тихо, что я почти не слышала его голоса. Правда, спустя какое-то время до слуха донеслось, как щелкнули замки, и открылась входная дверь. В том, что столь поздний гость – женщина, я уже несколько не сомневалась. Какое-то время затаив дыхание, я прислушивалась к голосам, а потом вдруг отчетливо услышала шаги и встревоженный голос: «Я тебе не верю!». Звонкий стук каблуков по паркету отдавал в ушах громким эхом. Девушка, видимо, прорвала оборону Игоря и ходила по комнатам, пытаясь уличить того в измене и лжи. Я не слышала всего их разговора, но была далеко не дура, что-

бы понять, что сейчас происходило за пределами гостиной. Когда дверь в нашу комнату распахнулась, и яркая полоска света из прихожей залила участок комнаты, я увидела ту самую девушку, что приезжала сегодня к Игорю. Наверное, теперь я бы узнала ее среди сотен других девушек. Эффектная брюнетка в стильном деловом костюме стояла напротив и смотрела на нас с Машей.

Соломон тут же схватил свою пассию за талию и приложил ей ладонь ко рту, а я перевела взгляд на спящую Машу. Не хотелось бы, чтобы девочка проснулась и стала свидетельницей этих разборок.

В груди вместо сердца будто поместили камень. Я смотрела на Игоря и его спутницу и ощущала себя воровкой, которую поймали за ничтожным и унижительным преступлением. И, судя по всему, наказание за воровство последует незамедлительно, и сейчас в меня полетят камни. Отчасти я прекрасно понимала чувства этой женщины. Видела в ее глазах вспыхнувший огонь непонимания и боли. Но я сама была заложницей безвыходного положения, в котором оказалась не по своей воле.

– Света, пожалуйста, тише. Девочки спят. Я тебе все объясню, идем. Не устраивай драму.

– Что ты мне объяснишь? – она отбросила его руку и повернулась к нему. – Я вижу, что девочки! Но что они делают в твоей квартире? Ты поэтому просил отдать обратно ключи и сказал, что тебе нужно время?

Света вела себя совсем не тихо. Я снова взглянула мельком на Машу, но та, кажется, спала и не реагировала на шум. Но если у нее были ключи, то она, получается, могла прийти в любое время? И зачем звонила в домофон? Накалить обстановку? Или все же не выглядеть вконец бесцеремонной и обезумевшей от ревности фурией? Игорь буквально оторвал девушку от двери и подтолкнул в сторону кухни.

– Хорошо, хорошо! – сдалась Света и снова посмотрела на меня. – Но она пусть тоже идёт с нами на кухню. Я хочу видеть, кого ты тут приютил. Имею на это полное право! Я и так очень долго входила в твоё положение, пока ты...

– Света! – грубо оборвал Игорь девушку.

В комнате было темно, и никто бы не мог увидеть моих красных щек и растерянного взгляда. Сцена выходила за рамки...

Игорь прикрыл дверь и уже силой потащил девушку на кухню.

– С кем ты хочешь говорить? Они обе маленькие беззащитные девочки, – тихо говорил Игорь, а мне ещё больше становилось не по себе от его слов.

Маленькая беззащитная девочка... Вот кем я была для него!

– Давай, в выходные мы сходим куда-нибудь вместе, и познакомишься с ними? Но сейчас посреди ночи не нужно никого тревожить, – доносились до меня обрывки фраз. – Ты ведь умная женщина, перестань себя так вести.

Пусть я была маленькой беззащитной девочкой в глазах Игоря, но вполне совершеннолетней и далеко не глупой. Да, многого не знала и пока еще не умела, но вполне быстро обучалась. И понимала, что Игорь сейчас загонял себя в ужасные рамки и собирался познакомить нас с той, для кого мы всегда будем соперницами. Уверен ли он, что Света будет рада такому соседству? А сам он будет рад? И какие чувства он питал к этой самой Свете? И почему до сих пор ничего ей не рассказал про нас? Ее-то, наверное, он не считал маленькой девочкой.

– Перестань, ты же видишь они совсем ещё дети.

Снова это «дети» резануло мой слух как острым ножом. Он воспринимал меня, как ребёнка. Так же, как и Машу. В то время как я... а я видела в Игоре отнюдь не папу или старшего брата! Вспыхнув румянцем, я отвернулась и уткнулась лицом в подушку, закрывая руками уши, чтобы больше не слышать их разговора. Но тихий говор все равно доносился расплывчатым эхом. Игорь считал меня малолетним ребёнком. Нет, мои чувства к мужчине никуда не делись, но от всех этих слов мне сделалось почему-то больно. И желание съехать от него только возросло. Мы с Машей мешали ему. Вон даже Света уже не выдержала и прибежала выяснять, куда запропастился ее любимый, который все вечера напропалую проводил в обществе двух маленьких и беззащитных детей. И мне ровным счётом все равно, как и где они встречались и... не моё это дело. Но... отчего же так больно в гру-

ди?

Наконец все голоса стихли. Прошло около получаса или того меньше. За это время я успела много, о чем поразмыслить, но основное чувство, что мы лишние на этом празднике жизни, прочно засело в моей голове.

Дверь в гостиную слегка приоткрылась, и на пороге я увидела силуэт Игоря. Сердце снова забилося быстро-быстро, а к горлу подступил нервный ком, который я никак не могла проглотить. Весь мой запал поговорить с женщиной улетучился, будто того и не было. Мне было неловко за эту сцену, и я не знала, что могла бы сейчас ему сказать. Все, что необходимо, я услышала и выводы уже сделала. Света ушла, я слышала, как пару минут назад открылась и закрылась входная дверь. Мне казалось, девушка останется на ночь, а я, так и не сомкнув глаз, буду слушать это жаркое выяснение отношений и последующее примирение пары. Ничего постыдного. Родные родители и похлеще шоу устраивали. Я же не просто так уводила ребенка от пьяных людей, которые в хмельном угаре не контролировали себя и свои порывы.

– Аня, ты спишь?

Конечно, уснёшь тут...

– Нет, – тихо прошептала я, не сразу откликнувшись на его слова.

– Извини меня, – Игорь сделал шаг в мою сторону, и тьма полностью поглотила его, оставив лишь неяркие очертания силуэта. – Извини за эту сцену. Света немного вспылила. Но

ты не переживай, она не со зла. Мне следовало раньше все ей объяснить и вас познакомить. Ты хотела поговорить...

На самом деле я уже перехотела. Не знаю, что могла бы ему сказать. Но и не сказать не могла. Не могла больше молчать!

– Да, – отозвалась я и выбралась из-под одеяла.

Сегодня кухне Соломона предстояло стать свидетелем еще одной неприятной сцены. Но сам виноват. Девушке и впрямь следовало объяснить все ещё раньше, а не тянуть до последнего. Но я не собиралась никого осуждать и тем более обсуждать чужие решения. Он взрослый мужчина и в отличие от меня понимал, что делает.

Глава 18

Аня

Пробудившаяся ревность, и не знаю, точно ли ревность, но какое-то неприятное и тяжёлое чувство, заставляло меня злиться. В первую очередь, на себя, что была способна на такие эмоции.

– Извини меня, пожалуйста, за эту сцену, – снова произнес Игорь, когда мы прошли на кухню.

Я не понимала, за что он просил прощения.

– Света больше не придет без приглашения. Я бы и не впустил ее в квартиру, но у нее был дубликат ключей.

Вместо ответа, я села на стул и поглядела на Игоря недоуменным взглядом. Внутри все растаяло от его угрюмого и озадаченного вида.

– Соломон, – я редко его так называла, мне больше нравилось просто Игорь. – Я понимаю, что ты очень много сделал для нас, но нам нужно жить отдельно, – я несколько раз с силой вдохнула, чтобы продолжить. – У тебя своя жизнь, у нас своя. Маша очень привыкла к тебе, да, но так ведь не может продолжаться... Ты рискуешь рассориться со своей девушкой, – хотя плевать я на нее хотела.

Особенно после вот этой ночной сцены. Я бы никогда не пришла к человеку на порог выяснять отношения и уличать

его во лжи. Моя гордость никогда не позволит мне опуститься до таких крайностей. А вспыхнувший интерес к мужчине находился в стадии зародыша, и его следовало стереть, испепелить, убить, словно того не было и в помине. Чтобы не мучить себя напрасными надеждами на то, чего никогда не будет.

– Аня, – Игорь слегка прищурился. – О чем ты? Я никуда вас не пущу. Маша только выздоровела, скоро пойдёт в садик. Тебе нужна помощь. Подумай о сестре.

А я только и делала, что думала о нас и наших с Машей чувствах. Игорь богатый, успешный человек, и мы просто могли быть в его жизни чем-то вроде домашних питомцев. Но однажды они ему надоедят, и что он будет делать? Сдаст обоих в приют? А если невеста вдруг поставит вопрос ребром? Да и немного ли – три женщины на него одного? Справится ли с таким грузом и ответственностью?

– Мне кажется, ты торопишься, Аня, – вид Игоря был совершенно беспомощным.

То ли Света его довела, то ли действительно нас с Машей не хотел отпускать, но мне почему-то стало его жаль. И да, я торопилась, спешила как можно скорее отгородить свое сердце от боли и губительной привязанности к мужчине.

– Я сегодня договорился со Стасом, Маша должна пройти полное обследование у него в клинике, потому что такие судороги – это ненормально.

Игорь продолжал искать доводы, чтобы отговорить меня

уйти. Но зачем мы ему сдались?

– Игорь, у меня есть молодой человек. Он остался в Воронеже, но он обещал перебраться к нам. Мы не будем одни, мы все вместе будем жить и работать.

– Что за глупости? Какой молодой человек? Ты ведь меня обманываешь? Он ни разу тебя не навестил в больнице и после... Аня! – Игорь строго на меня посмотрел, а его красивое лицо исказил гнев.

Моя ложь не сыграла мне на руку, но я хотя бы попыталась. И, в общем, я запуталась и уже ни в чем не была уверена. Пусть это была глупая попытка, но ещё глупее было остаться в его доме. И после прихода его женщины я понимала это лишь отчетливее.

– Ты ведь сам говорил, что мы временно проживем, так? – говорила я дрожащим голосом, продолжая хвататься за тонкие нити его же слов.

– Разве я дал тебе повод усомниться в себе? – Игорь прожег меня холодом карих глаз, и мне стало не по себе.

В глубине его взгляда пряталось беспокойство, мне не показалось?

– Аня, дал? – потребовал он от меня ответов, но я молчала и смотрела на него, вспоминая наш разговор в Рыбачьем, когда он пообещал мне, что не будет требовать от меня услуг интимного характера. Точнее я сама обозначила ему эти рамки и границы. Но молчала, потому что окончательно перестала что-либо понимать.

– Нет, – я опустила глаза, думая о его словах.

Даже сейчас он не давил на меня, а мягко пытался убедить в том, что я собираюсь сделать большую ошибку. И в чем-то, конечно, он был прав. Он вёл себя по отношению к нам с Машей исключительно, словно был нашим старшим братом. Это я глупая придумала себе какую-то влюблённость и создала всем проблемы. Понятное дело, ему спокойнее, когда мы жили под боком. Но... об эти «но» в итоге могла разбиться моя вселенная! Только признаться Игорю в этом означало совершить еще большую глупость, нежели просить его о свободе и раздельном проживании. Даже еще большую, чем выходка его подружки и ее ночной визит.

– Тогда на правах старшего и ответственного за вашу жизнь и судьбу, я...

– Игорь, – перебила я его. – Ты очень, очень много делаешь для нас, но у тебя есть своя личная жизнь. Мы, по сути, чужие для тебя люди.

– Ошибаешься. Уже нет, – он смотрел мне в лицо и прерывисто дышал. – Я рассказал о тебе с Машей родителям, и на выходных собирался вас познакомить. Они будут счастливы узнать о вас. В моей жизни несколько лет назад случилась большая трагедия, и Маша, ты... уверен, вы станете такими же лучиками света для моих родителей, какими стали для меня. Поэтому Аня, прекрати думать о том, что ты и Маша, что вы для меня обуза. А Света... не стоит так остро воспринимать ее выходку. Я сам виноват, что не рассказал

ей о вас. Уверен, она будет иного мнения обо всей этой ситуации, когда узнает тебя и Машу поближе.

Ох, вот на этот счёт я бы не была так категорична. Света никогда не примет ни меня, ни мою сестру. Но я устала спорить. В итоге разговор принял совсем иной оборот. О какой трагедии шла речь? У Игоря была младшая сестра или дочь, которая погибла? Только я не видела в доме ни одного детского снимка и даже намёка на то, что у него была семья. Но воспоминания, как он трепетно относился к Маше, как смотрел на неё, теперь представлялись в несколько ином ключе. Я вглядывалась в глаза Игоря, и появившаяся в его взгляде нежность повергла меня в смятение, я снова опустила лицо.

– Ну, сама поставь себя на моё место, ты бы как поступила? Ты ведь взрослый человек, – меня аж полоснуло это слово за живое, и я впервые подумала о нестыковках.

– Взрослый человек? Ты уверен? – без сарказма эти слова произнести, увы, не получилось. – Несколько минут назад ты убеждал Свету в том, что мы две маленькие девочки, дети, которые...

– Аня, вы и есть дети, которые остались одни! Да, ты старше Маши, но я считаю, такой же ребёнок, который был лишён детства. Молодая девушка, рано узнавшая, что в жизни бывает все очень непросто.

Я подняла глаза и заметила, каким усталым и измотанным выглядел Соломон. Однако меня задевали его слова и сравнения, я открывала и закрывала рот не в состоянии вымол-

вить и звука. В то время, как я строила воздушные замки и пыталась в них жить, Игорь считал меня маленьким ребёнком или просто бесплатным приложением к Маше? А что, если он видел все перемены, которые происходили со мной, но намеренно делал вид, что ничего не происходит и тоже обосновался в воздушных замках? И слова его «Я разве дал тебе повод в себе усомниться»... Нет, конечно, не дал, но и четко дал понять, что отпускать нас с Машей от себя не собирается.

Я медленно поднялась со стула с каменным выражением на лице. Достаточно на сегодня разговоров, в итоге они оказались бессмысленными. Да, в чем-то Игорь прав. И когда вот так смотрел на меня, слегка прищурившись, интересно, о чем думал?

– Я такой же ребенок, как из тебя немощный старик, – насмешливо сказала я, внезапно осмелев. – Если еще хоть раз назовешь меня ребенком, не удивляйся, что снова перейду на вы.

В его лице что-то изменилось, у меня в ушах зазвенело от взгляда, которым он наградил меня. Из-под опущенных ресниц смотрел так, словно я приговорила его к страшному наказанию.

Тряхнула головой, и упавшая копна волос закрыла мое красное лицо от его сверкающих глаз. Пусть даже не надеется, что жить со мной под одной крышей будет так просто, как он рассчитывал. В противном случае, сам начнет умолять,

чтобы мы съехали с Машей и начали жить отдельно.

Глава 19

Соломон

Слишком много выдалось бессонных ночей за последние дни. Сначала болезнь Маши, а теперь Аня... В доме стояла оглушительная тишина, часы показывали начало пятого утра, а сна ни в одном глазу. Через пару часов сработает будильник. Я лежал в кровати и глядел в потолок. Мысли, вот уже который час, занимала девушка, что спала в соседней комнате, и наш недавний ночной разговор. От моего внимания не ускользнули перемены в ее поведении. Это она думала, что ведёт себя как обычно, но я видел это отчуждение и замкнутость, эти настороженные и заинтересованные взгляды в мою сторону. Только я и так вёл себя исключительно, почти как монах. Или батюшка при монастыре, давший обет не нарушать Божьих заповедей. Хотя Аня всем своим неискушенным видом и красотой была подобна змею-искусителю, просившему отведать запретный плод. И это был чертов мазохизм, держать в доме самого дьявола-искусителя и продолжать строить из себя равнодушного соседа по жилплощади. Но ради присутствия девочек в моей жизни, я готов был и не такие муки стерпеть. Да и Аня, слава богу, меня никак не провоцировала. Это я мысленно нарушал запреты и постоянно себя одергивал. И до сегодняшнего дня и этого

разговора с Аней и Светиной сценой ревности, я думал, что держу все под контролем. А в итоге получалось, что ни черта я не владел собой. Наломал дров с Аней, наговорил лишнего Свете. Готов был уже сегодня ей признаться, что убийство Кеннеди моих рук дело, лишь бы она успокоилась и ушла. Совсем не ожидал от нее такой выходки и того, что она придет ко мне домой в столь поздний час. И от Ани не ожидал такой реакции на безобидное слово «ребёнок». Но должен же я был как-то остудить Свету и выставить ее из дома, усыпить бдительность, чтобы не раздувать скандала.

Конечно, Аня уже не ребенок, и я прекрасно это видел. В общем, сам виноват, и что самое ужасное, ничего исправлять не хотел. Пусть лучше Аня меня считает полным недоумком и бессердечным сухарем, нежели увидит отклик и взаимный интерес. А я уж как-нибудь сам на местном уровне разберусь со своим наваждением. И со Светой тоже разберусь.

Сдержав стон отчаяния, я уткнулся носом в подушку, снова представляя лицо Ани, ее большие выразительные глаза и как она умилительно сегодня смотрела на меня... а потом с вызовом, когда сказала, что перейдет на вы, если услышит ещё хоть раз, что я назову ее ребёнком. Ей казалось, что я ничего не замечал, а я все видел и потому держал дистанцию. И прекрасно отдавал себе отчет, что девочки значили для меня уже очень много, им хотелось не просто помочь, о них хотелось заботиться, с ними хотелось быть рядом и принимать участие в их жизни. Мне нравились наши тихие вече-

ра, нравилась нежность и покорность Ани. Она быстро всему обучалась. Нравился запал Маши и ее тяга ко всему новому. Она только-только окрепла после болезни. Я договорился со Стасом на днях, что ее полностью обследуют в его клинике. Собирался свозить девочек к родителям, чтобы они познакомились. Просто чувствовал, что так правильно. А вот Света в эти планы не входила. И рассказывать о девочках я ей не хотел, потому что на тот момент, когда привез их к себе, сам ещё метался и был загружен другими проблемами. Да и как-то со Светой мы больше другими вещами занимались до встречи с девочками, не разговорами. Не понимаю, что дало ей повод так себя некрасиво вести, я никогда и ничего ей не обещал. И домой я летел на всех парах с появлением девочек, в меня будто вдохнули жизнь, а в моей квартире стало тепло и уютно.

Не к Свете, а к девочкам...

И с родителями хотелось поделиться тем теплом, которое исходило от них. И девочкам эта поездка тоже необходима, я хотел, чтобы Аня чувствовала себя рядом со мной, как в семье, а у Маши появились дедушка и бабушка. Я был уверен, что мама обрадуется Ане и Маше. Мама вообще была мировым человеком. После смерти Наташи и Аси я замкнулся в себе, а теперь вот словно очнулся от долго сна и пытался вернуться к жизни. Получалось, правда, так себе. За время, проведенное в коме, без чувств, мир продолжил жить, а я на время выпал из колеи и многому разучился. А сегодняшний

вечер и ночь неплохо так меня растормошили. Я понял, что выбрал неверную тактику в поведении и общении с Аней, но менять уже было что-то поздно. Да и нужно ли?

Утро выдалось беспокойным и суматошным. Я погрузился с головой в дела компании. После обеда позвонил Стасу и договорился, что Маша и Аня подъедут завтра рано утром в его клинику. Он обещал в частном порядке решить этот вопрос, и к выходным предоставить полную картину относительно Машинного здоровья. Если Аня захочет, доктор и ее посмотрит. Но я боялся посягать на территорию девушки после вчерашней ночи и ненароком ее спугнуть. Уж слишком рьяно она отстаивала свое право на отдельное жилье. Неужели так стеснялась меня? А ведь я уже не представлял без девочек своих вечеров, да и целиком жизнь. Машу видел вечером, чувствовал, как она маленькими ручками обнимала меня за шею и на ушко шептала «дядя Игорюша», так внутри все сжималось от нежности.

А вот Аня... это отдельная история! Иной раз она тоже доставляла мне определённые волнения, но я просто-напросто блокировал любые подвижки и ощущения в паху, когда она задерживала на мне свой открытый и пристальный взгляд, ласково улыбалась и пыталась делать вид, что не разглядывает меня тайком. Уж я такого за всю свою жизнь повидал, и меня не провести вокруг пальца. Она, наивная простота, думала, я не замечаю ее внимания, но украдкой все видел, и в такие минуты внутри меня бился наружу зверь. Мне на

луну выть хотелось от беспомощности и противоречий, что сеяли неуверенность внутри. Я пообещал этой девочке, что никоим образом не посягну на ее территорию и не дам ей усомниться в чистоте своих помыслов. Может быть, я пре-возносил ее чистоту и непорочность, но разум подсказывал, что, вероятно, я не ошибался. Да и зачем ей нужен такой мужчина, который потерял себя уже несколько лет тому на-зад. Там в душе столько обломков, что даже я боялся тронуть это все и ненароком сломать ещё сильнее, а потом не найти себя под этими завалами.

Набрав номер матери, я затаил дыхание и откинулся на спинку кресла. В офисе сегодня на удивление тишина, но оно и к лучшему. Спать хотелось безумно.

– Игорек? – послышался на том конце связи приятный женский голос. – Как я рада тебя слышать! Как дела сынок?

– Все хорошо, мам, я звоню предупредить, что на выход-ные все в силе.

– Какая замечательная новость! Вот отец обрадуется. Я ему еще ничего не говорила. Ты же любишь иной раз резко переменить планы.

– Люблю, но в этот раз я точно приеду. И вероятно не один, а с девочками... – я выжидал ее реакции.

Спустя недолгое молчание она заговорила:

– Игорь, один или с девочками – это ровным счётом не имеет значения. Хоть с компанией друзей! Главное, приез-жай!

– Хорошо. Отцу передавай привет.

– Передам, – эхом отозвалась она.

Перед тем, как вернуться с Аней и Машей в город, я вскользь поделился с матерью информацией о девочках. Без ярких подробностей и упоминания пожара. Но мне необходим был совет и поддержка, а я знал только одного человека, который мог мне все это предоставить.

– Игорь, – воодушевленно вздохнула в трубку мать. – Я рада за тебя. Ты прости меня, что напоминаю... но я уже и не чаяла услышать в твоём голосе надежду.

– Мама! – я поморщился, понимая, что она имела в виду. Но не хотел развивать эту тему и вспоминать о Наташе с Асей. И без того в голове был кромешный бардак. Мысли разумной упасть некуда было.

– Все, Игорь. Будем вас ждать. Приготовить твой любимый пирог?

– Да, – я представил лицо матери.

Она по-прежнему осталась для меня лучшим другом и надёжным тылом, моей поддержкой и опорой. Чего не мог сказать про отца. После смерти Аси, отношения с ним стали несколько напряженными и холодными.

– Пойду скажу отцу, порадую старика. До встречи, сынок!

– До встречи.

Я разъединил связь и какое-то время смотрел на телефон, вспоминая улыбку матери. А затем вспомнил ее слезы и перекосенное от боли лицо, когда приехал и сказал, что Ната-

ши и Аси больше нет. Тогда я ещё как мог держался, а вот спустя некоторое время совсем от тоски тронулся рассудком и всех, все, что было в моей жизни вместе с Наташей и Асей, я вычеркнул на долгое время и так обратно и не впустил никого в свою душу. Даже мать держал на расстоянии. Нет, я навещал родителей, но очень редко и чаще мы общались по телефону. Да, испытывал угрызения совести по этому поводу, но родительский дом о многом напоминал, и там я появлялся только в исключительных случаях. Мы раньше часто семьёй отдыхали у них на даче. Считаю, я отправлялся сейчас на подвиг, когда решился на поездку домой. Но Стас в ту ночь сказал правильные вещи, пора вылезать из своей раковины. Жизнь продолжалась.

Раздался звонок по внутренней связи, я снял трубку и услышал мелодичный женский голос секретарши, который сообщил мне, что Павел Сергеевич – начальник отдела безопасности, – хочет меня увидеть. Я разрешил его пропустить, вспомнив о том, что просил навести справки про Аниного родственника, брата погибшей матери. Может быть, Павел что-то узнал и пришел поделиться со мной этой информацией. Самому было интересно узнать, кто был этот человек и что из себя представлял.

Глава 20

Соломон

Павел Сергеевич, увы, ничем пока не порадовал, приходил совсем по другому вопросу. Про мужчину, про которого я просил навести справки, не было никакой информации. Вероятнее всего в люди он все же не выбился, или и вовсе был мертв, раз поиски застопорились. Но я попросил копать до победного, а там разберемся.

К концу дня я вспомнил о Свете, что обещал ей вчера встретиться и поужинать, дабы объяснить, откуда взялись девочки, и как долго будут жить вместе со мной. Заодно попрошу вернуть ключи от квартиры, чтобы подобной сцены больше не повторилось. Точку в наших отношениях ставить было глупо. Там вообще какие-то знаки препинания были лишними. Мы давно были вместе, и меня все устраивало в этих отношениях – физическое влечение и ничего более. Света никогда не настаивала на том, чтобы стать для меня чем-то большим, и наши встречи сводились до уровня постельных несколько раз в неделю. А ее вчерашняя выходка сильно меня расстроила. Нет, Света не была плохой девушкой, она приличная, работающая и добрая, это я в последнее время забыл обо всем на свете, сконцентрировав все внимание на девочках, что жили в моем доме. Мчался к ним до-

мой при первой же возможности. А Света виновата лишь в том, что пришла ко мне посреди ночи, желая взять с полочным, чтобы вывести на чистую воду и уличить в обмане и предательстве. И тем самым окончательно убила моё доверие и какие-либо зачатки чувств. Припарковав автомобиль у роскошного ресторана, где мы когда-то впервые оказались на свидании, а потом перебрались в гостиничный номер в здании через дорогу, я вошёл в красивое фойе.

Прошёл в зал и занял место за столом, подозвал официанта и заказал воды. Решил для начала дождаться Свету, чтобы сделать заказ. Хотя и наперёд знал, что она выберет. Хорошо изучил её за все время наших встреч. Она любила итальянскую кухню, обожала спагетти и лазанью. Но была, как и большинство современных девушек, повернута на фитнесе и здоровом образе жизни, ела исключительно какую-то зелёную траву и белок. И, кажется, пила протеин. Я видел большие круглые баночки с порошком у неё дома. Часто подшучивал, что бодибилдера в постели видеть желал в последнюю очередь. Хотя Света и не была на него похожа. Выглядела сочной и упругой, округлой в нужных местах. Не девушка – загляденье. Но меня по-прежнему влекло в другую сторону, и мысли были сейчас отнюдь не здесь, не в ресторане, а дома...

– Игорь! – Светлана просияла, увидев меня, чмокнула в щеку и уселась напротив. – Извини, я немного опоздала, повсюду пробки.

Света – успешная бизнес-леди. Кажется, так сейчас модно это называть? У неё под крылом вполне неплохо обосновались два модных бутика одежды. Со вторым я немного ей помог. Она ничего не знала о моей трагедии и Наташе с Асей или делала вид, что не знала, а сама через общих друзей наверняка все уже выяснила. Но ни разу – ни словом, ни намёком не дала понять, что ей об этом известно. И ей же лучше. Я не любил говорить на эту тему. Ни с кем. Даже думать иной раз самому себе запрещал.

– Да ничего, – я тяжело вздохнул.

Вчерашняя сцена заставила меня о многом задуматься. В частности, о том, что наши отношения больше не приносили мне былой радости. Я осознал это не вчера, и даже не месяц назад. А несколько раньше. Но долгое время Света полностью устраивала: как любовница, как собеседница и даже как спутница по жизни. Да, сердце не замирало от нежности и любви, как к Наташе. Но ведь это и не главное? Хотя теперь, кажется, понимал, что рядом с ней вполне бы мог походить на живого мертвеца.

– Как... девочки? – аккуратно спросила Света, поднимая глаза от меню.

– Нормально, – отозвался без энтузиазма и снова вспомнил об Ане.

А вот эти две девочки заставляли оживать сердце, будто утренние лучи солнца воскрешали внутри теплую надежду, даже не знаю на что... что глубокая и темная ночь в моей

жизни закончилась? Их присутствие согревало меня и моё холодное сердце. Рядом с ними я чувствовал себя легко и хорошо. Эгоистично, наверное, было с моей стороны держать их рядом. Но иначе я просто не мог. И держал не только из-за себя. Москва совсем другой город, это не маленький посёлок, где все знали друг о друге, я просто-напросто боялся за них, что их могли обидеть. На их долю и так выпало немало разных бед.

– Прости меня за вчерашнее. Я не знаю, что на меня нашло. Я бы хотела с ними познакомиться поближе. Если они так много для тебя значат... – Света искренне улыбнулась и смущенно опустила глаза. – Ты серьёзно хочешь, чтобы они стали частью нашей жизни?

Это слово «нашей» сильно резануло мой слух. Так далеко, а именно в нашей жизни со Светой я точно не загадывал. Я давно жил одним днем. Уже много лет. И менять ничего не собирался. Да, в моей жизни сейчас был сложный этап, я взял ответственность за двух посторонних людей, которых уже таковыми не считал. Но если Свету не пугали такие изменения, то почему я должен был этого бояться?

– Я хочу им помочь. Девочки остались одни и жили в ужасных условиях, у них никого нет, и, если бы я не вмешался, их бы разлучили.

– Игорь... – Света смущенно улыбнулась, – я не думала, что ты такой...

– Какой? – я скривил лицо, окидывая свою спутницу хму-

рым взглядом.

– Ты, оказывается, любишь детей?

Да, особенно одну маленькую девочку. И уже привык по утрам к топоту ее маленьких ног по квартире, к объятиям на моей шее, приятному тонкому голоску. Не уверен, что теперь вот так просто смогу отвыкнуть. И если Аня уйдет, то это будет для меня удар и новая порция боли. Однозначно, впоследствии нам придется расстаться, и это будет весьма болезненный момент. Аня в чём-то была права. Но и я был прав не меньше. Я был старше, я умел хорошо себя контролировать. Я, вроде как, состоял в отношениях со Светой, а Аня была намного младше меня. Она напрасно переживала за свою благодетель. Ни Машу, ни Аню я в обиду никому не дам. Даже себе.

– Бывают исключения из правил. Но теперь ты знаешь причину, по которой я не могу встречаться с тобой по ранее оговоренному графику. Девочкам тоже требуется внимание. А мне нужно, помимо прочего, уделять время работе и отдыху.

Света пожала плечами.

– Уверена, у тебя получится в итоге совместить эти две части своей жизни. Я бы могла помочь тебе... со старшей, наверное, мы могли бы даже стать подругами. Сколько ей лет? Ты говорил, что она ещё совсем маленькая?

– Ане девятнадцать.

Глаза Светы округлились, и она замерла, переменялась в

лице и побледнела.

– Ребенок? – протянула она, скривив губы в усмешке.

Я ожидал нечто подобное.

– Она умственно отсталая? – Света принялась строить догадки.

– Нет, что за глупости, – я почувствовал, как заурчало в желудке.

Я не ел почти весь день и, подозвав официанта, сделал заказ.

– А вторая девочка? Надеюсь, они не близнецы? – шутка была не очень удачная, но я понял, в какую сторону клонила Света.

– Нет, Маше всего пять лет. Скоро будет шесть. И Аня заменила ей мать и отца. Девочки жили в ужасных условиях, – я сделал на последних словах акцент. – Если хочешь, то как-нибудь можем все вместе куда-нибудь сходить. Ты с ними пообщаешься и поймешь, что это два светлых человечка.

Я почти не привирал. Обе белокожие с длинными светлыми волосами. Два прекрасных ангела.

– Да, – неуверенно отозвалась Света. – Это замечательная идея...

– Ну, вот и хорошо. Но ключи от дома все же придется вернуть. Я не уверен, что готов к новым подобным неприятным эпизодам. Девочки и так пережили кучу всего плохого. Я их забрал, чтобы дать им другую более спокойную и лучшую жизнь.

– Но... Разве мы не будем жить все вместе или...

– Нет, – я серьезно глядел в каменное лицо Светы. – В наших отношениях все по-прежнему. Я взял тайм-аут еще до отъезда. Кроме общения и общих встреч с девочками ничего более предложить пока не могу.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ничего, – я пожал плечами и протянул руку, чтобы Света вернула ключи. – Все то же – мне нужно время, чтобы побыть одному.

– Одному? – Света скривила лицо. – Но ты живешь не один!

– Одному – значит определиться со своими мыслями и чувствами. Я никого рядом с собой не держу.

– Хорошо, – шумно выдохнула Света, потянувшись к сумочке и достала связку ключей. Положила передо мной. – Я подожду и не тороплю тебя ни с какими решениями, – и снова опустила глаза к меню.

На этом наш разговор о девочках и отношениях был завершён. Мы поужинали, общаясь на отстраненные темы, а затем попрощались и каждый направился к своему автомобилю. Несколько минут я сидел в салоне и прислушивался к своим ощущениям. Очень хотел отправиться домой к Ане и Маше. Смотрел на дорогу, как уехала машина Светы, и понял, что ничего к ней давно не чувствовал. Привычка, дружба, комфорт... Но, когда думал о ней, даже не трепыхалось ничего внутри. Хотелось догнать ее, остановить, посмотреть

в глаза или прижаться губами к ее рту, чтобы уловить хоть какие-то чувства нежности. Хоть что-то, что бы заставило меня не думать об Ане и не представлять, какие ее губы на вкус.

Дождь барабанил по стеклам, и тоненькими струйками вода стекала на капот автомобиля, я опустил голову на руки, что держали руль, и сидел так какое-то время в полной тишине. Наверное, бессонная ночь давала о себе знать, глаза слипались сами собой. Включив зажигание, я отправился домой. Девочки, наверное, уже заждались. Я весь день мечтал увидеть обеих. Когда осознал это и то, что нравилась мне Аня, и жить как-то стало легче. Походило на открытое издевательство, но это была приятная, сладкая боль: смотреть на нее, наблюдать за тем, как она смешно морщила аккуратный носик, когда не все получалось с компьютером, или, например, с поведением Маши. А когда она сердилась, ее глаза вспыхивали огнем и были красноречивее интонации голоса. Я уже научился распознавать, в каком настроении пребывали девочки. Видел переживания Ани. И просто упивался каждой проведенной минутой, срастался с ними в единое целое и хотел уберечь от всего мира. Но, наверное, нужно было уберечь в первую очередь от себя.

Глава 21

Соломон

Я рос один без братьев и сестёр. Хотя отец с матерью всегда мечтали о большой семье, но, увы. Последующие беременности матери заканчивались выкидышами, и они с отцом после третьей неудачной попытки забросили это дело. До определенного возраста я не задумывался о том, что такое родственная связь и кровные узы. Только сейчас начинал осознавать, когда смотрел на отношения Ани и Маши, чего лишила меня судьба.

Домой я вернулся поздно. Девочки встретили меня, как обычно: Маша повисла на шее, Аня тихо стояла в сторонке. Смотрела настороженным, но отнюдь не испуганным взглядом, скорее загадочным. Поздоровалась и расслабленной походкой пошла в гостиную. А я так устал, что даже не смог сегодня толком с ними пообщаться. Но все же короткий разговор с Аней у нас состоялся. Все там же, на кухне. И опять перед сном. Я договорился на завтра со Стасом, что девочки рано утром приедут к нему в клинику. У меня не было возможности провести с ними весь день, но я уверен, Аня отлично со всем справится и без моей помощи. Но зачем-то объяснял ей простые истины и поймал себя на мысли, что мне приятно находиться с ней рядом, даже просто так, бол-

тая ни о чем.

– Хорошо, я все поняла, – Аня поднялась со стула. – Я вызову утром такси, напиши мне, пожалуйста, адрес клиники, – как всегда спокойная, выдержанная, словно росла не в неблагополучной семье, а в пансионате для благородных девиц.

Наташа очень любила книги Лидии Чарской, особенно одну постоянно держала при себе «Записки институтки» и даже пыталась читать трехлетнему ребенку. Я не питал любви к детской литературе, но эту книгу знал от корки до корки, слышал, как Наташа читала Асе ее на ночь. А Аня чем-то походила на главную героиню, сиротку, оказавшуюся в чужих стенах, пытающуюся привыкнуть к новой жизни и ее устоям.

Аня принесла блокнот и ручку из гостиной, положила передо мной. Маша уже спала, я тоже собирался лечь спать. Глаза закрывались сами собой. От усталости меня уже штормило. Но отдохнуть и расслабиться ещё не время.

– Ты выглядишь уставшим, – Аня стояла слишком близко, я даже чувствовал ее аромат, немного сладкий и такой манящий. Вспомнил о встрече со Светой и всех своих ощущениях, точнее о безразличии, что возникло некогда на месте физического влечения.

Поднял на Аню взгляд и грустно улыбнулся.

– Я и вправду устал. День был насыщенный. А ты его как провела?

– Как обычно, – она ласково улыбнулась. – Организовыва-

ла досуг одной очень непоседливой девочки. Сейчас пойду, умоюсь и лягу спать, необходимо перезагрузить свою нервную систему от нескончаемых вопросов сестры.

Я усмехнулся, прекрасно понимая, что имела в виду Аня. Чиркнул на бумаге адрес клиники и протянул ей блокнот.

– Если возникнут вопросы или проблемы...

– Ты на связи, – закончила она за меня, взяла блокнот, задевая своими пальцами мою ладонь.

Развернулась и пошла прочь.

Я удрученно смотрел ей вслед, сердясь на себя за то, что готов был ее окликнуть и предложить еще немного поговорить. Налил в стакан воды и пошёл в спальню. Спустя минуту услышал, как в ванной зашумела вода и, прикрыв глаза, представил... Нет, ничего не представил. Нельзя. Неправильно. И вообще я собирался спать! Но назойливые мысли, будто рой голодных пчел, желающих отведать нектар растений, слетелись и кружили в голове, рисуя в воображении яркие образы. Внезапно раздался глухой удар и резкий вскрик. Я поднялся с кровати, натягивая на ходу штаны, вышел из спальни и встал возле двери в ванную комнату. Шум воды не затихал, и я услышал то ли всхлип, то ли стон.

– Аня? – я постучал в дверь и позвал девушку. – У тебя всё нормально?

– Игорь... – голос девушки прозвучал жалобно и испуганно. – Кажется, нет, сорвало кран... Я поскользнулась... здесь вода льет фонтаном...

– Аня, сейчас! – я кинулся в подсобку, к основному стояку, чтобы перекрыть воду.

Мысли понеслись с бешеной скоростью, я даже успел испугаться за девушку.

– Я найду? – спросил я, вернувшись под дверь ванной комнаты, когда перекрыл подачу воды.

Шум стих, а охи девушки нет. Если слетел кран подачи горячей воды, то Аня вполне могла обжечься!

– Да... – неуверенно отозвалась она.

Я открыл дверь и вошёл, Аня стояла, сжимая на груди полотенце. Длинные светлые волосы, которые обычно она закалывала в пучок или собирала в хвост на затылке, сейчас были распущены и разметались по плечам. На полу образовалась приличная лужа воды, она стояла посреди комнаты и испуганно смотрела на меня во все глаза, будто на хищника, который скалил на нее свои зубы.

– Ты как? Сильно ударилась? Не обожглась? – на минуту я даже забыл, зачем зашёл в комнату.

Не мог отвести взгляда от Ани, рассматривая ее голодным взглядом. Обычно я видел ее в джинсах и водолазке или джемпере с длинным рукавом, что сам ей купил. И лишь однажды – в ту ночь, когда Маша слегла с болезнью – в моей длинной футболке. Хрупкие плечи слегка подрагивали, на них, как жемчужинки, блестели капли воды.

– Вроде нет. Я не знаю, как это случилось, я...

Отвёл от Ани взгляд и посмотрел на источник бед, отме-

чая, что придётся вызвать сантехника. Букса горячего крана вместе с маховиком вылетела из своего места.

– Ты точно не обожглась? – снова посмотрел в ее бледное лицо.

– Всё случилось так быстро и неожиданно... Игорь, я не нарочно... – тихо говорила Аня.

– Конечно, нет, – заверил я. – По-хорошему нужно сменить все смесители. Завтра этим займусь с утра. Придётся перекантоваться без воды. Не переживай, ничего страшного. Как въехал в квартиру почти пять лет назад, так и ничего с того дня и не трогал. Видимо, пришло время для мелкого ремонта.

– Я сейчас уберу эту лужу, – Аня кивнула на пол возле раковины, а сама стояла на месте, словно испуганный зверёк, которого загнали в ловушку, и дрожала.

У меня дыхание перехватило от ее беспомощного и испуганного вида, и я решил, что сам со всем разберусь, пусть только скроется с моих глаз от греха подальше.

– Не нужно, я сам сейчас уберу и посмотрю, что там с краном. Иди отдыхать, – ответил я ровным голосом, а самого начало уже потряхивать от ее близости.

От мысли, что под полотенцем на ней ничего нет, у меня внизу живота все свело, и я мог в любой момент попасть в неловкую ситуацию. Я лишь успел натянуть спортивные штаны, и не уверен, что они сдержат мои порывы. А пугать и смущать Аню ещё сильнее – полнейший перебор. Не хвата-

ло, чтобы она наутро завела новые разговоры о раздельном проживании, увидев мою реакцию на нее.

– Нет, давай я помогу... – воспротивилась Аня, а я закатил глаза и сделал шаг в сторону.

Вода растеклась почти по всему полу. Я поскользнулся и в одно короткое мгновение распластался на полу. В полете задел ногу Ани, и она, тоже не удержавшись, спикировала рядом. Мне кажется, я даже услышал треск, с такой силой приложился затылком о кафель, и, приподнявшись на локте, морщась от боли, держался за голову. Ночное приключение оказалось весьма захватывающим... Я нисколько не ожидал такого исхода. Вспышка боли померкла, и я забыл не только о боли, но и обо всем остальном, когда увидел Аню...

– Игорь! – испуганно воскликнула она. – Ты в порядке? – спросила, глядя мне в лицо, а я сглотнул нервный ком, упершись взглядом в оголенные участки кожи.

Полотенце, что прикрывало ее наготу, лежало рядом. Я смотрел на округлые груди с розовыми сосками бусинками, впалый живот и белую почти прозрачную кожу и летел в какую-то пропасть. Словно оказался в прострации, словно не перекрывал стояк, и в меня фонтаном била горячая вода. Хотя в луже той я, кажется, сейчас и сидел?

Усилием воли я поднял свое лицо и заглянул Ане в глаза. Моя рука так и застыла на голове, словно приклеенная. Щеки девушки вспыхнули румянцем, в глазах мелькнула какая-то жалкая тень смущения, а затем она с вызовом подня-

ла подбородок. Слабо потянула полотенце с пола и прикрыла свою наготу.

– Аня... – хрипло произнёс я и наконец-то отмер. Потёр затылок и судорожно перевел дыхание. – Я в порядке. Ты сама не ударилась?

Вчера я называл при Свете Аню ребёнком и то лишь для того, чтобы Света поскорее покинула стены моей квартиры без скандалов и драм. Но после вот этого зрелища у меня бы в жизни язык не повернулся так охарактеризовать Аню, не то, что подумать... Хрупкая, миниатюрная, красивая и такая желанная. Особенно, когда смотрит таким неискушенным взглядом в самое сердце, в глубину души, устанавливая там новые порядки и правила, задавая какой-то космический ритм биения сердца. Ее красота была обжигающей, как у ядовитого цветка. У меня внутри все свело, и вдох сделать получилось не с первого раза. Мне будто перекрыли кислород. Я утонул в противоречивости всех своих чувств. Непорочная, чистая и привлекательная, и в то же время недостижимая, как прекрасное божество.

– Я не ударилась, – она поднялась на ноги и посмотрела на меня сверху вниз, словно мы вдруг оказались на ринге, а она, вырвав победу в последний момент, ловила триумф, видя, как растоптан и повергнут ее противник. – А ты, как я понимаю, вконец убедился, что в твоей квартире живёт только один ребёнок, и тот сейчас спит в гостиной? – ее глаза сверкали возмущением.

– Я не сплю, – раздался за спиной тоненький заспанный голосок.

Мы вместе, словно по команде повернули головы в сторону двери и увидели там Машу. Гном держала своего мишку Вольку и сонными глазами смотрела на нас.

– Я проснулась от шума, а Ани нет... Что случилось? Почему Игорь на полу?

– Когда я купалась, сорвало кран. Игорь все починит или вызовет специального человека, чтобы его починить. Идём в постель, – с холодной невозмутимостью отозвалась Аня.

Аккуратными шагами ступая по мокрой плитке, прошла мимо меня и вышла из ванной. Обняла девочку за плечи и повела в гостиную. А я, наверное, как старый больной дурак, ещё с минуту сидел в луже воды и пытался взять контроль над эмоциями, что внезапно пробудились, и был уже не уверен, что смогу над ними властвовать, как раньше.

Глава 22

Соломон

Чтобы не мучить свой организм еще одной бессонной ночью, я принял снотворное. Одним махом убил двух зайцев: и посплю, и не оставлю никакой возможности для полёта фантазии, чтобы ежеминутно не лицезреть Аню перед закрытыми глазами. Я очень устал за эти дни, а лечь и нормально выспаться, не получалось. Ложился в постель, ворочался, думал обо всем, в итоге проваливался в дремоту на час или полтора. И так до рассвета, а там до звонка будильника. Но я давно привык, что сон для слабаков.

Утром я, естественно, проспал, немного не рассчитал дозу лекарства. Маша влетела ко мне в комнату и принялась водить рукой по лицу. Щетина снова отросла, и девочке нравилось касаться нежными пальчиками подбородка и скул и залиристо хохотать, выкрикивая писклявым тоненьким голоском «щекотно». Я потер руками сонные глаза и схватился за голову. Та гудела, словно я всю ночь провел в клубе. Хотя какой уж там клуб, приложился я вчера головой знатно. Со всех сторон получил хороший приход. Потянулся к телефону, чтобы позвонить и сообщить Ольге, своему секретарю, что на работе я сегодня появлюсь немного позднее. Раз уж так получилось, вызову сантехника, дождусь его и к приезду

девочек, надеюсь, все уже починят.

В дверях появилась голова Ани:

– Маша, бегом одеваться! Такси приедет через пятнадцать минут, – скомандовала она.

Маша чмокнула меня в щеку, смешно скорчила рожицу, соскочила с кровати и выбежала из спальни.

– Привет, – на лице Ани отразилась улыбка. – Проспал?

Она уже оделась и выглядела свежей и отдохнувшей.

– Нет, дождусь сантехника, пока вы будете в клинике.

– Как голова? – мне показалось, что она изо всех сил сдерживала улыбку.

– Всё нормально, – впечатлений мне теперь хватит надолго.

Впору самому заводить разговоры о раздельном проживании!

Аня кивнула в ответ и скрылась из виду. Что же, хорошая тактика сделать вид, будто ничего не произошло. Но что делать с моим разыгравшимся воображением и младшим товарищем, который вдруг решил тоже сорвать все стояки и выбить любые предохранители? Из-за него я даже не мог выбраться из-под одеяла и проводить девочек. Словно я вчера выпил не снотворное, а принял афродизиак. И, как назло, воды не было, чтобы проскользнуть в ванну и остудить свой пыл и фантазии ледяной водой.

Щелкнули замки, и за девочками захлопнулась дверь. Я выбрался из постели и пошёл на кухню, чтобы до приезда ма-

стера успеть выпить кофе и немного взбодриться. Хотя бодрости и так теперь было хоть отбавляй.

Вечер и последующий день пролетели незаметно. По крайней мере, у меня сложилось такое впечатление. Я оккупировался на работе и вовсе не по своей прихоти, а потому что наметилась новая выгодная сделка, и два вечера я провел на переговорах и развлечениях группы людей, что приехали из Австрии. Мы договорились на крупную поставку строительных материалов, что отгрузят нам уже в ближайшее время, и я выложил на все сто процентов ради контракта. К счастью, все закончилось удачно, я боялся, что придётся сменить срок поездки на дачу к родителям. Но австрийцы уехали вчера восвояси, а я проснулся этим утром раньше обычного, даже раньше будильника, и пошёл будить девочек. К родителям я хотел выехать пораньше, чтобы не оставаться у них ночевать. Хотя и знал, что мать все равно будет настаивать.

– Игорь, мне неудобно. Ты уверен, что твои родители... что им это нужно? – Аня нервничала, хотя пыталась это скрыть.

И я тоже переживал, потому как ответственный момент как ни крути.

– Аня, уверен, – тихо, но твёрдо ответил я.

Она застегивала на Маше курточку. Куклениш на удивление вела себя очень тихо. Я бы даже сказал исключительно, наверняка Аня провела с ней какие-то беседы за пару дней,

что меня практически не было дома. Но я любил, когда гном сносил дом и бегал по комнатам. Сразу ощущалась какая-то жизнь в этих бетонных стенах, и улыбка появлялась на лице. На всех лицах.

– Хорошо, – обреченно выдохнула Аня и подняла лицо. – С другой стороны, мне очень интересно посмотреть на твоих родителей и место, где ты вырос, – я удивлялся, какой многогранной была девушка.

То она грустила, глядя на меня задумчивым взглядом, то вдруг замыкалась в себе и делала вид, что меня не существует, то вот как сейчас, с мечтательным выражением на лице дарила теплую улыбку. Не девушка – ходячая загадка и аномалия.

– Я вырос в другом городе.

– Правда? – удивилась Аня.

– Да, жил в таком же богом забытом месте, как и вы когда-то с Машей. Потом отец потерял работу, и мы отправились в Москву на поиски лучшей жизни. Ему помог хороший знакомый и вот так по кирпичику, маленькими шагами они с мамой купили дом, помогли мне с учёбой, а теперь я помогаю им. Держу свою строительную фирму на плаву и сбавлять оборотов не собираюсь.

– Теперь вдвойне интереснее посмотреть, – улыбнулась Аня.

Щелкнула Машу по носу и подтолкнула ее на выход.

Мысли о той сцене в ванной я усердно блокировал. Да и

не до того было в эти насыщенные дни. А на ночь я заправлялся снотворным. Пора уже было с него соскочить, но я не решался. Не дай бог, в одну из таких бессонных ночей додумаюсь еще до чего, и тогда неизвестно, чем все закончится.

Вчера вечером мне позвонил Стас и сказал, что анализы Маши готовы, там не все было хорошо, но и ничего страшного. Однако он посоветовал свозить девочку к морю. Как раз перед садиком будет очень полезно. Назначил витамины обоим сёстрам. К моему удивлению, Аня тоже согласилась пройти обследование. С ней дела обстояли значительно лучше. А Машу он рекомендовал показать иммунологам, выписал ей препараты железа, и в завершении сказал уже лично от себя, что девочки обе замечательные. Правда, очень хрупкие и слабенькие. Я, кстати, нисколько тому не удивился. Потому как неизвестно, как они питались с такими родителями, может и вовсе голодали. Но ничего, откормлю. Обеих.

После разговора со Стасом я всерьёз задумался о поездке к морю, мне казалось это замечательной идеей. Так вот быстро я, конечно, не мог сорваться, дела меня не отпускали. Но примерно через неделю или две, я вполне смог бы выделить на поездку дней пять или семь. Как раз в Москве выпадет снег, а я терпеть не мог эту склизкую погоду. Новый год и праздники любил, а слякоть, дождь и хмурое небо – нет.

Света позвонила в последний момент, буквально перед нашим отъездом. Сильно гнусавила в трубку, извинялась, я так и не понял за что, и сказала, что заболела. Я предложил

ей привезти лекарства, передать через водителя, что работал у меня в компании, но она уже заказала все необходимое через интернет и ждала доставку. Сказала, что будет рада, если я выберу минутку ее навестить. Я взглянул на девочек, понимая, что сегодня никак не получится. Сказал, что заеду по возможности на днях и выключил телефон. Знал наперёд все эти женские уловки. Света сама себе придумала того, чего нет, и пыталась для меня выделить роль в своей выдуманной сказке. Да, поначалу кое в чем у меня имелся холодный расчет, в частности, что Аня немного успокоится, когда будет видеть и знать, что у меня есть женщина. Но вот только я не предугадал, что у девочки вспыхнет ко мне интерес. А ведь я обещал ей в Рыбачьем, что не прикаснусь к ней, и Свету держал рядом, чтобы Аня уверена была во мне, и что я не мачо какой-то или ловелас. Однако вон как все получилось. Понимаю, что переживал о глупостях, но элементарно боялся снова остаться один. Так я прикипел к обеим девочкам, что вот это осознание, как гром среди ясного неба пронзало меня в самое сердце каждый раз, когда я на них смотрел.

Всю дорогу Маша без умолку болтала, расспрашивала Аню о разных мелочах, я поглядывал на них через зеркало заднего вида и тихо улыбался сам себе, чувствуя умиротворение и покой.

Через пару с небольшим часов мы были на месте. Помимо идеи поездки к морю, где Аня и Маша никогда не были, у меня была ещё одна приятная и важная новость для стар-

шенькой. В садике, куда я определил Машу, было свободное место нянечки. И если Аня согласится... Но даже на этот случай у меня был припасен запасной вариант. Мы разговорились со Стасом, и он сказал, что может поставить Аню в регистратуру в пару к своей помощнице. В целом, на обеих работах был плавающий график, вполне можно было их совмещать. Я почему-то думал, что Аня ухватится за этот шанс. Она ведь не хотела сидеть дома, я прекрасно это видел. И тем более я не хотел, чтобы она искала работу сама, это было небезопасно. А когда она с головой погрузится в работу, ей уже будет не до мыслей о побеге.

Остановив машину у родительского дома, я повернулся к девчонкам.

– Ну что, готовы? Сейчас мать вас так накормит, что как колобки будете кататься по дому и тяжело вздыхать и охать. Она готовит так, что закачаешься!

– Ура! – Маша захлопала в ладоши, Аня же лишь натянуто улыбнулась.

И я видел, да что там, чувствовал ее волнение. Но напрасно она переживала. Мама очень чуткий человек, и Аня могла не беспокоиться, что их как-то плохо примут в этом доме. Я бы тогда не решился на эту авантюру.

Мы выбрались из машины, я открыл дверь и провел девочек по дорожке к дому.

– Как красиво, дядя Игорь! – Маша схватила меня маленькой ладошкой за руку, а я оглянулся на Аню, понимая,

что беседы в мое отсутствие с Кукленьшем все же велись. Дядя Игорь она меня не называла уже очень давно. Я просил ее называть меня просто Игорем.

Девочка восторженно смотрела по сторонам и смешно охала. Маша ликовала и чуть ли не прыгала на месте. Знал бы, что девочке тут понравится, привёз бы ещё раньше.

– Пуховику бы здесь очень понравилось, – улыбка вдруг исчезла с ее лица, и уголки губ опустились.

– Маша, Пуховик – лесной кот, ему хорошо жить на природе рядом с рекой и лесом, – твердо отозвалась Аня.

– Надеюсь, он по мне не скучает. Потому что я по нему очень сильно! – дрожащим голосом говорила Маша все с той же грустью на лице.

Я взял девочку на руки и слегка обнял. Столько жалости было в ее голосе, что мне самому захотелось вновь увидеть Пуховика. Может быть, зря я не вмешался и не предложил девочкам взять кота в город? Глядишь, привык бы их хищник к каменным джунглям.

– Может быть, тебе подарить котёнка или щенка? – я слегка обернулся в сторону Ани, примечая, как она недовольно свела брови.

– Да! Да! Да! – в глазах Маши загорелся огонь.

– Если, конечно, Аня разрешит... – вовремя спохватился я.

– Аня подумает, – отозвалась старшая, бесшумно ступая позади.

– Я назову его Пуховик, – принялась мечтать Маша.

– Аня пока ещё не сказала точного ответа, – услышал я ее голос и усмехнулся. – А вот разбалуешь ребенка, и потом оба проблем не оберемся, – уже тише проговорила она, чтобы услышал только я.

С того самого разговора, после неожиданного визита Светы, я заметил в Ане перемены. Они пока были совсем незначительными, но хорошо уловимыми. Да и я уже не молодой пацан, а прожженный опытный мужчина. Смотрел девушке в лицо и думал о том, что пора упорядочить свою жизнь и придать ей стабильности, чтобы эти эмоциональные качели в какой-нибудь момент не выкинули меня из привычного ритма жизни. Хотя, как не выкинули... Наверное, я уже соскочил с них и летел, чтобы вскоре расшибиться о землю, просто отказывался это понимать.

Глава 23

Аня

Навстречу нам вышла женщина в годах с короткой причёской и очень милым лицом. Примерно таким же, какое было бы и у нашей матери, если бы она не пила. Позади нее показался высокий мужчина. Я окинула пару беглым взглядом. Игорь был очень похож на отца, такой же статный, широкоплечий и темненький, но без седины в волосах.

Женщина приветливо нам улыбнулась, я же по-прежнему робела и волновалась, сжимала холодные влажные руки в кулаки и думала о том, что нужно было настоять и отказаться от этой поездки. Не понимала, зачем Игорю понадобилось это знакомство. Но спорить не хотела. В глубине души я хотела узнать о нем больше.

Да, затевала нечестную игру, но откуда мне было знать, что я влюблюсь в этого человека? У меня сердце рядом с ним замирало, и я вдох боялась сделать, чтобы не пропустить его взгляда или короткого слова. Хотелось смотреть на него постоянно. Внешне, возможно, я себя никак не выдавала, а внутри все билось в агонии от страха, нежности, тепла к этому человеку. Маша держала Игоря за руку, а я все чаще ловила себя на мысли, что смотрю на них с некоторым восхищением. Как они игрались, и само отношение Игоря к Ма-

ше... словно она была для него... дочерью!

– Как добрались? – милый звонкий голос мне очень понравился.

Хоть Игорь и заверил меня, что его мама будет нам рада, я все равно переживала. А тут ещё Света в последний момент позвонила, и я подумала, что Игорь сейчас отложит поездку или мы все вместе поедem лечить его подружку. Нет, я не собиралась проникаться к девушке Игоря никакими чувствами. Я сама того ещё толком не осознавала, что ревную его, потому что до этой самой поры мне было чуждо чувство ревности, равно как и заинтересованность молодым человеком. Парни меня всегда сторонились. Я – девочка из неблагополучной семьи, дочка алкашей и не то, что дружить, а встречаться или, упаси боже, полюбить такую, никогда речи не шло. Надо мной насмехались, меня игнорировали, шпыняли, но никогда не любили. Наверное, поэтому безразличие Игоря и его интерес ко мне исключительно как к бесплатному приложению к Маше, не причиняло мне боль. Ведь я сама обозначила жёсткие рамки. А втайне начинала мечтать, чтобы он их разрушил. Это так по-девчачьи. Мечтать о прекрасном принце, который однажды спасет бедную девушку из заточения, заберет с собой и влюбится... Как в сказке.

– Добрались быстро. Без пробок, – отозвался Игорь и поцеловал мать, обнял отца. – Это Аня и Маша.

Странно, но смущение куда-то улетучилось.

Под заинтересованными взглядами родителей Игоря я не

ощущала больше себя скованно. Наоборот, родители и само место вызвало умиротворение и покой. Примерно о такой семье я и мечтала... Крепкой, дружной и, главное, не пьющей. И это сравнение вызвало грусть. Не было никогда у нас покоя и таких улыбок, тепла и накрытого угощениями стола. Лишь грязь, бутылки и мои мечты о таком вот кусочке счастья. И достойны ли мы с Машей были всего этого? Я уже в это не верила. Все казалось, сказка вот-вот закончится.

Двухэтажный дом был очень просторным и красивым. Мама Игоря, Елена Александровна, обещала показать нам еще и красивый ухоженный двор. А Александр Сергеевич, отец, был весьма неразговорчив и с неким интересом поглядывал в нашу сторону и искоса на Игоря. Наверное, пытался понять какие-то скрытые мотивы сына. Но не было у того никаких скрытых мотивов, вполне возможно, что вообще не было больше никаких мотивов.

Я вклинилась в оживленную беседу за столом, изредка краснея от некоторых фразочек Маши. Но сестра и в самом деле за это время, проведенное в городе рядом с Игорем, стала несколько раскрепощеннее и смелее. Если так и дальше пойдёт дело, то думаю, с садиком все заладится.

– Аня, а вы живёте вместе с Игорем? – спросил Александр Сергеевич.

Я чуть не поперхнулась едой и перевела взгляд на Соломона.

– Со мной, – вступился Игорь. – И к вам на выходные тоже

теперь будем ездить каждую неделю. Ты же говорил, что я перестал вас навещать?

– Да, совсем забыл и не знаю, выходишь ли из офиса, – подтвердил отец и сердито взглянул на сына.

– Выходит, – улыбнулась Маша. – По вечерам он играет со мной и учит играть в шахматы.

Мне почему-то захотелось снова ущипнуть Машку за коленку, ведь говорила ей, чтобы открывала рот только тогда, когда ее о чем-то спросят в лоб.

Ну да что я, собственно, хотела? Ребенок...

– И как успехи? – спросил Александр Сергеевич, взглянув на Машу.

– Ни разу пока не выиграла и постоянно забываю, как ходят слоны, – Маша тяжело вздохнула и отпустила глаза к тарелке.

– Может быть, со мной сыграешь после обеда? – мужчина просиял, его улыбка оказалась очень похожа на ту, что иной раз Игорь дарил Маше, светлая, чистая и... грустная?

– Правда? Дядя Игорь? – она вопросительно перевела на Соломона восхищенный и возбужденный взгляд.

Щеки горели, глаза блестели... Маше понравились родители Игоря.

– Ну а как же я, Маша? – Игорь в шутку свел недовольно брови. – Можно. Буду подсматривать за отцом, чтобы не мухлевал, – и тут же улыбнулся девочке.

После обеда я предложила помощь Елене Александровне,

чувствуя, что все допросы у меня еще впереди. И я не знала, что там Игорь ей рассказал, но обманывать и юлить я не собиралась. Спросит, почему так вышло – ничего не утаю. Прошлого не изменить и от него не откреститься, но я согласилась на все эти перемены и была очень благодарна Игорю за шанс изменить будущее, в первую очередь, ради сестры.

Елена Александровна загрузила посуду в посудомоечную машин. У Игоря на кухне стояла похожая, и ей я уже умела пользоваться, как и стиральной машиной, которой у нас и в помине никогда не было, и много с чем новым я уже успела познакомиться. Больше всего мне нравился духовой шкаф и кофеварка. Благо инструкции в интернете были, а мне хватало смекалки туда заглядывать. Такими темпами жизнь в городе мы с Машей быстро освоим.

– Маша просто чудо! – повернулась женщина, глядя на меня пристальным взглядом.

– Елена Александровна... – я хотела перебить женщину, но она не дала мне даже сказать и слова.

– Я рада, что вы появились в жизни моего сына. После... после как его жена и дочка, моя внучка погибли... – голос женщины дрогнул, и она взглянула на полку со снимками.

Я тоже посмотрела туда и увидела фото, где Игорь стоял в обществе красивой белокурой женщины и держал маленькую девочку на руках. И вид у всех троих счастливый и безмятежный.

– Я уже и не чаяла, что увижу прежнего счастливого и

улыбающегося Игоря.

Чашка, которую я держала в руках и собиралась ополоснуть в раковине, вывалилась из рук и приземлилась у моих ног. Я вздрогнула и испуганно перевела взгляд на женщину. Тот наш недавний разговор и слова Игоря о трагедии, его привязанность и чувства к Маше, эта отчужденность...

– Аня, ничего страшного! Я сейчас уберу, ты не трогай ничего руками! – донесся голос женщины, и я отвела взгляд от снимка.

– Извините меня... – я отошла и обернулась в сторону гостиной, где за столом шла напряженная шахматная партия.

Александр Сергеевич, Игорь и Маша склонили головы над шахматной доской. Я смотрела на Игоря и думала о том снимке. Что случилось с его женой и ребёнком... Нет, не моё это было дело! Но только теперь я отчётливо поняла, что Игорь помогал нам не просто от чистого сердца... Точнее от чистого, но... Кажется, я запуталась ещё сильнее и ничего совсем не понимала. Он, может быть, видел в Маше свою маленькую дочь? Перед глазами одно за другим всплыло воспоминание обо всех событиях до этого самого дня. Дочь... Как я и предполагала, но только и подумать не могла, что той не было в живых! Игорь повернул голову в мою сторону, и наши глаза встретились. С каких пор его взгляд стал таким осязаемым, тяжёлым и цеплявшим за живое, словно каждый раз, как новое откровение? Его лицо ничего не выражало, а я ощущала внутри изумление и нарастающую тревогу.

– Анечка? – словно в замедленной съемке, я отвела глаза от Игоря и посмотрела на его мать.

– Все хорошо, – медленно проговорила я и натянуто улыбнулась. – Извините ещё раз, – а когда снова обернулась в сторону гостиной, Игорь уже вклинился в процесс игры.

Глава 24

Аня

Елена Александровна смела разбитые осколки веником и выбросила их в мусорку. Мы вернулись в гостиную с пирогом, но только у меня начисто пропал аппетит, и чай я отказалась пить. И в беседе почти не принимала участия, а смотрела на Игоря и ловила себя на мысли, что с этим влечением пора уже что-то делать. Я заметила, что карие глаза Игоря неотрывно следили за мной, не удивлюсь, если я сидела бледная и отрешенная, потому что слова Елены Александровны зацепили меня за живое. Представить страшно, что пережил этот мужчина. Я взглянула на Игоря в ответ и поняла, что смотрела бы в его лицо вечно, оно казалось мне красивым, идеальным, а от улыбок мужчины сердце замирало, и я забывала, как дышать. Эти мысли и мечты глупые причиняли мне дискомфорт. А с учётом новых подробностей о жизни Игоря, я понимала, что доступ в его жизнь закрыт. И наше присутствие с Машей в ней ни о чем не говорило и не давало никаких гарантий ни на что. Ровным счётом, как и Светлане. Игорь для всех нас по-прежнему был закрыт.

– Мама, какие у вас планы на ближайшее время? – вдруг спросил Игорь, а я наострила уши.

Соломон приосанился и подобрался, бросил в мою сторо-

ну короткий взгляд, и я поняла, что не просто так он завёл этот разговор. И несмотря на замкнутость мужчины, успела уже хорошо его изучить за время совместного проживания.

– Игорек, мы с папой решили съездить на море. Нужно набраться сил перед декабрем. Ты же помнишь, что в декабре у меня заказов очень много и...

– Море? – перебил Игорь и довольно усмехнулся.

– Да, жару я не переносу, а сейчас там самые хорошие условия для нас с отцом. Нагуляемся, я возьму свой мольберт... – мечтательно протянула женщина.

– А что, если мы присоединимся к вам? – спросил Игорь, а на лице Елены Александровны отразились удивление и восторг.

Нет, такое точно нельзя спланировать заранее, потому как отец Игоря нахмурился и серьезно поглядел на сына.

– Хочешь сказать, вот так возьмешь и прям оставишь работу? И с нами поедешь за... Неважно, за сколько лет? – спросил Александр Сергеевич.

– Поеду. Если девочки согласятся.

Я поджала губы и держала наготове ногу, чтобы хорошенько пнуть Машку под столом, если начнёт визжать от восторга. Я и сама хотела пуститься в пляс от такой новости. Как ни крути, но что я видела за всю свою жизнь хорошего? Машка все-таки подпрыгнула от восторга и захлопала в ладоши, но потом будто одумалась, Наверное, вспомнила о нашем разговоре, притихла и с опаской поглядела в мою сто-

рону.

– Я не знаю, – ответила я, пребывая в замешательстве.

С одной стороны – это отличная идея, прекрасная! Но, с другой, Игорь же только недавно вернулся из посёлка вместе с нами, где и так провел очень много времени. Я не хотела мешать его работе и, вообще, хотела доставлять как можно меньше проблем.

– Я понимаю, нужно было сначала обсудить это с тобой, – Игорь прожег взглядом тёмных глаз, а мое сердце снова пропустило удар.

Да что же это такое? Я теперь всегда буду так реагировать на него? Но когда он вот так на меня смотрел: с надеждой и подкупающей искренностью, я готова была дать согласие абсолютно на все!

– Пришли анализы Маши...

Я похолодела, когда Игорь замешкался, и сердце замерло от страха, что Маша оказалась чем-то серьёзно больна.

– Ужасного ничего! – тут же заверил он меня, увидев, как я переменялась в лице. – Но Стас рекомендовал перед садиком и перед школой свозить ее к морю. Вы же ведь никогда не были на море? Да, сейчас, конечно, не искупаться, но пользы не меньше, поверь, – убеждал он меня.

– Хорошо, я не против, – и в самом деле не вижу никакой проблемы.

Может быть, Игорь хотел таким образом побыть вместе с родителями? В любом случае мы с Машей проблем много не

доставим. Не знаю, почему так быстро согласилась, но, когда смотрела в глаза Игоря, что-то непонятное происходило со мной, и такого я ещё раньше ни к кому не испытывала.

– Ну, отлично, я попытаюсь подстроиться под ваш график, чтобы мы все вместе могли провести какое-то время, – обратился он к родителям.

– Сынок, – мать прикрыла ладонью рот и смотрела на сына счастливым взглядом.

А я снова поймала себя на мысли, что, вероятно, та потеря все же отразилась на отношениях Игоря с родителями. Хотя, что я могла вообще понимать? Эта поездка лишь сильнее заставила меня утвердиться в том, что я начинала испытывать к мужчине сильное влечение, не подконтрольное. Это чувство становилось только глубже с каждым днем, с каждым взглядом в мою сторону, с новой улыбкой. А теперь, узнав о нем еще одну тайну, мое сердце сжималось, когда я представляла, что пережил Соломон. Маша заснула быстро. У нее было сегодня очень много впечатлений. Елена Александровна в итоге как-то уговорила Игоря остаться переночевать. Нам с Машей выделили одну из спален наверху. Я лежала в кровати рядом с сестрой, слушала музыку и снова думала об Игоре. Этих мыслей с каждым днем становилось все больше и больше, и они, словно тонкие сети, опутывали меня и пускали едва осязаемые электрические импульсы. Выбравшись из кровати, я ступила босыми ногами на холодный пол и вышла из комнаты. Все равно не усну, может быть,

если выпью немного тёплой воды или чая, приду немного себя и засну?

Я весь вечер думала об Игоре и его прошлой жизни. Сама не давала себе спуска и этими мыслями лишь крепче привязывала себя к мужчине. А ведь зарекалась этого не делать. Не мечтать, не думать, не представлять. Тихо спустившись вниз, я включила электрический чайник и встала напротив той самой фотографии Игоря, что сегодня уже видела. Смотрела на снимок и на счастливое лицо человека, который потерял двух близких людей, и теперь отчетливо понимала, почему он помогал нам с Машей и не хотел отпускать – он видел в Маше свою дочь. Он привязался к моей сестре, и эта привязанность значила для него намного больше, чем мне представлялось.

Чайник вскипел и щелкнул, я вздрогнула от этого звука и отвела глаза от снимка. Обожала ночь, это время было какое-то особенное. Я могла остаться наедине с собой и своими мыслями. И с переездом в город ничего не изменилось. Будь моя воля, я бы вела ночной образ жизни, а днём спала. Увы, это невозможно. Взяв с полки чашку, я положила пакетик с заваркой и залила кипятком. Наверное, все же причина бессонницы – привычка поздно ложиться, а не калейдоскоп мыслей о мужчине. Я грела холодные ладони о кружку с чаем и чувствовала внутри умиротворение и покой. Тепло... Думала об Игоре, и оно волнами разливалось по телу. Я пока ещё не знала, что это за новое чувство, но с каждым днем

интерес и тяга становились больше. Не знаю, как оставаться и жить с ним под одной крышей. В силу своей неопытности и... в общем, я просто боялась наделать глупостей. И Света эта...

– Не спится? – услышала за спиной голос Игоря и сильно вздрогнула от неожиданности.

Горячая жидкость пролилась и попала на кожу рук. Я зашипела от боли и прижала ладонь ко рту.

– Аня! Обожглась? – Игорь оказался рядом в ту же секунду и схватил мое запястье, глядя на руку с неподдельным беспокойством. – Руки ведь только зажили, – медленно говорил он и внимательно рассматривал мои кисти, а я уже не думала о боли.

Игорь был так близко, я чувствовала его аромат впере­мешку с гелем и чисто вымытой кожей. Рубашка, рас­стегнутая наполовину, так что видна его мускулистая грудь. Я не в силах была отвести глаза. У меня даже слегка закружилась голова.

– Извини, что напугал, – Игорь отпустил мои запястья, а я почти не слышала его слов, так гулко билось сердце в груди, что в голове шумело от этого безудержного ритма.

– Аня? – глаза Игоря сделались темными, когда он заметил моё состояние и смущение.

Моя грудь часто-часто вздымалась. Я стояла на месте и смотрела на Игоря, мечтая о его прикосновении, почувствовать вкус его губ. Хотела, чтобы он снова смотрел на меня,

как там, в ванной, когда сорвало кран. Я закусила губу и опустила глаза. Смотреть на него уже становилось сродни пытке. Игорь пальцами коснулся моего подбородка и поднял лицо. Мне казалось, что я таю, растворяюсь в огне его глаз, и мне воздуха не хватает, не могу сделать вдох и сейчас лишусь чувств. И если бы умела целоваться, то прижалась бы к его губам, и гори оно все синим пламенем. Пусть думает, что хочет! Может быть, после этого быстрее ускорился процесс нашей выселки с Машей из его дома? С вызовом я смотрела в карие глаза и несколько секунд, что мы прожигали друг друга взглядами, превратились в вечность. Руки Игоря опустились мне на талию, а меня словно пронзило электрическими импульсами, а сети, в которых я путалась, стянули сильнее, выбивая остатки воздуха из груди. Я ощутила дыхание Игоря совсем близко и потянулась к нему, касаясь теплых пухлых губ. Красочные фейерверки взорвались в голове, когда я ощутила его силу и настойчивость. Он сжал мою талию руками и углубил поцелуй, а мне казалось, я лишусь чувств, что мне все это снится или мерещится. Я ощущала себя тряпичной куклой и не могла даже толком осознать, что сейчас произошло.

Поцелуй прекратился так же резко. Игорь просто отстранился и отвернулся, запрокидывая голову назад. Не знаю, что поразило меня глубже – это сиюминутное откровение, яркая вспышка или его реакция. Но как же мне хотелось почувствовать вкус его губ ещё раз. Я сделала шаг назад и упер-

лась ягодицами в столешницу. Слова были лишними. Наверняка Игорь тоже пребывал в недоумении и не понимал, как так могло произойти?

Я сильно дрожала и глядела в его спину, не в состоянии пошевелиться или произнести хоть слово.

Глава 25

Соломон

Мне становилось все сложнее держать себя в руках рядом с Аней. И этот поцелуй, вкус которого я ещё ощущал на своих губах, затуманивал мозг. Такая красивая, чистая, неискушенная, искренняя... и огонь этот в глазах. Я видел, чувствовал, как она откликнулась на мои прикосновения и смотрела на меня весь вечер. И черт бы меня побрал, зачем я поцеловал ее? Это все было неправильно! Ведь я обещал ей, что между нами ничего не будет. А самого трясло внутри так, что хоть ведро холодной воды выливай, чтобы прийти в себя.

Резко втянул в себя воздух и поглядел на Аню, а мысли и картинки одна ярче и красочнее другой, как я наплевав на все условности, припадаю к ее губам и обнимаю за тонкую талию... Она в моих руках ещё меньше казалась и оттого желаннее.

Аня обхватила себя руками за плечи, будто замерзла, и не сводила с меня робеющего взгляда. Искренне смотрела наивными глазами, будто от меня зависело, будет она жить или умрёт в эту же секунду. Неужели боялась, что я отвергну ее чувства? Хотя это я прожил жизнь и видел ее со многих ракурсов, но Аня, похоже, ещё никогда не была с мужчиной? От осознания, что я, возможно, стал первым, с кем

она поцеловалась, сердце в груди приятно сжалось, и я едва сдержал стон отчаяния, что не мог с ней вот так... Никак не мог! Неправильно это. Я старше ее намного. Я обещал ей, что не прикоснусь к ней. И сам уже не рад, что разбрасывался такими словами. Да дело даже не в словах и обещаниях, а в том, что у меня внутри вместо души – черные ошметки. Что я ей мог предложить? Разбитое сердце? Воспоминания о Наташе и Асе? Нет больше того Игоря, осталось лишь его жалкое подобие.

– Извини, – я сделал шаг ей навстречу, хотел коснуться ее щеки, но Аня, словно беззащитный маленький зверек, встретив на своём пути хищника, сделала испуганно шаг назад, а потом и вовсе сорвалась с места и побежала наверх.

И я частично понимал ее чувства и смятение. Сам не ожидал от себя такого порыва, сильного желания прикоснуться к ее губам. И не смог устоять.

Стоял посреди кухни, смотрел на стакан с чаем, который она налила для себя и думал о том, что не пойду сейчас за ней. Нам обоим следовало успокоиться для начала. Утром я поговорю с ней, объясню, что... Что объяснить я собирался? Что у меня в паху становилось тесно при ее виде? Что меня корбило самого от всего этого, мнимых условностей и страха сломать ей жизнь и все ее чувства? Я желал ее, черт возьми, и прекрасно все понимал, что такого рода отношения и зависимость – запретный плод, который я никогда не посмею надкусить. Не ради этого я давал девочкам шанс на-

чать новую жизнь. Аня просто сама не понимает, что ее интерес и тяга – это всего лишь ответная реакция ее существа на мою помощь и участие в их жизнях. Не имел я права ломать им эту самую жизнь! Сохранить здравый рассудок и дистанцию теперь первоочередная задача. И зря я поставил паузу в отношениях со Светой и отмахивался от наших встреч. Их необходимо было возобновить. И будь я сейчас в городе, то оделся и уехал из дома спустить пыл и выбить всю дурь из головы. Нет у нас будущего с Аней и быть не могло. Надо же, запал на малолетку и фанател от этой мысли! Чем больше думал, тем сильнее сносило крышу. И ведь ещё там, в посёлке, перед отъездом, когда Аня выпалила мне, что спать со мной не будет, в голове что-то щелкнуло, и я увидел отнюдь не маленькую девочку. Но только когда все так резко переменялось, что теперь эта девочка вызывала еще и желание, которое я едва уже мог контролировать и держать в узде?

Набросив на себя куртку и взяв ключи от машины, я вышел из дома и решил немного прокатиться, чтобы проветрить мозги, иначе сойду с ума в четырех стенах. Я все равно не засну и буду думать об этом поцелуе и побеге девчонки. Судьба словно испытывала меня на прочность, устраивая ловушки и загоняя меня в них, как желторотого птенца. Уж не знаю, правильно ли я делал, что собирался ехать с девочками и родителями на море. Может быть, стоило позвать с собой Свету? Как раз она оправится от болезни. Потому что я примерно представлял, чем в итоге могло закончиться это сов-

местное проживание с Аней, если такие случайные встречи, как та, что произошла сейчас на кухне, повторяются.

А у Светы, наверное, сразу же после предложения о поездке на море с родителями в голове заиграет марш Мендельсона, и в глазах зарябит от лепестков белых роз, что нам будут бросать под ноги. В ее мечтах, но никогда ни в моих. Да, эгоистично с моей стороны хотеть для Ани лучшей жизни, не спросив, чего хочет она. Только я и так знал ответ, а также и то, что был непригоден для отношений и недостоин ее, после всего того, что случилось с Наташей и Асей. И держать при себе девочек я долго не собирался, прекрасно понимал, что как только они освоятся, я отпущу их и буду лишь относительно рядом. Не нарушая границ их личной жизни. Стану кем-то наподобие воскресного папы для Маши, и все будут счастливы.

Возможно, я сильно заблуждался на этот счет. Маша привязалась ко мне, и сердце подсказывало, что девочка не захочет никуда от меня уходить. И могла в итоге стать моим союзником, чтобы и Аню удерживать рядом, но вот только я не хотел бы для нее такого будущего. Что я мог предложить этой девушке, кроме своего изрешеченного болью сердца? Там столько пробоин и шрамов, что ни один хирург не взялся бы его исцелить.

Не знаю, где катался до рассвета, побывал у реки, заехал на заправку попить кофе и поехал домой, когда прикинул в уме, что скоро уже встанут родители, и нам ещё днем воз-

вращаться домой, а я даже не ложился.

Зашёл в дом, поднялся на второй этаж и остановился возле комнаты, в которой спали девочки. И не знаю, что на меня опять нашло. Ведь разложил все по полочкам, убедил себя, что к Ане больше не то, что руками нельзя прикасаться – взглядом опасно, а сам, приоткрыв дверь, смотрел, как девочки, прижавшись друг к другу, мирно спали. Не знаю, сколько смотрел на них, но сердце начинало биться в груди и в висках пульсировало от осознания, что жив я, и сердце это треклятое стучит рядом с ними, и никуда я их отпускать не хочу. Будто бы болен был все это время, а сейчас вот нашёл чудодейственную вакцину и мог излечиться и выздороветь.

Аня пошевелилась, ее красивые волосы разметались по подушке, и естественный румянец на ее щеках снова бросил меня в пучину запретных желаний. Я мечтал прикоснуться к ней ещё раз. Вспомнил, как дрожало ее тело, а губы мягкие и сладкие на вкус...

Прикрыв дверь, я ретировался в свою комнату. Если бы знал, что спасаю из того пожара свою погибель, остался бы в том доме сам, честное слово, чем вот так заживо гореть с ней каждый день и не иметь возможности показать своих истинных чувств.

Глава 26

Аня

Предыдущие дни и все события до этого самого поцелуя оказались лишь лёгким ветерком в открытом море. А теперь я ощущала внутри шторм! Кровь гоняла по венам с оглушительной скоростью, а меня бросало в жар от одного упоминания о мужских губах, прикосновении рук и умопомрачительного запаха вперемешку с ароматом одеколona Игоря. Стоило только закрыть глаза, и меня захлестывало волнами чувств. Накрывало с головой, и я не могла выбраться на поверхность.

Уже когда поднялась на второй этаж и скрылась за дверью в комнату, поняла, что сглупила, и не нужно было никуда убегать. Но увидела растерянность на лице Игоря и его извинения... Они мне были не нужны! Я хотела этого поцелуя, хотела его прикосновений и мне ровным счётом плевать на все. И на Свету я тоже хотела плевать. В груди жгло от этих новых чувств и ощущений, и я хотела быть с Игорем! Подошла к окну, услышав, как завелась машина, и, отдернув шторы, смотрела, как он садился в автомобиль. Игорь лишь накинул сверху пуховик. Какое-то время сидел за рулём и не трогался с места. Затем ворота медленно поползли вверх, и он выехал со двора и резко рванул по дороге от дома. Не

вернулся в свою комнату, а поехал куда-то посреди ночи...

На сердце сделалось ещё тяжелее.

Вспыхнувшие чувства были похожи на стремительный сход снежной лавины с высоких гор. И я прекрасно отдавала себе отчёт, что у меня нет ни единого шанса спастись, да что там, я и не хотела никакого спасения, мне нравилось чувствовать эту приятную тяжесть в груди, ощущать, как сердце начинало чаще биться в присутствии Игоря, а после этого поцелуя... мне словно дали напиток живительной воды. Правда, жажду я не утолила.

Легла на кровать к Маше, обняла сестру. В голове кружили глупые мысли встать и отправиться в комнату Игоря, дождаться его, но зачем? Что бы я ему сказала? Это я вкладывала глубокий смысл в свои чувства, а Игорь просто поддался сиюминутному порыву, за что потом и извинился. Такая взрослая относительно многих жизненных вопросов и такая наивная рядом с мужчиной, который мне нравился. Безумно нравился. Дыхание перехватывало, когда я думала о нем и вспоминала его прикосновения и тот взгляд в ванной... А ещё эти слова мамы Игоря о страшных потерях, что случились в его жизни. Ни единого шанса не было остаться равнодушной. Наверное, самым правильным в этой ситуации оставалось сделать вид, что ничего не произошло. А потом скрывать под маской безразличия его вечерние отъезды и встречи со Светой... Пусть женщина ничего мне плохого не успела сделать, и она тоже была достойна счастья, наверное, любила

Игоря, только... Это мерзкое и противное чувство, черное и вязкое как болото поглощало меня и застилало глаза туманом. Я не хотела видеть Игоря с ней, и подсознательно уже не питала к Свете теплых чувств.

Маша проснулась очень рано, я привела ее в порядок, и мы спустились вниз. Игорь ещё спал, Елена Александровна накормила нас вкусным завтраком. Отец Игоря возился во дворе, мы видели его в окно, и он, заприметив нас, помахал рукой. В доме родителей Игоря было уютно и тепло. И отношения между родителями были такими же. Я одела Машу, и мы вышли на улицу прогуляться по участку.

– Доброе утро! – поздоровалась я с Александром Сергеевичем, он вышел к нам навстречу и присел на корточки возле Маши.

Протянул ей букетик из сентябрин. Их вокруг росло очень много. Двор Соломоновых пестрел яркими цветами, что было необычно для серого ноября.

– Спасибо, красивые! Аня, а помнишь, у нас такие же росли? Ты любила их, и часто срывала и ставила в банку на стол в кухне? Я грустно смотрела на цветы. Любила. Но так давно все это было, будто в прошлой жизни. Все пыталась создать уют в доме, которого больше не было.

– Да, Маша, и сейчас люблю.

Сестра вручила мне красивый, аккуратный букетик. Александр Сергеевич перевёл на меня изучающий взгляд.

– Аня, вам здесь нравится? – спросил мужчина, но я ви-

дела, нет, даже чувствовала, что он хотел спросить совсем не об этом.

– Мне очень нравится все, что меня окружает. Понимаю Вашу настороженность. Но между мной и Игорем ничего нет. Елена Александровна сказала... в общем, я вчера увидела снимки Игоря и... его семьи. У нас тоже с Машей приключилась страшное горе. Наши родители... они... пили, и им было не до нас. Наш дом сгорел вместе с ними. Игорь как раз в это время отдыхал в тех местах, где мы раньше жили, и спас меня из огня. Пока я была в больнице, он присматривал за Машей, очень помог мне со всеми документами и оформлением опеки над сестрой. И если бы не он...

– Аня, я ничего такого не... – Александр Сергеевич переменялся в лице и, кажется, побледнел.

– Бедные девочки! – услышала я позади голос Елены Александровны.

Женщина тоже оделась и вышла к нам на улицу.

– Игорь ничего нам не рассказывал, но я чувствовала, что случилось какое-то горе!

– Извините, – не знаю, зачем оправдывалась и говорила все это. Но мне хотелось, чтобы они знали правду.

Игорь, возможно, не стал рассказывать родителям всю нашу историю, чтобы лишний раз не волновать, но я не хотела, чтобы они считали, что я преследую какие-либо корыстные цели. Наблюдала вчера весь вечер, как Александр Сергеевич и Елена Александровна украдкой переглядывались, и на нас

с Машей смотрели, словно на диковинных зверьков.

– Игорь просто обещал нам помочь, и как только Маша окрепнет и пойдёт в садик, а я выйду на работу, мы будем жить отдельно. – Анечка... – перебила меня Елена Александровна, – я понимаю, что вы ничего хорошего и не могли видеть, но с чего такие мысли? Разве мы могли бы подумать о вас с Машей плохо? Я и Саша, мы только рады, что Игорь вызвался вам помочь! Он не был у нас, знаешь, сколько? – женщина задумалась и спустя секунду продолжила: – Последний раз вот так выходные мы проводили, когда были живы... – она снова запнулась и все время глядела на меня взволнованным взглядом. – Мы очень будем рады, если вы втроем будете бывать здесь чаще.

Я думала, что мама Игоря встретит и примет нас с Машей очень плохо. Будет считать меня хитрой оборванкой, которая решила захомутать ее сына в свои сети и женить на себе ради выгоды и... Но, нет! Ничего этого я не хотела. Но сердцу ведь не прикажешь, и я помимо воли, чувствовала симпатию и влечение к Игорю. Сильное притяжение к тому, который никогда не будет со мной рядом. Не знаю, почему я так думала, просто знала.

– Да, конечно, все очень сложно, но ты знаешь, Аня, куда страшнее потерять своего ребёнка. Я очень растерялась, когда он мне позвонил и сказал, что приедет в гости не один, а с двумя девочками. И я тоже буду предельно честна...

– Лена! – одернул жену Александр Сергеевич.

– Не уезжайте пока от Игоря, – попросила она меня, проигнорировав упрек мужа. – Он ведь хороший человек, а так он, может быть, станет чаще у нас появляться и потихоньку вернется к прежней жизни. Я понимаю, он видит в Маше Асю, но, пожалуйста, прошу, дай ему шанс почувствовать себя нужным девочке! Они тянутся друг к другу и... Не отказывайся от поездки на море!

– Хорошо, – я, правда, не понимала до конца, на что соглашаюсь.

Но и идти мне ещё было некуда. И не уверена, что мне хватит решимости сделать это без согласия Игоря и хотя бы серьёзного разговора с ним. Он ведь очень много для нас сделал, считай, дал шанс на новую нормальную жизнь, привёл в свою семью. И куда мне было идти? Да, разум и чувства буквально кричали мне, что необходимо настоять на отдельном проживании и ограничении встреч, но мне не хватает духу на этот разговор. И не хотела я больше от него уезжать. Я рядом быть хотела и видеть его по вечерам. Чтобы он был в нашей жизни. Пусть даже, если все останется так, как есть.

– Пойдём, я покажу тебе одну вещь? – Александр Сергеевич взял Машу за руку и повёл вглубь двора. Я хотела возразить, но Елена Александровна похлопала меня по плечу и ободряюще кивнула, мол, пусть идут.

С Еленой Александровной мы прошли в беседку и сели на лавочку. Мне стало неловко после всех откровений и одновременно легко на душе. Но я хотела, чтобы мать Игоря

знала всю правду. Мне это было очень важно.

– Мы переехали с Сашей сюда примерно лет восемь назад, я сделала из двора конфетку, и теперь мы тут как старые одинокие пни, – грустно ухмыльнулась женщина. – Подрабатывать пошла в местную школу искусств, занимаюсь с детьми. А хочешь, можем и с Машей попробовать? – спросила она. – Вот поедем на море, я возьму все необходимое, и поглядим, вдруг у неё талант?

– Хочу, – улыбнулась я и взглянула в лицо Елены Александровны. Ее глаза были грустными, а улыбка светлой и доброй.

– Даже не верится, что Игорь снова дома... Правда вчера ночью он куда-то уезжал, мне отец утром сказал, что видел, как он на рассвете вернулся.

Я зачем-то подняла глаза наверх, предположительно туда, где находилась комната, в которой спал Игорь. И едва не подскочила на месте от неожиданности. В окне виделась его фигура. Соломон стоял и смотрел на меня. И даже с такого расстояния казался мрачным. Пульс подскочил, и я нервно прокашлялась, отводя взгляд в сторону. Как долго я смогу делать вид, что между нами ничего не происходит? А особенно, когда он вот так смотрел на меня, будто проникал под кожу взглядом, и заставлял реагировать все мои нервные окончания, отзываться и трепетать каждую клеточку моего существа.

Глава 27

Аня

Спустя полчаса мы вернулись в дом. Игорь сидел на диване в гостиной в гордом одиночестве и застывшим взглядом смотрел в телевизор. Или делал вид, что смотрел. Больше никому не улыбался и выглядел очень помятым. Моё сердце сжалось, когда я взглянула на него и заметила полное равнодушие на лице. В который раз я подумала, что мне ещё несколько дней назад стоило брать ноги в руки и Машу в придачу и бежать от него. А теперь глядела на него и понимала, что поздно. От него-то я уйду, а от своих мыслей и чувств получится?

– Анечка, чаю? – предложила Елена Александровна.

Маша, в отличие от меня, не замечая настроения Соломона, пронеслась через всю гостиную и забралась к Игорю на колени, обняла его за шею и что-то тихо проговорила на ушко. В глубине души я завидовала сестре, что она вот так беззаботно могла подойти к Игорю и обнять его. И, несмотря на его хмурый вид, мне хотелось сделать то же самое, крепко обнять и прижаться к его телу. Отличие между мной и Машей было лишь в том, что я не могла этого сделать. Но очень хотела...

– Да, – я отвернулась от Маши и Игоря, сняла пальто и

прошла на кухню. Села за стол и украдкой продолжила наблюдать за мужчиной.

– Игорь, а ты будешь? Ты завтракал? – спросила Елена Александровна.

– Нет, – сухо отозвался он. – Девочки пусть пьют чай, и нам пора ехать домой. Мне нужно на работу, – он взглянул на меня, от него веяло холодом, будто за ночь он превратился в камень.

Если бы я только могла и умела держаться так же холодно и отчужденно. Вчерашний шаг навстречу друг другу в итоге оказался обманчивой иллюзией. А поцелуй мощным пинком отбросил нас по разным сторонам. Да и кто я такая, обычная девочка, влюбившаяся в мужчину намного старше себя. У меня, кроме силы духа и стержня внутри, ничего-то больше и не было. Даже самооценка и та куда-то задевалась. И не нужен ему никто. Ни Света, ни я. Вероятно, он тосковал по умершей жене, и в его сердце никому не было места.

Елена Александровна лишь пожала плечами и взглянула на меня извиняющимся взглядом. Узнай она о вчерашней сцене на кухне, переменила бы свое отношение ко мне?

Мы с Машей выпили чаю, хотя у меня пропал аппетит, и кусок пирога, что приготовила хозяйка дома, в горло не лез. Я представляла, как мы всю дорогу до дома будем ехать и молчать, и мороз по коже пробегал. Да, я прекрасно понимала, что сердце Игоря похоронено вместе с женой, и ее призрак, вероятно, стоял у него перед глазами. Ведь что со

мной, что со Светой он держал дистанцию и ни одну из нас не пускал к себе в душу.

– Я положила в контейнер пироги, Игорь их очень любит, – Елена Александровна протянула мне пакет, а я вежливо улыбнулась.

– Спасибо и... за все спасибо, – горячо поблагодарила я родителей Игоря за теплый прием.

Игорь не сводил с меня глаз, прожигал ими, будто я была какая-то прокаженная.

– Пока, мам, – чмокнул мать в щеку, попрощался с отцом, выхватил из моих рук сумку с вещами, резко развернулся и скрылся за дверью.

– Что это с ним? – удивилась Елена Александровна, на что я пожала плечами и смущённо улыбнулась.

Хотела бы я тоже знать ответ на этот вопрос... и что он там нам надумал, пока катался ночью.

– Если Игорь не передумает, то мы с вами снова скоро увидимся, но уже на море! – женщина обняла Машу, а я снова подумала про себя, что детям легче адаптироваться ко всему новому. И в случае с родителями Игоря я могла не переживать, что Машу как-то обидят.

– До свидания, – попрощались мы и вышли на улицу.

Сели в машину, и я уже оказавшись в салоне, поняла, что от напряжения, исходившего от мужчины, мне физически некомфортно. Машина тронулась с места, Маша прильнула к окну, а я... пристально наблюдала за бесстрастным лицом

Игоря через зеркало заднего вида. Нет, я не собиралась делать вид, что вчерашнего поцелуя не было. Был! И сейчас я четко осознавала, что могла стать существенной помехой в жизни Игоря. Ведь он в отношениях со Светой, чем не повод привнести яркие краски в их личную жизнь? Может быть, тогда он сам захочет меня от себя отселить? Да, накануне я дала обещание его маме повременить с расселением, но Игорь сам виноват! Он брал на поруки молодую девушку, которой рано или поздно захочется отношений и любви. Вполне нормальное явление, если я захочу иметь круг знакомых, какие-то увлечения, помимо Маши, Игоря и занятий по дому. И если на то пошло, то все должно быть равнозначно. Ему – Света, мне – какой-нибудь молодой человек.

Какое-то время мы ехали в полном молчании, Маша заснула, когда мы въехали в город. А у меня возникло чувство deja vu. Около месяца назад мы вот так же въезжали в город, навсегда уехав из посёлка. Чем-то эти чувства были похожи на те, что я испытывала сейчас. В тот день я окончательно распрощалась со всеми иллюзиями, вот и теперь явственно осознавала, что от бывшей Ани остались лишь малые крохи. Я не хотела закрываться в своей раковине, я хотела жить и, в первую очередь, доказать самой себе, что смогу чего-то достичь, и чтобы Игорь тоже видел мои успехи. И пусть у меня не было власти денег, которая облегчает жизнь, но и деньги в этой жизни не главное.

– Маша спит? – внезапно спросил Игорь, и наши взгляды

встретились в зеркале заднего вида.

– Да, – отозвалась я, глянув в сторону сестры.

Она наигралась с Александром Сергеевичем, тот выкатил ей велосипед и пытался научить девочку на нем кататься. У Маши к концу даже немного стало получаться.

– Вчерашний поцелуй... Извини, я обещал тебе, что...

– Хватит извинений. И обещаний тоже хватит, – спокойно перебила я Игоря. – Но одно все же я с тебя возьму. Мы поедем на море. Только после поездки разъезжаемся. Маша пойдёт в садик, я найду какую-нибудь работу. Вместе жить мы больше не будем. – Я шла ва-банк, нажимала на слабое место Игоря, простыми словами опускалась до шантажа. Но безумно хотела вызвать в нем хоть какие-то чувства и эмоции.

– Что? – Игорь удивленно свёл брови, поглядывая на меня в зеркало, а я гордо подняв подбородок, перевела взгляд на его спину.

Ну, нет, отступать больше некуда. А слово не воробей, вылетело, и ловить больше нет смысла.

– Мы продолжим общение, и все будет, как прежде, в ваших отношениях с Машей, но жить вместе мы не будем, – твёрже повторила я.

Хватит! Пора уже становиться прежней самостоятельной Аней, а не жалким подобием несчастной неудачницы. И, несмотря на обещание, данное Елене Александровне, что никуда пока не уйду, я хотела разграничить наше с Игорем

общение и, если уж на то пошло, и проживание тоже.

– То есть, ты приняла решение, и убеждать в обратном больше не имеет смысла?

– Чем дальше, тем сложнее. Не уверена, что смогу и дальше оставаться равнодушной, – я аккуратно подбирала слова, но хотела быть предельно честной с Игорем.

Я не собралась выпытывать из него какие-то признания, но мои чувства к Соломону уже жили отдельной жизнью от разума, и я не влияла на них так сильно, как раньше. Скорее, наоборот, чувства застили разум. Если бы он позвал за собой, сказал одно короткое слово «Да», я бы без раздумий бросилась в водоворот безумных эмоций.

Игорь сжал руль, и костяшки его пальцев побелели. Он бросил на меня короткий, но весьма тяжёлый взгляд через зеркало. Только я их не боялась больше, и уже с ночи собралась с духом и подготовилась к любому исходу этого разговора. Сердце билось как сумасшедшее, пульс подскочил. Полночи я не спала и обо всем думала. И решила, что больше не хочу оставаться в стороне и делать вид, что ничего не происходит. Происходит! И я не маленький ребёнок, а вполне рассудительный, взрослый человек, правда, иногда импульсивный. Но не ребёнок! А вчерашний поцелуй, он... лишь добавил переживаний и волнений, но все они были приятными, тягучими, словно сладкая карамель. Я мечтала о новой ласке, смотрела на мужчину и взглядом касалась его губ, скользила глазами по двухдневной щетине и мечтала снова

вдохнуть опьяняющий аромат его кожи.

Сглотнув нервный ком, я выдержала его пытливый взгляд. Да, чувства однозначно были, но я не собиралась становиться их заложницей. И приоткрыв завесу тайн в жизни Игоря, поняла, что он еще не готов впустить в свое сердце и душу никакого другого человека, кроме своей жены. Отчаянно сопротивлялся. А я стучать в закрытые двери не стану и непрошеным гостем тоже никогда не ворвусь на его личную территорию, как уже однажды сделала Света. Да, я гордая, но лучше жить с достоинством в иллюзиях, чем... Чем бегать за человеком и пытаться добиться его внимания.

– Мама тебе рассказала, да? – вдруг спросил Игорь, а я ухватилась за его слова, понимая, что он имеет в виду сейчас жену и дочку.

– Рассказала, что ты потерял семью несколько лет назад. Теперь я понимаю, почему Маша так много для тебя значит.

На лице Игоря отразилась боль, и он плотно сжал челюсти, казалось, ещё немного, и они хрустнут. Закусил щеку и напряжённо следил за дорогой. Мне и самой больно было от этих мыслей, что он пережил.

– Ты тоже, – сказал он спустя какое-то время, а мое сердце пропустило удар, и я уже не знала, что думать и что под этими словами подразумевал Игорь. Что тоже была ему небезразлична? Но да, вполне логично. Но только все равно неоднозначно.

– Мне нужно время, но я не готов вас отпустить. Макси-

мум, что могу сделать – не поехать вместе с вами на море, чтобы дать и себе, и тебе возможность хорошо обо всем подумать. Одной с маленьким ребёнком будет очень тяжело...

– Даже так? – отправить нас с Машей на море вместе со своими родителями одних?

Хотя доля здравого смысла в этом предложении все же присутствовала.

– У меня очень напряжённый график, а так все останутся лишь в выигрыше. Как вернётесь из поездки, я договорился со Стасом, он возьмёт тебя на первое время в регистратуру в свою клинику, где вы проходили с Машей обследование. Маша в садик пойдёт. Мы лишь будем пересекаться по вечерам...

– Игорь, – поджав губы, я смотрела в его затылок и снова мечтала к нему прикоснуться.

Неужели он думал, что я просто так настаивала на раздельном проживании?

– Как ты планируешь делить нас со Светой? Или ты ее тоже пригласишь к нам жить? Уверен, что она примет меня, когда узнает, что мне нравится ее мужчина?

Желваки снова заходили по лицу Игоря. Но он первым начал этот разговор. Сама бы я никогда его не затронула.

– Только я не Света и лезть к тебе в душу не стану. Но жить и продолжать делать вид, что так, как происходит – норма, тоже не буду. Наверное, ты прав, мы с Машей с радостью составим твоим родителям компанию, а ты пока зай-

мешься работой. Но знай, я хочу жить отдельно. И тебе придётся пойти нам навстречу, потому что так... правильно.

– Правильно? Ты ждёшь от меня правильных поступков? – усмехнулся Игорь. – А что, если наши понятия о правильности разнятся? Аня, я не то, что тебе нужно.

Повернулся и наградил затравленным взглядом, будто я пришла к нему из преисподней и звала его за собой.

– Вы ведь все уже решили, правда, Игорь? – свысока спросила я.

Он намекал мне на разницу в возрасте, а я предупреждала, что начну выкать, если будет сравнивать меня с ребенком.

– Аня... – Игорь покачал головой. – Нет, дело не в возрасте, хотя и в нем тоже. Ты совсем еще молодая девчонка. Если ты считаешь, что я вижу в тебе ребёнка, то сильно ошибаешься. В тот раз я говорил эти слова, чтобы утихомирить Свету и воззвать к ее совести. Ты мне нравишься, но я не уверен, что сделаю тебя счастливым человеком. Я вообще не уверен, что смогу сделать кого-то счастливым. У меня внутри выжженные руины, и я не хочу причинять тебе боль, ты и так настрадалась. А со мной...

– А с тобой мне будет больно жить рядом и видеть твоё равнодушие! Откровение за откровение, не так ли?

Игорь правильно заметил, я много неприятного в жизни пережила, но была готова пережить ещё больше, если он будет рядом. Я хотела излечить Игоря от былой боли и стать важной частью его жизни. И пусть я лучше попытаюсь и не

получу отклика, разобью свои надежды, чем буду сидеть в стороне и ждать не пойми чего. А чем больше Игорь будет об этом думать, тем сильнее будет сопротивляться нашему обоюдному влечению. Но в том, что оно между нами существовало после вчерашнего поцелуя, сомнений больше не оставалось.

– Я не равнодушен к тебе, и ты наверняка это чувствуешь...

– Нет!

Чувствую, что он сопротивляется своим чувствам и держит меня на расстоянии, прикрываясь уважением и напускным равнодушием. И если бы не то падение в ванной и вчерашний поцелуй, я бы даже в уме не допустила, что могла вызывать у Игоря хоть какие-то чувства.

Мы подъехали к дому, поднялись на десятый этаж. Игорь открыл дверь в квартиру, остановился в прихожей. Смотрел на нас с Машей задумчивым взглядом и грустно улыбался.

– Ты не будешь заходить домой? – аккуратно поинтересовалась я.

– Нет, – он покачал головой. – Мне нужно отъехать по делам.

– Хорошо, – я натянула ответную улыбку, а сама подумала о Свете, что он поедет к ней выплескивать на нее или в нее все свои переживания и эмоции, на которые я его спровоцировала.

Поджав губы, я повернулась к Маше, помогая сестре раз-

деться. А Игорь молча вышел из квартиры и закрыл за собой дверь.

Глава 28

Соломон

Я пошёл вниз по лестнице, не стал дожидаться лифта, иначе мог передумать и остаться дома. А потом, когда Маша уснёт, позвать Аню на кухню, схватиться за горячую кружку и попросить ее подуть мне на руки. Нет, это не сарказм, а цунами, долбаный шторм и куча осадков в виде дрожи на кончиках пальцев, когда вспоминал о том, как держал ее за талию, а мысли вихрем крутились в голове, что так неправильно, что нельзя. И не мог уже остановиться. Ни мыслями, ничем. И лучше уйти из дома от греха подальше. Пусть лучше думает, что к Свете пошёл, да хоть к дьяволу. Но она ещё встретит хорошего парня и будет счастлива. Я же разобью ей сердце. Хотя, наверное, я бы скорее разбил его себе, нежели тронул ее трепетные чувства и причинил боль. От одной мысли, что вот она – девушка, которая могла бы стать моим исцелением от былых ран – находилась на расстоянии вытянутой руки, а я не мог к ней даже прикоснуться, становилось тяжело в груди.

Я ушёл из дома, чтобы немного побыть одному. Через час или два вернусь. Как остыну и подумаю над ее словами. С виду взрослый, решительный мужик, а внутри сомнений столько, что и не уверен, кто из нас с Аней больший ребёнок. Но

не думал я, что все так впоследствии обернется, когда забирал девочек из поселка.

Спустился вниз и сел в машину, сложил руки на руль. Ещё не успел даже толком обдумать спонтанное желание, как потянулся к телефону. Провел пальцами по дисплею и нажал кнопку громкой связи, задумчиво глядя перед собой.

– Соломон? – раздался голос Стаса в салоне автомобиля. – Ты меня не перестаешь удивлять. Гляди, а то так привыкну к твоим звонкам и сам начну, как барышня кисейная, тебя потом донимать.

– Поехали где-нибудь посидим? – начал я с ходу, пока не передумал, пропустив мимо ушей его сарказм. Но мне так хотелось с кем-то поговорить. А несколько лет тому назад ближе Стаса у меня никого не было.

– Даже так? А не откажусь, – протянул он, ухмыльнувшись. – Приезжай ко мне, Марина уехала с детьми на дачу к матери. Адрес помнишь? – продолжил он издевки.

Я прекрасно все помнил. В памяти были высечены годы нашей дружбы.

– Через полчаса буду.

– Я буду то же, что и во времена бурной молодости. И если будешь пить, то вызывай такси, – об этом я как-то даже не подумал.

С минуту еще смотрел после нашего короткого разговора отсутствующим видом перед собой, а потом заглушил двигатель и вышел из автомобиля. Пить я не собирался, разве что

так, за компанию. Но машину оставил у дома, вызвал такси, а по пути заехал в супермаркет и взял коньяк, который пил Стас.

Конечно, я все помнил и ничего не забыл. И часто вспоминал о днях, проведенных вместе. Наверное, когда уже стоял на кассе и пробивал товары, понял, как глупо поступил, вычеркнув близкого человека из жизни на такой длительный отрезок времени. Осознал, что закрылся, как в раковине, утопая в своей боли, а, возможно, другие ее испытывали наравне со мной и ничуть ни меньше. Но что теперь об этом думать. Нет никаких гарантий, что я через десять минут после своего опрометчивого решения вспомнить о былом, не покину квартиру Стаса, сокрушаясь, что придумал это все.

Стас открыл дверь не сразу, а открыв, скрестил руки на груди, окинув меня пристальным взглядом.

– Так и будем стоять? – я поднял два пакета, что держал в руках, и потряс ими в воздухе.

Бутылки с алкоголем и закуски забренчали, и Стас, улыбувшись, отошёл в сторону, пропуская меня в квартиру. Мы жили не так уж далеко друг от друга. Рядом находилась станция метро, и я вполне мог добраться потом домой подземным транспортом. Не вспомню, когда даже им пользовался. Нужно будет и девочек на всякий пожарный научить. Эти ветки метро и все остановки – та ещё головоломка.

– погоди, – Стас потянулся в карман брюк, достал телефон; пара кликов и вот он уже с включенным видео звонком

говорил с Мариной:

– Марин, а ты мне не верила. Запиши трансляцию мне на память.

– Игорь, привет – отозвалась красивая брюнетка и помахал мне рукой. – Хорошо, но только позвони мне ближе к девяти. У меня тут мама соседку позвала, а я хочу увильнуть с их собрания. Если бы знала, что ты приедешь в гости, никуда не уехала, – обратилась ко мне Марина с последней репликой.

– Да все нормально, я буквально на десять минут.

– Ну, хорошо. Заезжай к нам. Не пропадай.

Стас выключил телефон, а я перевёл на него сердитый взгляд. Ну ничего не менялось. Шут и балагур. Каким и был с самой студенческой скамьи.

– Буду тебя теперь шантажировать. Ты не купил алко-скрин тест? Я бы проверил на всякий пожарный, что ты трезв, и память тебя потом не подведёт.

– Тебя сейчас подведёт какое-нибудь ребро с правой стороны, – я вспомнил, как после армии мы с ним шутя спарринговались, а потом поехали в травму.

У Стаса оказалось сломано ребро с правой стороны, а у меня разбит нос. Вроде трезвые и здоровье парни, а чудили иной раз – мало не покажется.

– Идём, – мы прошли на кухню, и я сгрузил пакеты на пол.

Стас по-быстрому организовал стол и достал бокалы для коньяка. Я пить не любил, хотя какое-то время после смерти

Наташи и Аси только этим и спасался. В запой уйти легко, а выйти не так уж и просто. В таком состоянии ещё хуже. Когда добрался до самого дна и осознал, что опуститься еще ниже не хочу, вернулся к работе. От неё куда больше вышел прок.

– Да нет, я рад на самом деле, – Стас грустно ухмыльнулся. – Ты за последние две недели позвонил мне уже четыре раза и вот теперь приехал. Правильно. Ты ведь знаешь, что старая дружба она не ржавеет? – то был риторический вопрос, но я все равно кивнул.

Присел на барный стул возле окна. Стас разлил янтарную жидкость по бокалам, и мы осушили их до дна с красочным тостом «За встречу».

– Ну что, как там твои девчонки? Маша, конечно, огонь, все медсестры от нее трепетали! А Аня до сих пор не сходит с языка, даже поспорили девчонки: настоящая ли она блондинка с такими красивыми волосами или наращённые и крашеные, и ей любовник все спонсировал.

– А сам ты как думаешь? – я скривил лицо, когда услышал про любовника.

– Про волосы? Да что тут думать, если ты сам говорил, что привёз их из глубинки из богом забытого места. Свои, конечно.

Я тяжело вздохнул и снова опрокинул в себя бокал с коньяком.

– У-у, – протянул Стас. – Так вот что за причина? Верно

я понял? Аня? Старшенькая?

Я положил дольку лимона в рот, слегка поморщился и кивнул. Стас озадаченно на меня посмотрел, словно прикидывал в уме, насколько я тронулся умом, и чем он может мне помочь. С медицинской точки зрения.

– Но я, в общем-то, пришёл просто так, не за помощью и советами. Поэтому лечить меня не надо.

– И что она? – вдруг спросил он, проигнорировав мой язвительный тон.

– Не знаю, я запутался. Сказала мне сегодня, что я ей не безразличен.

– А проблема в чем?

Я посмотрел на друга, ощущая, как в груди потяжелело. Алкоголь гонял кровь по сосудам, и мне слегка ударило в голову и потянуло на откровения.

– Нет проблем. Есть причина, по которой я не трону девочку. Потому что я уже отрезанный ломоть от жизни. У меня в груди пустота, что я ей дам? Она ещё будет счастлива. Но только не со мной, – хотя, чем дальше с каждой минутой от нее, я уже не так сильно был уверен в этом решении.

Стас виртуозно подливал напитки, хотел меня подпоить и разговорить, по взгляду видел, что отпускать не собирался и душу собирался вытряхнуть. Но я и так не торопился никуда. Только мысленно был в другом месте... И все еще не знал, как поступить во всей этой ситуации с Аней. Ее признание и разговор этот – как раскат грома среди ясного неба. Хотя

нечто такое и следовало ожидать, но я не был готов, что так скоро.

– Ты если не перестанешь так усердствовать, то домой я в таком состоянии не пойду. Останусь у тебя, чтобы девчонок не пугать грохотом и своим хмельным видом, – пригрозил я Стасу.

– Да глупости. Вон ты какой здоровый, и с трех рюмок вдруг и окосеешь? – ухмыльнулся и снова плеснул в бокал коньяка. – Ну, сколько ей? Пятнадцать лет разницы в возрасте – это даже весьма интересно, скажу я тебе.

– Дело не в возрасте.

– Тем более! Ну что ты делаешь со своей жизнью? Все! Наташи и Аси нет! Эта потеря – огромная боль, но их не вернуть, а ты, может быть, не зря встретил этих девочек.

– Ты мне ещё скажи, что это судьба, – я расслабленно откинулся на спинку стула.

– Тьфу, Марина бы тебе сейчас мозг по полочкам разобрала и вспомнила все серии экстрасенсов, убедив, что не что иное, как судьба!

– Что?

– А, не обращай внимания, – махнул Стас рукой. – На канале одном телепередача. Терпеть ее не могу, а Марина, раскрыв рот, смотрит и ловит каждое слово. Но ты, наверное, все сам усложняешь. Вот приди домой и скажи ей, что хочешь начать новую жизнь, но что из этого получится – не знаешь. Пусть девочка сама решает. Хотя... может быть, в

ее согласии сыграет роль, что ты обеспеченный человек и... Ты не замечал за ней ничего подобного, а то сейчас этих наивных меркантильных простушек пруд пруди, такие истории выдумают, что даже самый скупой министр расплатится и отдаст свою зарплату.

– Нет, – я качнул головой, – исключено.

Вспомнил, как доставал Аню из пожара, и как мы втроём родителей ее хоронили, и как она после визита Светы пыталась уговорить меня на отдельное проживание. Какие уж тут притворства?

Глава 29

Соломон

– То есть ты предлагаешь мне всю ответственность в случае, если ничего путного из этих отношений не получится, переложить на плечи девушки?

– Я предлагаю тебе не загадывать так далеко. И начать жить одним днем. Всё и всегда держать под контролем – так ведь и свихнуться можно. Не устал?

– Зато так надёжнее.

– Ну, тогда я не знаю. Не попробуешь – не узнаешь. А что с поездкой на море решил?

– Решил. Сегодня вернулись от родителей, захотел познакомиться их. Мать и отец купили уже путёвки и на днях поедут отдыхать. Я отправлю девочек с ними, – усталым голосом произнес я.

– А сам?

– Сам поеду, но немного позже. Решу одно дело на работе для начала и подумаю над твоими словами.

– Ну, и отлично! Ты зря мечешься и сомневаешься. У всех есть тараканы в голове, страхи и моменты неудач и переживаний. погоди... – Стас вскинул брови и непонимающе на меня посмотрел. – А что за Света? Ты в прошлый раз говорил о ней.

– Ничего серьёзного. Просто подруга и пройденный этап, – я зевнул и накрыл ладонью бокал, когда Стас поднес к нему горлышко бутылки, и жестом показал, что мне хватит.

– А Аня... Ну, ты ведь сам видел их. Как ты представляешь это все? Я приду к ней в гостиную, где они спят с сестрой, и попрошу пройти ко мне в спальню, чтобы поговорить по душам?

– Вообще не понимаю, как ты ещё держишься, – гоготнул Стас, и теперь настал мой черёд недоумевать.

– Нет, я не в том плане, что мне она интересна. Я про то, как ты там ещё не выбросился из десятого этажа.

– Пока ещё не выбросился. Но возьму на заметку твоё предложение.

Стас замер и поглядел в моё серьёзное лицо.

– Шутка, – хотя какие уж тут шутки, стоило представить, что домой скоро вернусь, а утром ее увижу, и тепло разливалось по телу. Или действовали алкоголь и бессонная ночь?

– Кстати, раз уж ты вспомнил про Свету, недавно она заявила на порог квартиры поздней ночью, я когда-то ключи ей оставил, а она пришла и ринулась на абордаж. Я думал, за нее со стыда сквозь этажи провалюсь.

Стас присвистнул и рассмеялся.

– Представил эту картину и твоё лицо. Ты, когда злишься, на гремлина похож, – улыбался он.

– Еще как злился! На себя в первую очередь.

– Ну, ты ключи забрал?

– Забрал. Но Аня после этой сцены заявила мне, что хочет жить отдельно.

– Даже так?

– Да, так. Но я никого и никуда не отпустил. И на море они пускай без меня едут, не то это не отдых у них получится, а черти что.

– Елена Александровна быстро твоих девчонок в оборот возьмёт. Ты бы матери маякнул, она бы Аню тебе вышколила к твоему приезду. Пусть снимки детские возьмёт, пеленки твои, игрушки. Женщины знаешь, как все это любят? Гляди, по приезду уже пироги научится твои любимые печь.

– Выдумщик, – я тяжело вздохнул.

Понимал его веселье, но мне вот было совсем не радостно на душе от таких перспектив.

Мы ещё какое-то время поговорили о разном, вспомнили молодость, выпили кофе. Стас оделся и проводил меня до метро. Не знаю, что это был за порыв, но не хотел я ехать на такси. И напиваться до чёртиков и ночевать у Стаса тоже не хотел. Достаточно для первого раза. Меня Аня и Маша дома ждали. Если, конечно, не спали. Пока я добрался до дома, уже была половина первого ночи.

В квартиру я пробирался очень тихо, словно замыслил преступление года и собирался, как минимум, вынести пол квартиры, пока хозяева мирно спали в своих кроватях. По крайней мере, мне казалось, что я не создаю шума. Девочки наверняка спали, и я не хотел их разбудить. Алкоголь еще

не выветрился, но я чувствовал себя практически трезвым. Хотел принять душ и завалиться спать. После таких изматывающих выходных вполне заслуженная награда.

– Игорь?

Я снимал ботинки, держась за стену, когда услышал голос Ани.

Поднял глаза и удивился:

– Ты почему не спишь? – мысленно чертыхнулся и захотел сбежать.

Снова обуться и скрыться из своего дома бегством. Понимаю, звучит глупо, но я совершенно не знал, как теперь на все реагировать. Вроде взрослый мужик, за плечами столько всего, а видел ее и терялся. Во мне словно уживались две сущности: одна мечтала сгрести Аню в охапку и тащить в свою берлогу, то есть спальню, а вторая бежать от нее, словно как от чумы. Уверен, что, даже несмотря на развитие медицины, никто мне уже не поможет, ни врачи из клиники Стаса, никакие другие. Не было вакцины от впрыснутого в меня безумия. И это самое сумасшествие стояло напротив и смотрело на меня синими бездонными омутами, заставляя дрянное сердце быстрее стучать.

Аня стояла посреди прихожей в моей футболке. Растрепанные волосы струились по плечам, а на лице застыло потрясение. Я подумал, что завтра же, точнее уже сегодня, выведу девочек в торговый центр, чтобы Аня купила нормальную одежду: пижамы там разные с брюками, халаты длин-

ные, чтобы и участка оголенной кожи видно не было. Если нужно, сам тенью буду ходить рядом и накидывать ей в корзину подобного барахла. Впору самому уже заводить разговоры о раздельном проживании, когда она вот так на меня смотрела!

– Звонил Станислав Борисович... – неуверенно лепетала она, глядя на меня.

Я сильнее схватился за стену, мечтая поправить выбившийся локон, который упал ей на лицо.

– Он просил позвонить ему, как ты доберешься до дома.

– Стас? – я сморщил лицо, не понимая, зачем он звонил Ане. – Откуда у него твой номер? – вот же старый охламон. Как ума-то хватило?

– Я не знаю, – пожала Аня плечами. – Но я указала его в карточке, когда заполняла данные на Машу и себя... – ее голос дрожал.

Аня смотрела на меня огромными глазами, а у меня во рту пересохло. Или это снова были отголоски нескольких бокалов коньяка? Мысленно я уже сгребал ее в охапку и впивался губами в ее маленький рот.

Мой телефон сел еще у Стаса. Но с чего вдруг такая забота обо мне? Я хорошо провел время у старого друга, думал, что в душе останется горькое послевкусие от этой встречи, а на деле, наоборот. Однако я сильно сожалел, что поделился с ним всем, что накипело у меня насчет Ани. А старый олух решил заняться сводничеством? С чего бы ради поднимать

такой кипишь? Чтобы вызвать у девушки какие-нибудь эмоции относительно меня? Но их и так было столько хоть отбавляй – били фонтаном через край. И ладно позвонил, обозначил Ане место моего пребывания, но лишь бы лишнего ничего не сболтнул.

Я повесил куртку и прошел мимо Ани, направляясь в свою спальню.

– Я думала, ты был у Светы и сегодня уже не придешь ночевать домой, – услышав эти слова, я впал в ступор.

«Что, собственно, я и хотел, чтобы ты думала!» – но ничего не сказал в ответ. Наградил Аню тяжёлым взглядом, но вовсе не потому, что злился на нее. На что злиться? А негодовал по одной простой причине; что снова желал ощутить вкус ее губ, почувствовать рваное частое дыхание на своём лице. А Стас этим звонком буквально подталкивал меня в эту бездну под названием Аня. Благо я все же умел себя контролировать. Не всегда. Система давала сбои. Вот и сейчас тоже произошло короткое замыкание.

– А ты переживаешь по этому поводу? – уже, когда сказал, понял, что ничуть не лучше сводника Стаса, а то и хуже.

– Не переживаю, но ты ее не любишь.

Робеть-то она робела, но в отличие от меня, через страхи переступала опрометчивее и решительнее.

– Не люблю и даже, больше того, никогда не любил. И не уверен, что хоть когда-нибудь полюблю еще, – я сжигал мосты, но пусть Аня лучше наперёд знает, что с такими разру-

шенными людьми как я счастья не построить.

– Ошибаешься! Машу ты уже любишь. Тебе просто кажется, что в жизни все потеряно, однако это не так, – тихо говорила она, а голос по-прежнему дрожал и выдавал ее волнение.

– А как? Как в этой жизни все устроено?

Аня поднимала тяжёлые темы, проходила словами, словно острыми лезвиями по едва затянувшимся ранам.

– Я не знаю, Игорь, – печально ответила она. – Это очень... об этом говорить больно...

– Тогда давай больше не будем об этом, ладно? Ты ведь понимаешь, что просто со мной не будет? Ты ведь сама в Рыбачьем говорила, чтобы не трогал тебя, так?

Я тонул, вскидывал руки вверх в попытке ухватиться хоть за что-то, чтобы не нахлебаться воды, но, кажется, безрезультатно. В легкие уже не поступал кислород.

– Я передумала, – решительно ответила Аня и гордо вздернула подбородок, тем самым толкая в самую бездну, выбивая остатки спасительного воздуха.

– Я боюсь сломать тебе жизнь, ты ещё совсем ребёнок.

Аня пересекла пространство комнаты в два шага, обхватила меня за плечи и прижалась губами к моему рту. Я даже не был готов к подобному посягательству. Но уже спустя несколько секунд поддался инстинктам и обхватил глупышку за талию, прижимая к себе очень тесно, впиваясь в ее губы поцелуем. Весь день мечтал снова ощутить их вкус.

Вселенная медленно поплыла перед закрытыми глазами, и в итоге в голове осталась лишь яркая вспышка наслаждения, сладкой боли, пытки, которую хотелось терпеть бесконечно. Я ворвался языком в ее рот и окончательно потерял себя. Не понимал, что делаю, а главное, почему она меня не останавливает. Ведь по идее должна уже смутиться, вырваться из моего объятия и бежать в гостиную к сестре.

Но Аня прижималась своим хрупким телом ко мне, я даже сквозь материю футболки ощущал ее острые груди и затвердевшие соски-бусинки. Поцелуй, казалось, длился целую вечность. Аня отвечала и льнула ко мне, и это окончательно срывало крышу. Я уже не мог себя контролировать. Она обжигала мою кровь сильнее, чем весь принятый алкоголь. И мысленно я перестал сопротивляться и пытаться всплыть, тонул во всех ощущениях и вспыхнувших чувствах, задыхался и желал поскорее умереть.

Спустя какое-то время я все же отстранился от нее и посмотрел в лицо. Ее глаза блестели каким-то манящим светом, а сама она дрожала в моих руках. В это мгновение привычный мир крошился в щепки. Я летел в бездну, терял себя, осознавая, что симпатия и влечение к Ане намного глубже. И как долго я еще смогу бороться и сопротивляться этим чувствам, не знаю. Но ей нужен не такой, как я, и я это понимал, смотрел в бездонные светлые глаза, в самую душу, и мне больно становилось за нас обоих. Дать шанс этой девочке, а потом не оправдать надежд... слишком жестоко.

– Я немного пьян, Аня. Завтра днем я свожу вас с Машей в торговый центр, выберешь все, что вам нужно к поездке. А сейчас я пойду спать, – предпринял слабую попытку удержать дистанцию.

Сделать шаг навстречу друг к другу очень и очень просто, но что потом? Аня прижалась ко мне всем телом и обняла, будто я был самым дорогим человеком для нее после Маши.

– Не отталкивай меня, Игорь... – тихо попросила она, а мое сердце таяло от её слов, внутри что-то содрогалось, и от прежнего замкнутого Игоря уже оставалось жалкое подобие.

Но я и так не отталкивал. Маленькая хрупкая девочка заставляла мое сердце бешено стучать в груди, ее запах и близость была опьяняющей, окрыляющей, я и забыл уже, какое это прекрасное чувство: до дрожи желать к кому-то прикоснуться, смотреть бесконечно долго в глаза и упиваться близостью небезразличного человека так, чтобы внутри все сжималось от этих чувств.

Маленькая белая ведьма. И ведь она понимала моё состояние, ступала очень аккуратно, пробираясь по тернистой тропинке напрямик мне в душу и сердце. Я думать ни о чем не мог, кроме, как о ней с того самого дня, как выставил Свету из дома.

Взял ее лицо в свои ладони и впился губами в ее рот, терзал его, забыв в эту минуту обо всем на свете. Завтра буду раскаиваться в позволенной роскоши, но сейчас хотел раствориться в этом поцелуе и избавиться ото всех условно-

стей и рамок. Хотел чувствовать ее тепло, ощущать трепет и дрожь ее тела. Хотел её. Всю её хотел целиком.

Глава 30

Аня

Я полночи лежала и мечтательным взглядом смотрела в потолок. Чувство безграничного счастья разливалось по телу приятными и теплыми волнами. Маша мирно спала рядом, и я ещё никогда не ощущала себя такой окрыленной и лёгкой. Я не собиралась торопить Игоря с ответами и решениями, но очень хотела, чтобы он дал мне... нам маленький шанс. Крохотную возможность отогреть его сердце. Я хотела о нем заботиться, я хотела быть рядом. Нет, он никогда не забудет боли от потери двух близких людей, но ставить на своей жизни крест и отталкивать меня – большая глупость, которую я не позволю ему совершить. Не знаю, как, но я собиралась его в этом убедить.

Мне кажется, я заснула с улыбкой на лице. Но наутро все равно поднялась с тяжелой головой. Мы старались с Машей вести себя очень тихо. Игорь вчера поздно пришёл и позапрошлую ночь катался где-то до утра. Я хотела дать ему возможность отдохнуть. Мы позавтракали с Машей, я поиграла с ней, а затем усадила за прописи. Игорь купил много подготовительного материала для садика и школы, и я потихоньку пыталась заниматься с сестрой. Пока Маша усердно выводила линии в тетради, я ушла на кухню, чтобы приготовить

ужин.

– Привет, – услышала я мужской голос и обернулась.

Игорь стоял в дверях, облокотившись о косяк. Спутанные волосы торчали в разные стороны. Он не надел майку, и я вперилась взглядом в его мощную грудь, вспыхивая румянцем.

– Добрый вечер, – перевела взгляд на часы, они показывали пять часов вечера.

Как быстро пролетело время...

– Вы так тихо себя вели, я подумал, что сейчас, ну максимум, час дня, – протянул Игорь низким и хриплым голосом, заметив моё состояние.

У меня мурашки побежали по спине, когда я вспомнила, как он вчера этим голосом со сбивчивым дыханием говорил мне, что я ему нужна и как он устал бороться со своими чувствами ко мне.

Я повернулась и улыбнулась, заглядывая в его помятое лицо. Нет, пару поцелуев ни к чему его совершенно не обязывали, но я теперь ни о чем другом и думать не могла, хотела новой порции ласк, прикосновений, глубоких и откровенных поцелуев...

– Покормишь? – спросил Игорь, и я кивнула ему в ответ, указывая глазами на стул возле стола.

– Садись.

– Я обещал вчера свозить вас в торговый центр. Ты как в настроении?

– В настроении, – довольно протянула я. – И если у тебя нет никаких других планов.

– Нет, мои планы и все свободное время вот уже почти как два месяца связаны только с тобой и Машей, – я снова просияла, наблюдая за оживающей мумией, с которой жила все это время.

– Я только за, ты задолжал Маше и мне по куску вкусного тортика, – вспомнила я, как он обещал Маше, что сводит нас в кафе.

– Я и в кинотеатр обещал. Давай выберем по дороге мультик какой-нибудь? Сто лет нигде не был.

– Мультик? – я вопросительно подняла брови.

Каждый раз, когда наши глаза встречались, я ощущала внутри волнение и трепет.

– Мультик, – подтвердил Игорь. – Не посадим же мы Машу смотреть какой-нибудь боевик? Купим большую корзину попкорна, бутылку колы...

– Маша умрёт от восторга, и я вместе с ней. Только чур, сядешь посередине, чтобы ни одной из нас не было обидно.

Игорь хитро прищурил глаза и улыбнулся.

– Идешь на бордаж? – пронизывающий взгляд карих глаз заставил меня покраснеть. – Я по-прежнему считаю это все неправильным и...

– Мне все равно, что ты там еще придумал за эту ночь. Давай ты обо всем подумаешь, когда мы уедем с Машей и твоими родителями на море? А как надумаешь что-то, при-

едешь к нам. А сегодня мы просто проведем время друг с другом?

Игорь слегка улыбнулся и кивнул. Затем подошел, обнял меня и поцеловал в висок. Я думала ночью обо всем и приняла решение не торопить Игоря. Я хотела, чтобы он сам понял, что хочет вернуться к жизни. И если не со мной, то пусть даже со Светой или с любой другой женщиной. Но только сам пусть решит. Я не хотела, чтобы он замкнулся в себе и снова стал отчужденным и холодным. Мне нравился этот счастливый и улыбочивый мужчина, что держал меня в кольце сильных рук. Может быть, за пределами квартиры он был грозой-начальником и ужасом, летящим по коридорам офиса, но дома он был другим. Чутким, внимательным и, если он рассчитывал, что я могла остаться равнодушной, то это совершенно исключено.

– Хорошо, тогда собирайтесь, я перекушу, приму душ и выдвигаемся.

Через полчаса мы уже ехали в торговый центр. Я без причины улыбалась и чаще обычного глядела на Игоря. Он снял свою броню, шутил с нами, участвовал в беседе и много смеялся. Может быть, ему стоило почаще ездить к Стасу? Но вчера, когда он завез нас домой, а сам уехал, я... решила, что он отправился к Свете. И представляла их вместе, и злилась, как всегда, в первую очередь, на себя, что угораздило саму так глупо влюбиться в человека, которому ни отношения, ни эти мои чувства были не нужны. Но, кажется, я заблужда-

лась. И я была ему нужна, наверное, даже больше, чем он мне.

Игорь привел нас с Машей в какой-то отдел с одеждой, сел на диванчик возле кассы и взял в руки журнал.

– У вас на все про все полчаса. Я не могу сказать про себя, что я терпеливый человек, – сказал он, заметив замешательство на моем лице.

Насчёт терпения я бы с ним поспорила.

– Я даже не знаю, что выбирать... – растерялась я. – Скажи мне хотя бы, куда мы поедем? Брать теплые вещи или...

– Бери все, что тебе понравится. Хоть все скопом, – невозмутимо сказал он и закрыл журналом лицо.

– Даже, если это потом не понравится тебе? – да, я подумала об открытых ночных сорочках и пижаме с шортиками.

В конце концов, я молодая девчонка и это нормальное желание – наряжаться во что-то стильное и молодежное, а не в длинные и закрытые балахоны.

– А почему мне должно не понравится? – невозмутимо спросил Игорь, опустив журнал вниз.

Я не решилась ему объяснять. Продемонстрирую лучше наглядно. Заодно и погляжу на его реакцию. Правда, не знаю, успею ли до отъезда... Но, собственно, не видела никакой причины в том, чтобы смутить его длиной своей новой пижамы. Сам затеял эту игру в благородного рыцаря, вот и посмотрим, на сколько хватит его благородства.

Пожала плечами и подарила ему смущенную улыбку,

схватила Машу за руку и пошла выбирать одежду.

У меня глаза разбегались, я и подумать не могла, что у меня в итоге окажется столько красивых вещей. Я выбрала нам с Машей пижамы, спортивные костюмы, ветровки и несколько платиц. После этого отдела мы пошли в обувной и выбрали нам новую обувь. И когда с покупками было закончено, Игорь отнес пакеты в машину и, вернувшись, повел нас к кассам кинотеатра. Я была в таком всего один раз. И тот вместе с классом, когда училась в школе. Нам показывали документальный фильм о войне. Сейчас же все было иначе. Этот вечер, проведенный с Игорем, который шутил и смеялся и ни на шаг от нас не отходил, принес нам обеим с Машей много положительных эмоций и счастья.

– Три билета на самый посещаемый мультик, три корзины попкорна и три стаканчика колы, – попросил Игорь и поглядев в нашу сторону, подмигнул.

Маша с восхищением смотрела на Игоря, наверное, мы с ней уже давно были заодно в этом плане и беззаветно любили этого человека. Мы заранее заняли места в зале. Игорь сел между нами и с улыбкой и хитрым прищуром уставился в экран. Я почти не обращала внимания на яркие картинки и шум, а все время смотрела на Игоря. Он положил свою руку на подлокотник и с лёгкой улыбкой и умиротворением на лице следил за мультиком. Я накрыла своей ладонью его и замерла, решив, что на войне все средства хороши. Жутко боялась, что он меня оттолкнет, даст понять, что я ему не

нужна. Но влечение к мужчине застигло разум, и в итоге боязнь быть отвергнутой и не нужной меркла от силы чувств.

И я напрасно боялась, Игорь развернул свою ладонь и сжал мою в ответ, а затем и вовсе поднял подлокотник и прижал меня к себе. Обнял меня и Машу, и так мы досматривали мультик. У меня сердце стучало так сильно, что я почти не слышала, что говорили герои из экрана. Впервые за все время нашего переезда в Москву у меня на душе было умиротворенно и тихо. Я счастливо улыбалась и просто хотела, чтобы этот день никогда не кончался, а Игорь понял, что с нами ему всегда будет так же хорошо, как сегодня.

Домой мы вернулись поздно. Маша заснула в машине, Игорь взял ее на руки, а я пакеты с покупками. Мы поднялись на лифте на десятый этаж и вошли в квартиру. Машу я искупаю утром, пусть сестра спит, у неё набралось много приятных впечатлений за вечер.

– Чаю? – тихо предложил Игорь, когда уложил Машу на диван.

Накрыл ее одеялом и выпрямился, заглядывая мне в лицо.

– Да, – я сгрузила пакеты в углу комнаты и прошла на кухню.

С недавних пор эта комната стала моим любимым местом. Мне нравился вид из окна. Нравилось, что мы с Игорем там пересекались по вечерам. Иногда молча могли заниматься каждый своим делом. Я за эти дни так к нему привыкла, а теперь, когда он стал мне настолько дорог, и у меня просну-

лись такие сильные и трепетные чувства, я и вовсе не могла реагировать спокойно на него.

– Послезавтра я отвезу вас и родителей на вокзал. Они не любят самолёты, только поездом добираются до места отдыха. Билеты я утром вам закажу.

– А ты приедешь к нам?

– Приеду. Но немного позже. Я обещал родителям...

– Ты давно не общался с ними, да? – спросила я, а сама почему-то представила, как он приводит домой Свету, и они жарко проводят время в объятиях друг друга.

Я совершенно не хотела видеть её рядом с Игорем. Но и понимала, что такие вопросы решать, к сожалению, не мне. Сама поставила себя в двоякую ситуацию.

– Я пытаюсь тебя понять и ищу в твоих поступках логику. Но у меня получается очень плохо.

– У меня самого получается со скрипом последнее время. Все понимаю, хочу быть рядом с тобой и все же желаю тебе другой жизни...

– Хорошо, – протянула я задумчиво. – Приедешь к нам на море, а я найду к тому времени какого-то местного рыбачка и останусь с ним в его шалаше. А потом я рожу ему несколько детей, а ты будешь... спокоен и счастлив за меня?

– Да, конечно, – отозвался Игорь, а уголки его рта чуть заметно раздвинулись в улыбке.

– Счастлив, зная, что я не люблю своего мужа-рыбака, втайне мечтая о тебе? Счастлив будешь со Светой, зная, что

со мной и Машей тебе было бы лучше?

– Аня...

– А если отбросить страхи за нашу с Машей жизнь и сделать шаг мне навстречу? Я не знаю, что у тебя случилось, что в твоей душе, но не думаешь же ты, что одному лучше? Я взрослый человек и вполне справлюсь со своей болью в случае... В случае, если наши мечты разобьются, я найду в себе силы жить дальше.

Да, я напирала сквозь смущение, с яркими пунцовыми щеками стояла перед Игорем и говорила эти слова, считай, признавалась в своих чувствах и ждала отклика. Ждала, потому что с этой надеждой в сердце было так легко и приятно жить. Смуглое лицо напротив стало хмурым, Игорь покачал головой.

– Я приеду к вам через неделю, – сказал он. – Пока я не могу оставить работу. За эти дни я решу проблемы и вернусь к вам. И те клочки одежды, что ты купила... Даже не смей одевать их до моего отъезда. Я ещё до сих пор в подробностях помню ту сцену в ванной и все вчерашние поцелуи. И не уверен, что скоро о них забуду, – с хрипотцой произнес он последние слова, а мои щеки, наверное, снова покрылись багровыми пятнами.

– Ты видел мои покупки? – удивилась я, вопросительно подняв одну бровь, и усмехнулась.

– И даже больше того, вижу по хитрому огню в твоих глазах, как ты решила их применить. Это удачный ход, беспро-

игрышный, но не честный, – рассмеялся он.

Я рассмеялась в ответ и присела на стул, глядя на него снизу вверх.

– Тогда зачем позволил все это купить? – недоумевала я.

Игорь подошёл и присел возле меня на корточки. Наши лица оказались на одном уровне.

– Не хочу ни в чем тебе отказывать, – смотрел таким взглядом, что у меня дыхание перехватило, и я ухватилась за его слова.

– Тогда поцелуй меня ещё раз, – попросила я, в эту минуту чувствуя над ним власть.

Игорь снова подарил мне улыбку, а затем я ощутила его дыхание на своем лице. Сердце бешено застучало в груди, и я прикрыла глаза, почувствовав его губы. Каждый раз я ощущала себя так, словно вселенная замедляла ход, и мы оставались в этом мире одни. Игорь обхватил руками мою талию и приподнял, усаживая на стол. Расположился между моих ног и углубил поцелуй, проникая в мой рот языком. Я задрожала в его руках и прильнула к нему, мечтая, чтобы он не останавливался. С каждым разом поцелуи становилась глубже и откровеннее. Ни за что не поверю, что Игорь ничего при этом не испытывал ко мне.

Затем он резко отстранился от меня, тяжело вздохнул и отвернулся, словно боролся сам с собой. Со своими чувствами ко мне.

– Чаю? – спросил Игорь.

И я не смогла устоять, снова расплылась в улыбке. Тихо засмеялась и спрыгнула со стола.

Хоть чай пить, хоть целоваться до обморочного состояния – все готова делать рядом с ним. Только бы он не замыкался больше и не решил выселить нас с Машей в ответ на мои наступления. Я и сама больше никуда не уйду от него. А если вдруг и обмолвится, что пора съезжать, останусь под дверью его квартиры, моля нас не отпускать.

Глава 31

Соломон

Неделя пролетела незаметно. И лишь вечера в доме, который без девочек теперь казался пустым и безжизненным, тянулись, словно стрелки на часах замерли. Я все порывался забросить важные дела на работе и контракты пустить на самотёк, и ехать к девочкам, к Ане... Эта щемящая нежность к девушке и желание оберегать их с Машей от целого мира никуда не делась, а только крепла с каждой минутой, что мы были порознь друг от друга. Туман в голове окончательно рассеялся. Я осознал, что эти новые чувства к обеим сёстрам глубже и сильнее, чем я предполагал, чем мог когда-либо представить.

Побросал вещи в сумку, запрыгнул в автомобиль и отправился в аэропорт. Через несколько часов буду на месте и встречу девчонок. Наши переписки с Аней в течение дня лишь сильнее подливали масла в огонь. Она не стеснялась слать фотографии Маши вместе с собой. Особенно долго я улыбался над снимком, который она наверняка попросила сделать моего отца или мать. Девочки стояли в обнимку около бассейна. На Ане был надет цельный купальник, но я все равно увидел все, что нужно и понял скрытый контекст и ее игру. Маленькая чертовка.

Свете я чётко дал понять, что отката и потепления в наших отношениях не будет, потому что... даже не вспоминал о ней эти дни. И совершенно о ней не думал.

Зато со Стасом виделись пару раз. Он все порывался про-чистить мне мозги и направить на путь истинный, но я был непреклонен. Хотя оно по жизни у меня всегда так. Если упрусь в чем-то, то намертво.

Самолёт приземлился в Адлере поздним вечером, я взял такси и назвал адрес дома, в котором жили родители и девочки. Я купил этот дом очень давно. В расчёте, что большой семьёй мы будем выбираться на отдых, и так оно и было какое-то время...

Погода стояла пасмурная, небо заволокло серыми тучами. Для конца ноября вполне нормальное явление. Все же теплее, чем сейчас было в Москве. Через пару недель я планировал купить большую и пушистую ель и принести домой, чтобы у Маши был самый настоящий Новый год. Хотя, возможно, так далеко не стоило загадывать. Может быть, мы поедem на дачу к родителям и проведём там все праздники. Сложно было что-то планировать заранее.

– Игорь! – бросилась Маша мне на шею, когда заметила меня.

Я крепко обнял маленькую девочку, понимая, что сильно соскучился по ней, и какое-то время просто прижимал к себе, слушая ее сбивчивый рассказ, как она проводила здесь время и как ей нравится это место.

Аня стояла поодаль и загадочно улыбалась, глядя на меня проникновенным взглядом. Будто она уже и так поняла, что я сдался. Приехал и сдался. Выбросил белый флаг и выставил руки, чтобы на те надели кандалы. Но разве это было не так? Мчался сюда, представляя ее лицо, и как сожму ее в своих объятиях.

– Привет, – я подошел, разглядывая ее лицо. Порядком уже успел по ней соскучиться и, если бы не Маша, то впился в Анины манящие губы поцелуем.

Представляю, как бы удивился гном, наверное, тут же побежала докладывать моей матери. Аня писала, что Маша и мать нашли общий язык и все свободное время занимались живописью. Меня очень радовали такие новости.

– Как ты проводишь время в перерывах между эротическими фотосессиями? – непринужденно поинтересовался я.

Щеки Ани вспыхнули румянцем, но именно такой реакции я и ждал. Она подобралась, ее глаза забегали по моему лицу.

– Я пошутил, – и все же не сдержался и прикоснулся пальцами к ее лицу.

Такое чувство, что месяц её не видел. Себя не узнавал и не понимал, что со мной происходит. И не будь рядом родителей и Маши, словно пещерный человек, повесил ее на плечо и уволок в свое убежище.

– Мы хорошо проводим время. Твоя мама занимается с нами живописью, утром мы выходим гулять. Твой отец го-

ворит, что мы с Машей поправились и наели щеки.

– Ну, я бы так не сказал, – окинул ее хрупкую фигуру голодным взглядом. – Куда-то ездили?

– Много куда. Больше всего мне понравился заброшенный пляж на Мамайке.

– О-о, – протянул я и рассмеялся. – Отец все-таки отвёз вас туда? В детстве я часто с ним там бывал. Не знаю, чем это место так привлекало отца, но ни одна поездка не обходилась без визита на этот пляж.

– Да, очень красивое место, мы даже немного покатались на яхте в один из погожих деньков. Александр Сергеевич взял штурвал в руки и сказал Маше, что он капитан. На что она недовольно поджала губы и заявила, что капитаны имеют специальную шляпку. Да-да, именно шляпку так и сказала, – рассмеялась Аня звонким смехом, – взяла откуда-то козырек водрузила себе на голову и протиснулась у него между рук.

– А ты?

– Что я?

– Нашла шляпку капитана или будешь брать штурвал натиском? – я с тихим вздохом прислонился спиной к дереву.

– Я буду стоять в стороне и подобно настоящему капитану, который умеет управлять судном и стихией, наблюдать за всем у штурвала с непроницаемой маской на лице.

Я нарочно поддразнивал ее и получал огромное удовольствие от ее ответов.

Аня поправила рукой золотистые локоны, а в глубине ее

глаз вспыхнуло нечто такое, от чего я нервно сглотнул. Выдержка у нее была на высоте. Может быть, и правда, мать за эти дни преподала ей какие-то уроки или дала дельные советы... хотя сомневаюсь, что Аня в последних нуждалась. В каждом взгляде и слове читались неподдельная искренность и забота. Именно это-то и подкупало в ней в первую очередь.

– Игорь! – во двор вышла мать в фартуке. – Вот так сюрприз! И даже не предупредил. Ну и замечательно! Сейчас будем ужинать. Маша, идём помогать расставлять посуду на стол! – чмокнула меня в щеку, и они с Машей скрылись в доме.

Когда мы остались одни, я не выдержал, подошел к Ане и прижал к себе. Впился в её губы жадным поцелуем, ощущая дрожь во всем теле. Словно был подростком, и первый раз касался понравившейся девчонки. Ещё немного, и искры посыплются из меня прямо на землю.

– Давай завтра съездим на Мамайку втроём: ты, я и Маша, раз вам так понравилось? – предложил я, прерывая поцелуй и глядя в счастливое лицо Ани.

– Хорошо, – довольно протянула она. – Завтра обещают ясную погоду с утра. Хотя я уже привыкла, что дождь здесь появляется так же внезапно, как и проходит. – Тебе здесь нравится?

Она словно и вправду изменилась за эти дни и стала мне еще ближе, несмотря на расстояние между нами.

– Очень нравится. А теперь будет ещё больше, – Аня креп-

ко меня обняла, и так мы стояли какое-то время.

Я слышал ее сердцебиение, и мне так хорошо было в этот момент. И нет больше никаких сравнений и мыслей о прошлом. Ничего нет. Есть чистый лист для новой жизни, Аня и я. И Маша, конечно же. И Пуховик. Я обещал ей нового питомца, и по приезду выберем из приюта ей друга.

Мне нравился дом на берегу моря. Я купил его несколько лет назад, но давно уже сюда не приезжал. Отец и мать следили за порядком в нем, два раза в год покупали билеты на море и совмещали приятное с полезным. Впервые с момента смерти Наташи и Аси я приехал сюда. Смотрел на фотоснимки на стенах, на наши счастливые лица с грустью и светлой тоской, и не чувствовал той всепоглощающей боли, что съедала меня все эти года.

Мать колдовала на кухне, отец сидел за столом. Маша восседала рядом на стуле, и они о чем-то тихо, но оживленно вели беседу. Семейная идиллия... другими словами и не называть представшую перед глазами картину.

– Деда, ну нет же, – протестовал гном.

Меня никто не замечал, я тихо стоял в дверях и наблюдал за ними. Это слово «деда» резануло мой слух, и я оторопел, глядя на них во все глаза. Отец с любовью смотрел на Машу и показывал ей на какие-то картинки на столе. Я, конечно, предполагал, что родители примут девочек, но... ожидания и реальность зачастую разные вещи.

– Игорь, – мама засуетилась, заметив меня в дверях. – Са-

дись за стол, ты, наверное, проголодался. Ты надолго?

– Все зависит от того, как будут идти дела на работе. Наверное, дня на три, не больше.

– Ну, приехал и то хорошо, – отец поднял лицо и поглядел на меня ничего не выражающим взглядом. Они с Машей собирали большой пазл.

Я понимал, что он все ещё осуждал меня за моё отшельничество. Несколько раз он приезжал ко мне домой и пытался со мной поговорить. Но эти попытки лишь увеличили пропасть между нами.

Маша как будто повзрослела за эти дни. Сидела рядом с моим отцом, трогала его за руку и что-то рассказывала, подбирая мелкие фрагменты пазла. Я наблюдал за ними, а в груди на месте камня, что и так почти весь раскрошился, вдруг поднялся столб серой пыли, и та осела в лёгких. Я вздох сделал и закашлялся, чувствуя, как ещё один кусок черствого камня отвалился от сердца.

Весь вечер я провел в обществе родителей и девочек. Мы сидели в большой гостиной, на улице зарядил дождь. Отец достал лото, и мы пару часов весело играли и создавали шум на весь дом. Эти стены давно не слышали такого ажиотажа. У меня на сердце тепло и умиротворенно стало, словно... Нет, я не хотел больше никаких параллелей. Я хотел жить этой самой минутой и наслаждаться жизнью. Чуть с ума не сошёл в стенах дома без девчонок. В одну из них влюбился с первого взгляда, как только взял на руки там, на пристани, в

Рыбачьем, а ко второй чувства пришли не сразу... Я и сейчас до конца не уверен, что правильно поступал, что давал Ане шанс, себе давал шанс. Но, не попробовав, не узнаешь. Что я, в конце концов, терял? Ходил вокруг да около, и обоих мучил. Однако с сомнениями было покончено. Иначе бы я сюда не приехал.

Родители легли спать, Аня ушла укладывать Машу, а я пошёл следом, присел на полу возле кровати и слушал, как Анна читала гному сказку. Девушка запустила руку мне в волосы и массировала голову пальцами, а меня на части разрывало от нежности и чувств в эту минуту.

– Поехали завтра погуляем? Одни? Я покажу тебе свои любимые места. А послезавтра сводим Машу в цирк, океанариум?

– Одни? – шепотом переспросила Аня.

– Да, вдвоем. Ты не хочешь? – нет, я не боялся отказа, это было что-то другое. Словно мне доверили в руки фарфоровую статуэтку, а я не знал с какой стороны подступиться, чтобы ненароком ее не разбить.

В комнате повисло молчание, рука Ани замерла в моих волосах, я лишь слышал ее частое и сбивчивое дыхание. Маша уже заснула, а я не хотел уходить. Так соскучился по ним обоим. Устал быть один.

– Хочу. Просто неожиданное предложение. Это значит...

– Это значит, что я очень по вам соскучился, – честно признался я. – И хочу побыть немного с тобой вдвоем.

Приподнялся и повернулся к ней лицом, становясь на колени и облакачиваясь руками о кровать. В неярком свете ночника Аня ещё красивее казалась и в самом деле походила на фарфоровую куклу.

– А родители... что они подумают? – даже сквозь приглушенный свет ночника я увидел, как вспыхнули ее щеки багровым румянцем.

– Какая разница, что они подумают? – я слабо ухмыльнулся, заметив недоумение и испуг на ее лице. – Ну, если хочешь, я организую твоё похищение? – от ее близости и аромата мне в голову ударило, и я вытянул руку и коснулся ее локона, что выбился из хвоста.

Аня ещё сильнее засмушалась и покраснела. Когда отпустил тормоза, и проще как-то стало. Правда, ещё не понимал, как Аня относилась к этим самым переменам. Чувствовал ее настороженность. Наверное, мы никогда не выйдем из этого шаткого равновесия. Так и будем кататься на качелях туда-сюда.

– Хочу, – прозвучало так наивно и по-детски, что я не смог сдержать улыбки.

Потянулся к ее лицу и коснулся дыханием ее рта. Она вытянулась как по струнке и замерла, словно ее выслеживал охотник, и она боялась попасться тому на глаза. Я сам задержал дыхание, а спустя минуту накрыл ее губы своими и полетел в бесконечную пропасть. Аня обхватила меня за плечи, ее тело задрожало, и я упивался этими чувствами. Кроме

нее и этих мягких сладких губ ничего и не было важнее в эту минуту. Какой же я был дурак, что столько времени решался на сближение. Но, может быть, всему свое время? А может быть Аня тоже что-то надумала за эти дни?

Поцелуй длился очень долго, я обхватил Аню за талию и спустил к себе на колени. Прижимал ее и не хотел останавливаться. Нечто необъяснимое происходило со мной в такие моменты. Она сама того не ведая, становилась моей отрадой и болью. Руки потянулись к ее волосам, я стащил с них резинку. Мягкие локоны упали Ане на плечи и спину, и я запустил в них пальцы. Меня потряхивало от желания. Вряд ли она понимала, в какое пекло лезет, ведь сгорим оба заживо, если сейчас же не остановимся.

Я отстранился, Аня часто и прерывисто дышала, глядя мне в лицо затуманенным взглядом. Ее сердце билось так гулко, что я готов был подняться на ноги, схватить девушку на руки и нести в свою спальню, чтобы раздеть и восхищаться ее красотой, касаться ее белой кожи и содрогаться в конвульсиях от желания ею обладать.

– Игорь, я... Ты...

– Я никуда тебя не отпущу, – тихо сказал я ей. – И никакая Света мне не нужна. Мы будем жить втроём: ты, я и Маша. По выходным будем ездить к родителям, а там жизнь покажет. Я буду последним глупцом, если дам тебе уйти. Только потом не жалуйся, – я упивался растерянностью на ее лице.

Аня думала, что все это время жила со скромником, но

теперь я хотел доказать ей обратное. У нас столько времени впереди, чтобы узнать друг друга с разных ракурсов. Я мечтал многому ее научить, но ещё больше желал, чтобы она просто была рядом. За ту неделю, что я провел один в квартире, осознал, что качусь на дно. Ничто не приносило радости, и торопиться больше некуда, дома меня никто не ждал. Меня там больше никто не встречал, и я понял, что готов попытаться в последний раз построить свое хрупкое счастье.

Глава 32

Соломон

Утром следующего дня я прокрался в комнату девочек и разбудил Аню. Не знаю, во сколько они вставали на отдыхе, но я и так ждал почти неделю. Жил один, как абориген, которого выселили на заброшенный остров, и теперь жаждал общения. Запланированная программа была насыщенной, я хотел выжать из этого дня максимум и охватить несколько мест разом. Погулять в парке, посидеть у моря с кружкой горячего чая, может быть, прокатиться на яхте, посетить кафе – провести этот день беззаботно и легко. Наверстать упущенные дни и устроить для нас с Аней что-то вроде праздника.

Мы договорились, что уедем одни, без Маши, поэтому я знал только один способ, как оставить маленького неумного юлёнка в неведении: встать раньше него и уйти из дома.

Но маме пришлось рассказать о наших планах. В отличие от Ани, я нисколько не переживал по поводу того, что будут думать родители, когда я на весь день исчезну с девушкой из дома. Пусть что хотят, то и думают. Я и так уже много лет не посвящал их в личную жизнь. Уверен, что мама, как женщина, и так все поймёт, сложит один к одному и порадует за меня. Ведь она мечтала, чтобы я стал прежним Игорем. И

я теперь тоже об этом мечтал.

Аня краснела и смущалась, как будто боялась смотреть моей матери в глаза. Словно я пришёл не к себе домой, а к ней и отпрашивал ее у строгой женщины на свидание. Меня так позабавила эта ее реакция, что я не сдержался и подлил масла в огонь:

– Вернёмся не скоро, возможно, только к вечеру, – стиснул Аню в объятиях, наблюдая за реакцией Ани и мамы.

– Если Маша будет про вас спрашивать, и я скажу, что вы ушли с Аней без нее, она из меня душу вытащит расспросами, почему не взяли её, – мама смотрела на нас горящими глазами.

– Скажи ей, что она плохо ела кашу эти дни, – пошутил я, выпуская Аню из рук и натягивая куртку. Аня же стояла на месте и смущенно смотрела себе под ноги.

– В том и дело, что она ее ест... – мама тепло улыбнулась.

Но я хорошо ее знал, она просто пыталась разрядить обстановку и тем самым давала Ане понять, что одобряет эту вылазку, и против наших отношений и слова поперёк не скажет. Отец бы, да, косо смотрел. Возможно, что отвёл в сторону, и как мальчика меня отчитал, чтобы я не смел ломать жизнь девочке. Но благо тот ещё не спустился вниз со второго этажа, и поэтому я хотел увильнуть из дома поскорее, дабы не портить Ане настроение окончательно.

– Мама, ну придумай что-то, – я подтолкнул Аню на выход.

– Игорь, но вас хоть во сколько ждать? – она вопросительно подняла брови.

– К вечеру, – сказал я и закрыл за нами дверь, шумно выдыхая.

Вроде взрослый мужчина, но родители по-прежнему видели во мне ребенка.

– Очень ненавязчиво. А главное, и в самом деле похищение. Вон даже никто не узнал, – серьезным голосом язвила Аня и смотрела куда-то наверх.

Я поднял голову и увидел в окне фигуру отца. Он провожал меня грустным и осуждающим взглядом. Но напрасно так переживал за мою личную жизнь. Аня далеко не тот человек, которого я бы захотел обидеть.

– В следующий раз свяжу простыни и будем спускаться по ним вниз тёмной ночью. Чтобы точно никто не узнал. В семье, где есть ребенок, что-то утаить – это подобно фантастическому сюжету, – сказал я в свою защиту.

Взял Аню за руку и повел к воротам. Машину из гаража я брать не стал. Вдруг отец куда-то соберётся с Машкой и мамой? Мы же доберёмся везде на такси. Сегодня я не хотел быть привязанным ни к кому и ни к чему, кроме блондинки, чью руку сжимал в своей ладони. Сам сильно нервничал, но не потому, что давно не ходил на свидания, а потому что не уверен был, что, спустив тормоза на склоне, сумею вовремя остановиться.

– Игорь! – смеялась Аня, когда я поймал машину и усадил

ее на заднее сидение, крепко к себе прижимая, а ее щеки снова зарделись румянцем.

– Я пугаю тебя своим натиском? – прижимал тело Ани к своему и чувствовал ее напряжение.

– Нет. Да. Не знаю. Это все кажется невозможным. Мечтой. Я сейчас проснусь, а ты скажешь, что между нами ничего и никогда больше не будет. Что ты ошибся и...

– Глупенькая, – я сжал ее ладонь и слегка коснулся ртом уголков ее губ. А у самого мурашки выступили на коже.

На самом деле я эти дни не все вечера напролет проводил в одиночестве. Мы снова встретились со Стасом. На этот раз в кафе, и с ним пришла Марина. Я весь вечер смотрел на них, а сам думал об Ане. Что тоже хочу вот так с ней везде бывать. Ее в своей жизни хочу. Научить всему и мир показать. Что они видели с Машей доброго в своей жизни?

Расплатившись с водителем, мы вышли в центре города, и я повёл Аню завтракать. Потом я собирался погулять с ней немного по набережной. Гулять весь день и говорить с ней, наслаждаться жизнью и отбросить все сомнения. Пусть даже потом их будет во много раз больше.

– Мне так нравится море, – восхищенно проговорила Аня, смотря в бескрайний горизонт.

Я, наверное, больше любил горы. Нужно выбрать время и свозить девочек, чтобы им было с чем сравнить.

– Эти дни я много времени проводила на пляже. Елена Александровна занимается с Машей живописью, а я ухожу

на пляж. Маше так нравится, ей интересно с твоей мамой. А я, пока они вдвоем проводят время, прочла несколько книг. Читать под шум волн очень приятно. Спасибо... – Аня прикусила пухлую губку и посмотрела на меня наивным, и в то же время проникновенным взглядом.

Я привлек ее к себе и заглянул ей в глаза. Такой искренний, добрый и лучистый взгляд. Маленький белоснежный ангел. И почему я сразу не заметил всей этой красоты? Я ещё должен был при первом взгляде на нее залипнуть и контуженным идти в машину, чтобы продолжить движение.

– Ты так смотришь на меня, что я у меня мысли все путаются, и забываю, о чем хочу сказать... – я сжал уу в руках.

Прижался ртом к пухлым губам. Шум волн доносился до слуха лишь едва, а я жил другими чувствами в этот момент. Как будто заново учился ходить. Словно несколько лет назад меня сломали и выбросили за ненадобностью, как испорченный материал. И вот сейчас медленными и неуверенными шагами я шёл навстречу к себе, и делал шаги в сторону Ани. Ей важно моё внимание, а я не хотел ее потерять. И отпустить не собирался. До этого момента я и не думал, что такой жуткий собственник.

Аня попросила подняться на небольшой пирс, чтобы посмотреть на закат. Сегодня он и в самом деле неописуемо красив. Я подхватил ее на руки и по ступеням поднялся наверх. На горизонте сгущались тяжёлые тучи, и в любую минуту мог сорваться дождь.

– В такие моменты небо необыкновенно прекрасно, – восхищенно потянула она.

Над водой летали и кричали чайки. А я снова впился поцелуем в ее губы, терял контроль и сгорал от страсти. Не сразу заметил большую волну, она ударилась о бетонную преграду и окатила нас брызгами с ног до головы. Да и как мне было что-то замечать, когда рядом теперь находилась та, от поцелуев с которой я терял последние здравые мысли? Не знаю, как буду держаться эти дни, но мой стояк, упирившийся в молнию джинсов, причинял сильный дискомфорт. Аня взвизгнула и, не удержавшись на ногах, схватила меня за плечи. Следующая волна добралась до ног и едва не сбила уже нас обоих.

– Игорь! – Аня хохотала, стирая влагу с лица, смотрела на меня счастливым взглядом, а у меня все замерло внутри в этот момент. Хотелось ее снова целовать, до потери пульса. И никакая непогода не станет тому помехой.

– Пошли скорее отсюда, – я схватил ее за руку и потащил с пирса, чувствуя, как хлюпают мои ботинки. Посмотрели закат... Но если бы не были так увлечены друг другом, ничего бы этого не произошло, и успели убежать от волны.

– Прости, я не думала, что так получится... – Аня до сих пор держалась за меня.

– Я сам виноват. Волны разыгрались, я даже не подумал, что нас так зальет.

– Нас теперь ни одно такси не возьмёт? – спросила Аня. –

У меня вода повсюду! – и снова рассмеялась звонким смехом.

Я окинул взглядом побережье и заметил неподалеку отель.

– Идём, – взял Аню за руку.

Думаю, за пару часов, пока мы обсохнем и согреемся, а нам высушат одежду, ничего страшного не произойдет. А мы пока закажем в номер горячего чая. Благо документы и деньги у меня были при себе. И надеюсь, они не намокли.

– Игорь, мне так неудобно, – прозвучал жалобно голос Ани.

Я же, наверное, был рад, что так все вышло, и мы ещё немного времени побудем вдвоем. Не хотел возвращаться домой, мне так было хорошо здесь и сейчас, в этом самом мгновении. Галька приятно шуршала под ногами, мы вышли на набережную, поднялись по лестнице наверх и вошли в отель.

Девушка за стойкой регистрации окинула нас недоуменным взглядом.

– Добрый день, – я улыбнулся в ответ, – мы попали немного под дождь, – девушка перевела взгляд в окно, но там уже выглянуло солнце. – У вас можно забронировать номер на несколько часов, чтобы высушить одежду?

– Нет, увы, могу предложить только на сутки. Вы можете пробыть несколько часов в номере или полные сутки, но стоимость от этого не изменится.

Я протянул ей карту и документы. Благо они не вымокли.

– Закажите в номер ужин и ускоренную химчистку вещей.

Спасибо, – расплатился, добавив несколько купюр из портмоне, чтобы девушка сама оформила все документы и не зашла о нас, как только мы возьмём ключ от номера и скроемся с ее глаз.

Повернулся к Ане и заметил, как она растерянно оглядывалась по сторонам. Ее глаза блестели счастьем, каким я сам был пропитан насквозь.

– Замерзла? – спросил я.

Аня испуганно перевела на меня взгляд и неуверенно кивнула. Почувствовал, что она сильно дрожит. Взял ключ и, приобняв девушку, направился с ней в сторону лифта.

В номере было тепло и просторно. Аня с интересом оглядывалась по сторонам и не торопилась проходить вглубь. Я выбрал самый высокий этаж с панорамными окнами. Вид открывался потрясающий. Море разволновалось, и волны стали сильнее, возможно, ночью будет шторм и гроза. На миг я залюбовался раскинувшимся великолепием. А потом снял с себя куртку и всю влажную одежду.

– В ванной комнате два халата, снимай всю одежду, сейчас нам все быстро сделают, а мы пока перекусим, – я надеялся, что за вещами придут с минуты на минуту.

– Я позвоню Елене Александровне, узнаю, как там Маша? Всё-таки весь день нас почти нет...

– Да, – я протянул ей телефон, потому что свой Аня оста-

вила дома. – Только сначала переоденься и сними влажную одежду.

Аня неуверенно кивнула, приняла телефон и скрылась в ванной комнате. Спустя пять минут я услышал ее тихий голос. Она, видимо, не собиралась выходить и разговаривать при мне. Что-то бормотала, но я даже не прислушивался. Стоял возле окна и любовался видом, думая о том, что там, в соседней комнате мое безумие сидело полностью обнаженное. Или максимум ее тело прикрывал кусок махровый тряпки. Каждый день я вспоминал ее плавные изгибы тела и острые пухлые груди. Аня мне снилась каждую ночь, и все происходящее с нами больше походило на помутнение рассудка.

Затем я услышал шум воды. И не знаю, как сдержался, чтобы не войти к ней в прозрачную кабинку, но искушение было очень сильным. Благо в номер постучали, и я немного отвлекся от предоставляемых картинок.

– Аня? – постучал я в дверь. – Я возьму твои вещи?

– Я положила их у двери, – отозвалась она.

Приоткрыв дверь, я все-таки не сдержался и взглянул в сторону душевой. Стекла кабинки покрылись паром и скрывали наготу девушки, оставляя видимым лишь слабые очертания силуэта. Я взял аккуратно уложенную стопку вещей и отдал горничной.

Несколько секунд я стоял под дверьми в ванную. И лишь огромным усилием воли заставил себя вернуться к панорамному окну и долго смотрел вдаль. Сам продрог и зуб не по-

падал на зуб. Но боялся, если войду к Ане в душ, то устоять уже не смогу.

Глава 33

Аня

Огромные волны бились о берег и разлетались брызгами в разные стороны. Завораживающее зрелище! На бушующую стихию, когда ты находишься в относительной безопасности, сухим и в тепле, можно смотреть с неким восторгом и упоением. Хорошо, что мы не взяли с собой на прогулку Машу. Она бы, скорее всего, напугалась, и я не уверена, что после этого захотела подойти к морю. Нам же с Игорем эта обрушившаяся на нас случайно волна ничего не стоила. Почти не стоила. Не знаю, как Игорь, но я ощущала в душе полный хаос, подобно разыгравшейся на улице стихии.

– Извини, я не думал, что погода нас так подведет, – Игорь стоял у окна и смотрел вдаль.

– Ничего страшного. Из огня ты меня уже вытаскивал, теперь и из воды, – я не знаю, почему улыбка получилась грустной. Но иногда я тосковала по посёлку. – Осталось из медной трубы достать? – но утопать в печали и тоске я себе просто не позволяла. Потому что представляла новую и красочную жизнь. С Игорем ее представляла.

– Точно, – слегка повернул голову, на его губах растянулась улыбка, а затем он снова отвернулся к окну.

Игорь давно стянул с себя мокрую одежду, я смотрела на

него, не в состоянии отвести глаз от крепко сложенного тела. В тусклом свете торшера его широкая мускулистая спина и плечи блестели от влаги. То ли от всего пережитого, то ли от того, что я уже окончательно все для себя решила... но сделала несколько бесшумных шагов вперед. Подняла ладонь и в нерешительности замерла позади Игоря, будто последний раз давала себе шанс одуматься и взять себя в руки. Он напрягся и замер, когда почувствовал мою ладонь на своём плече. Прикоснувшись к нему, я сильно вздрогнула, будто получила мощный электрический разряд. Это прикосновение к влажной коже отдавало мне в низ живота. Все ощущения были для меня в новинку, но я ничего не могла с собой поделать. Я любила его и не хотела больше скрывать своих истинных чувств. Эта обстановка: непогода и красивый номер, ставший нашим временным пристанищем... Я хотела сохранить это мгновение в памяти. Даже если потом Игорь меня все равно отвергнет и снова будет говорить, что мне нужен другой человек.

– Аня, – отозвался он хриплым голосом на мои поглаживания, медленно повернулся ко мне лицом.

Тёмные глаза горели огнем. От его близости у меня кружилась голова, и я едва унимала дрожь. Бешено стучащее сердце отдавало в ушах. Подняла свое лицо и заглянула ему в глаза. Руки сами переместились ему на грудь, я чувствовала под влажными от напряжения ладонями его твёрдое тело и мощь. Ноги подкашивались от осознания, что это все не

мечты! После тех поцелуев мне почти каждую ночь снилось и представлялось продолжение...

Игорь словно превратился в статую, огромную каменную глыбу, не шевелился и смотрел на меня темными глазами. Я сняла халат и вжалась своим обнаженным телом в его влажную, слегка прохладную кожу, прикрыв от наслаждения глаза. Сильные руки, наконец, сомкнулись на моей талии, и меня снова пронзила сладкая боль между ног. Эта тяжесть внизу была такой приятной...

– Я люблю тебя, Игорь... Очень люблю... – обвила руками его шею и поцеловала.

Губы оказались мягкими и солёными на вкус. Слегка отстранилась и посмотрела в его лицо потрясенными глазами.

– Анята, – протянул Игорь, сжимая меня сильнее. – Ты такая красивая... – накрыл мои губы своими.

Сжимал меня руками так сильно и тут же отпускал, будто в нем в эту минуту боролись ангелы и дьяволы. И я так хотела, чтобы последний победил, и он потерял контроль. Навсегда.

А ещё мне хотелось отмотать время назад и залепить себе лейкопластырем рот, чтобы не говорить в тот раз, в Рыбачьем, никаких слов и не брать с него никаких обещаний, которые сейчас стояли между нами преградой.

– Люблю, – тихо повторяла я, между поцелуями, а сама ощущала эйфорию.

Первые признания и новые ощущения, опьяняющая бли-

зость... Моё сердце в груди билось очень-очень быстро. И Игорь сдался. Впился в мой рот сокрушающим, властным поцелуем, проник в него языком, а у меня закружилась голова. Я держалась за его плечи, моя голова кружилась от фейерверка эмоций, и я хотела утонуть в этом море страсти и своей любви к этому человеку. Даже если он решит, что все случившееся большая ошибка. Это будет самая лучшая и приятная ошибка в моей жизни!

Исследуя руками мужское тело, мне казалось, что я касаюсь чего-то запретного. Наверное, потому что изначально считала этот интерес к Игорю неправильным, запретным, обжигающим. И как бы ужасно ни звучало это сравнение, но те языки пламени, что оставили отметины на моих руках, не причинили мне в итоге столько мук, сколько сейчас приносили касания Игоря. Они вызывали трепет, меня опоясывала боль внизу живота, сладостная, тянущая, физически угнетающая. Внутри нарастала огромная волна, и я ждала, когда она накроет меня с головой, лишив воздуха и последних крупиц самообладания.

Игорь прижал меня к себе, животом я ощутила его эрекцию и задрожала ещё сильнее. Прикрыла от наслаждения глаза и обмякла в его руках. Ноги тоже дрожали, от нахлынувших чувств я совсем теряла крупницы реальности. Держалась за плечи Игоря, как за последний ориентир, вдыхала аромат его кожи и словно ныряла в волны своих безграничных чувств.

– Аня, я ведь не железный, – хрипло шептал он мне в губы.

– Не сдерживайся, Игорь, – отозвалась я, чувствуя возбуждение и эмоциональный шквал похлеще непогоды, что разыгралась за окном.

Подняла лицо и встретила с его глазами. Волна дрожи снова прокатилась по телу, когда он сокрушающим поцелуем вторгся в мой рот. Обжигающие ладони легли мне на грудь. Я простонала ему в рот, ощущая, как в низу живота стало ещё тяжелее. Игорь прервал поцелуй, но его губы тут же нашли мои затвердевшие соски и принялись их ласкать. Я держалась за Игоря, слегка откинув голову назад. Мне казалось, что я, как ледяная снегурочка из сказки, растекусь у его ног мокрой лужицей.

– Пожалуйста... – то ли просила, то ли уже молила я, сама не понимая даже толком, о чем.

Но эта сладкая и в то же время мучительная боль... от нее хотелось избавиться, и не знала, как ее остановить. По телу одна за другой прокатывались волны наслаждения. Игорь резко прервал все ласки, обхватил меня руками за талию, поднял, словно я была лёгкое перышко, и понес в спальню. Положил на огромную, заправленную кровать и склонился надо мной. Его карие глаза сделались совсем тёмными. Он коснулся горячим ртом моей кожи, скользнул по животу, и круговорот ласк продолжился, а сладкая и в то же время болезненная нега, стала лишь ярче и не поддавалась контролю.

Я без конца шептала имя Игоря, и когда ощутила его паль-

цы внизу живота, как он слегка надавил на чувствительный бугорок, громко охнула и закатила глаза. Да, это именно то, что приносило облегчение. Эти массирующие движения не делали мягче мой каменный живот, но так приятно было чувствовать его руки на своем теле, везде... И ни капли не стыдно. Стыд – это последнее, о чем я могла бы сейчас подумать.

– Аня, – позвал меня Игорь. – Посмотри на меня.

Расфокусированным взглядом я ухватилась за его лицо. Я готова была сделать все, что угодно, лишь бы снова почувствовать его руки там, внизу, я очень хотела его! От одной мысли, что он окажется внутри, что будет моим первым мужчиной, я летела в какую-то бездну счастья и нежного трепета. Игорь широко развёл мои бедра и спустился вниз.

– Нет, – я слабо воспротивилась и не понимала, что он собирался делать, но Игорь поднял лицо и смерил меня пристальным взглядом.

– Расслабься, Аня, – провел пальцами по внутренней стороне бедра, и я снова содрогнулась от остроты чувств.

Он опустил голову и коснулся губами набухшего бугорка, провел влажным языком по складочкам и снова вернулся к клитору, вырисовывая на том замысловатые круги. Это муча, сладкая пытка, словно меня подсаживали на нечто запрещённое маленькими дозами, увеличивая уровень концентрации зависимого вещества в крови с каждой новой секундой. Эйфория заполняла каждую клетку, и когда я почув-

ствовала осторожные движения пальца внутри, не сдержалась и громко выкрикнула его имя, ощущая, как тело пронзают электрические импульсы. Перед глазами замелькали вспышки одна за другой. Словно молнии без конца ударили в одно и то же место. Тело сотрясала дрожь, и я лишь теперь осознавала, какую власть имел мужчина над женщиной. Я неспроста мечтала об этих ласках. Нега растеклась по телу, а тугой узел внизу живота распустился, подобно цветку, лишая меня всяких сил.

Игорь снова коснулся моих губ, а затем спустился ниже, прокладывая мокрую дорожку к груди. Его рука все ещё находилась внизу, а я после такого мощного выброса эндорфинов все никак не могла прийти в себя. Хотела продолжения, хотела снова почувствовать эти непередаваемые ощущения, хотела его руки везде – внутри, снаружи. Его хотела всего целиком. Чтобы нам обоим больше некуда было отступить. Глупое желание, неподконтрольное, но я боялась потерять эту тонкую нить, что связала нас. Панически боялась, если он сейчас отстранится, то больше не захочет меня коснуться.

Внезапно раздался громкий стук в дверь, Игорь отнял губы от моего тела, а я, сжавшись внутренне от этого нелепого страха, прильнула к нему еще сильнее.

– Пожалуйста, не открывай. Не нужно...

– Я быстро. Это ужин, – Игорь оставил короткий поцелуй на моих губах, поднялся и скрылся из спальни.

Меня захлестнула волна смущения, нет, не стыда, а имен-

но смущения, что мне было мало этих ласк. Я мечтала, чтобы Игорь стал моим первым мужчиной. Никогда не придавала значения этому акту, когда слышала скрип старой кровати в соседней комнате, пошлые охи и матерные слова родителей. Но сейчас млела от чего-то светлого и чистого, такого нежного и ни грамма не постыдного или грязного, каким представлялся ранее весь этот процесс. Это было прекрасное чувство – ощущать мужские руки на своём теле, горячее, обжигающее дыхание на коже и стук сердец! Словно я оказалась чистым листом бумаги, и Игорь теперь мог нарисовать на нем все, что ему только заблагорассудится.

Игорь вернулся спустя минуту с большим подносом в руках, поставил его на тумбочку возле кровати и встал надо мной, рассматривая потемневшими глазами. Не знаю, сколько длилась эта сцена, и о чем он думал, но я робела под его взглядом. Кожей чувствовала места, где останавливались его глаза, и снова ощущала эту тяжесть между ног. Это теперь всегда будет так? И как ему удавалось оставаться таким невозмутимым и сдержанным, когда каждая моя клетка, каждый нерв в предательском теле требовали разрядки?

– Ты похожа на ангела, – прохрипел Игорь.

Матрас прогнулся под тяжестью его веса, и он снова оказался сверху меня. Его губы делали со мной нечто невообразимое. Доводили до сумасшествия. Мир сузился до узких рамок, и перестало волновать совершенно все, что происходило за стенами этого номера. Осмелев, я переместила руки

на живот Игоря, ещё ниже... и коснулась твёрдой выпуклости, что прикрывали его боксеры. Он издал сдавленный рык и остановил движение моих рук, заглядывая в глаза.

– Ты уверена, что хочешь? – спросил он, нежно очерчивая пальцем контур моего лица.

Я сглотнула нервный ком и быстро кивнула, прижалась к нему и поцеловала.

– Я боюсь, что, если не почувствую тебя внутри, то меня разорвёт на маленькие кусочки, – сорвалось с губ.

Видимо, я вконец лишилась рассудка от страсти и не понимала, что говорю и делаю, но был только этот момент, здесь и сейчас, а все, что будет после – не имело ровным счётом никакого значения. Ни то, что нас ждали родители Игоря, ни Света – ничто и никто не мог бы меня разуверить в своем желании. Я пылала огнем и мечтала о новых ласках.

Мне казалось, я лишусь чувств от осознания, что бесконечно и безраздельно буду принадлежать только ему одному. Хотела рассыпаться на много-много маленьких осколков, чтобы больше никогда не собрать себя в единое целое. И чтобы каждая из этих частиц, подобно пыльце, разнеслась по Вселенной. Мои чувства мне больше не принадлежали. Я полностью растворилась в мужчине, что прижимал меня весом своего тела.

– Я люблю тебя, Игорь, – он замер, глядя мне в глаза, и молча накрыл своим ртом мои губы. Терзал их, а руками поглаживал внутреннюю сторону бедер, а затем избавился от

боксеров и его горячая и твёрдая плоть коснулась моего живота.

– Если думаешь, что я молчу и мне нечего сказать, – он оторвался от моего рта и заглянул в глаза, – то это не так. Я чувствую то же самое. Для меня уже давно нет никого важнее тебя и Маши. Я никому и никогда не дам вас в обиду, – он нервно сглотнул, когда я обхватила его спину руками и двинулась бедрами ему навстречу.

Чувствовала горячую плоть у своего входа и мечтала стать с Игорем одним целым. Боялась и одновременно желала этого момента, как никогда ещё ничего не желала за всю свою жизнь. Выгнула спину, врезаясь животом в его тело, когда почувствовала внутри резкую боль. Пальцами вцепилась в мужские плечи и закрыла глаза. Губы Игоря тут же нашли мой рот и поймали в свой плен. Боль смешалась с наслаждением и эйфорией, все чувства обострились, и я напряглась.

– Аня, расслабься, – Игорь продолжал осыпать поцелуями моё лицо. – Больно больше не будет, – двигался очень медленно и аккуратно. – Открой глаза, посмотри на меня.

Сердце бешено стучало в груди.

И я сделала так, как он попросил. Расслабилась и открыла глаза. От его затуманенного желанием и любовью взгляда перед глазами все поплыло. Губы Игоря спустились к шее, он проложил мокрую дорожку до груди и вобрал в себя сосок, постукивая по нему языком. Чувство дискомфорта и распирания внутри действительно стало меньше и плавно перетек-

ло в сладкую истому. Я откинула голову назад и раскрылась, выпуская его глубже. Я и представить себе не могла, насколько необыкновенными окажутся все эти ощущения.

За окном бушевала непогода, дождь, словно обезумевший, колотил по стеклам и смывал все мои страхи, всю ту жизнь, что была до встречи с Игорем. Теперь я понимала, что такое счастье. И растворялась в новых для себя ощущениях.

Не помню, как заснула, но, когда открыла глаза в номере стояла темнота. Игорь безмятежно спал рядом, а на тумбочке возле кровати стоял поднос с едой, к которой мы даже не прикоснулись. Я погладила Игоря по голове, ощущая вибрацию в груди от распирающих чувств. Я безумно любила, и мне больно и сладко было от этого чувства. Игорь лежал на кровати, а на его лице застыла безмятежная улыбка. Чёрные ресницы слегка подрагивали, грудь размеренно опускалась и поднималась. Свернувшись в комок, я вжалась в его тело и спустя какое-то время снова заснула. Не хотела ни о чем думать. Ни о завтра, ни о том, что будет через неделю или месяц, хотела, чтобы время остановилось, а мир замер в этом мгновении.

Глава 34

Соломон

Я стоял возле панорамного окна, капли дождя стекали по стеклу. Сложил руки на груди и невидящим взглядом смотрел в темноту, ощущая внутри... нет, не покой, но что-то близкое к нему. Что-то чего давно не чувствовал. Аня уснула, а я не стал будить, хоть и понимал, что она будет переживать, что мы не вернулись ночевать домой. Но плевать я на все теперь хотел свысока. Теперь, когда внутри больше и тени сомнения не осталось. Я никому в обиду ее не дам. И даже себе. Нет, наверное, даже не так – в первую очередь себе не позволю никогда ее обидеть. У меня духу не хватит причинить ей боль.

Полчаса назад я позвонил матери и сказал, что Аня сильно устала и уснула. Что мы попали под дождь, вымокли до нитки и вернемся завтра утром. И пусть все вокруг думают, что хотят. Мое сердце и душа, как бы банально это не звучало, принадлежали этой маленькой и хрупкой девочке, что свернулась калачиком на огромной кровати. В ней сосредоточился мой настоящий мир и... нет, сомнения никуда не ушли, но пришла твердая решимость, что без нее я и вовсе потеряю себя. Да и не было у меня столько сил, чтобы противостоять ее напору и искренности. Она, казалось, совсем

не знала границ и ничего не хотела слушать. Не знаю, что нас ждало впереди, не хотел об этом думать.

Прилег рядом с Аней, перебирал пальцами светлые волнистые локоны и смотрел на спящего ангела. Отчего-то вдох было сделать больно и смотреть на нее хотелось бесконечно, что я и делал, пока глаза сами собой не закрылись, и я не провалился в сон.

Проснулся резко, открыл глаза и увидел Аню. Она спала, свернувшись калачиком, возле меня. Она обычно в этой позе всегда и спала рядом с Машей. Я часто наблюдал за ними спящими, вставал раньше них и уезжал в офис, но перед тем, как уйти, заглядывал в их комнату.

От вчерашней непогоды не осталось и следа, только разводы на стёклах от дождя. В небе светило солнце, и день обещал быть прекрасным. Только я все равно не хотел никуда выходить из номера, хотел остаться с Аней здесь как минимум ещё на день. Вчерашний вечер и ночь окончательно все расставили по местам в моей голове. И теперь я знал, что все будет иначе в наших с ней отношениях.

Я поднялся с кровати, подошёл к тумбочке, на которой стоял поднос, взял с него стакан воды и осушил его залпом. Вышел из спальни, позвонил администратору и попросил принести завтрак в номер. Вчера мы так и не притронулись к еде.

– Привет, – услышал я позади тихий голос и обернулся, встретившись со смущенным взглядом.

Аня стояла у двери и держась за нее одной рукой. Я подошёл и заключил ее в объятия.

– Мы все проспали и теперь, наверное, Маша и твои родители сходят с ума от беспокойства.

– Не сходят. Ты уснула вчера, а я позвонил маме и предупредил, что мы вернёмся только сегодня.

– Игорь, я переживаю, как родители отнесутся, что мы... что я...

– Тсс, Аня, – я приложил ладонь к ее рту, заглядывая в глаза. – Никто и ничего плохого о нас не будет думать. Куда большее беспокойство вызывает у меня твой внешний вид... – прохрипел я.

Аня опустила глаза, и смущенная улыбка снова коснулась губ, а багровый румянец опалил щеки.

– Я сейчас оденусь, – развернулась и направилась в спальню, но я не позволил ей уйти, перехватил ее руку и снова заключил в объятия.

– Не так быстро, – впился в ее рот жадным поцелуем, раздвигая податливые губы языком.

Домой мы вернулись только к вечеру. Не знаю, кто кого сильнее удерживал в постели, но от Ани невозможно было оторваться. Я ощущал бесконечную потребность и желание касаться шелковистой кожи. Входил в неё медленными толчками и рассудок мутился, словно вспышки мелькали перед глазами, которые били прямо в сердце. Не думал даже, что еще способен испытать нечто подобное. Смотрел в ее ли-

цо, как она выгибалась мне навстречу, принимала каждый мой толчок и отзывалась с умопомрачительной нежностью, и недоумевал, как и в самом деле держался все это время? Точно подвиг совершил и теперь вот получал награду за длительное воздержание.

– Ты думаешь, Маша на нас обиделась? – спросил я у Ани, когда мы вышли из такси и направились к дому.

– Завтра мы реабилитируемся в ее глазах, – ответила она, счастливо улыбнулась и прижалась ко мне. – Я больше переживаю, как к этому всему, – взглядом обвела наши сцепленные руки в замок, – отнесутся твои родители.

– Хорошо отнесутся, – заверил я ее.

– Но я все равно очень волнуюсь. Одно дело, когда...

– Аня, – я остановился и взял ее лицо в свои ладони, заглядывая в глаза. – Всё будет хорошо, слышишь? Да, ранить может и взгляд, и слово, но если уж оба решились, то теперь только вперед. Зато представляешь, как обрадуется Маша?

– Нет, – Аня побледнела, а ее губы задрожали. – Давай пока не будем все афишировать? Догадаются – хорошо, но сами ничего говорить пока не будем.

– Хорошо, – я обнял ее, прижал к себе, чувствуя, как колотится сердце у неё внутри. Только не понимал, чего она боялась. – У меня ещё несколько дней, чтобы побыть вместе с вами. Вы можете остаться с родителями и потом вернуться через неделю? Я куплю вам билеты на самолёт и встречу в Москве. А можете улететь вместе со мной, – предложил я ей

варианты.

– Давай спросим у Маши? Это же ради неё эта спонтанная поездка, – я тоже помнил о предписаниях Стаса, что Маше необходимо поправить здоровье перед садиком и побывать на море, но так не хотелось возвращаться в пустой дом одному.

– Хорошо, – грустно улыбнулся. – Вы думайте, но завтра и послезавтра я целиком и полностью ваш.

– Ты и так мой, и я больше никому тебя не отдам, – сказала она, пристально глядя мне в лицо.

Такие простые слова, а сердце болезненно сжалось внутри. Я крепче сжал руку Ани. Скуп я был на слова, и на чувства редко когда расплылся. Отучился за эти годы, а с ней будто заново возродился. Из пепла боли и былой любви.

Маша выбежала нам навстречу. Повисла на моей шее и прижалась мягкими губами к щеке. В это мгновение я чувствовал себя абсолютно счастливым человеком. Родители, конечно, как я и предполагал, заметили перемены в нас обоих, но тактично сделали вид, что ничего не произошло. Мама очень любила меня, и уверен, что Аню со временем полюбит не меньше.

Следующие два дня я выполнял обещание, данное девочкам. Мы, наверное, обошли все побережье, побывали в цирке, в океанариуме, я снова сводил их в кинотеатр. По вечерам мы вместе с Аней укладывали Машу спать, я сидел на полу возле кровати и слушал ее тихий, вкрадчивый голос.

Мечтал, как только уснет младший из ангелов, увлечь старшего в свою спальню и не выпускать до рассвета.

Улетал я в Москву один. На сердце было грустно и тоскливо. А потом еще как представил, что почти неделю буду без девчонок, так и вовсе хотелось забыть обо всех условностях, посадить их в самолёт и везти обратно. Домой. Но Маше очень понравилось на море, и занятия живописью с моей матерью тоже приносили обеим сестрам большую радость. Я решил не быть эгоистом и дать девочкам возможность сделать свой выбор. Тем более, через неделю Аня сама выйдет на работу, а Маша пойдёт в садик, и это очень волнительный для обоих в жизни этап. Я же пока их не будет в Москве, завершу один важный проект и к их приезду разгружу себя, чтобы потом проводить с ними все свободные вечера.

В Москве меня ждал неприятный сюрприз. А точнее неприятный разговор, который я и так откладывал в долгий ящик. Не успел я и дня пробыть в Москве, как мне позвонила Света и предложила встретиться. Скрепя сердце, я согласился, потому что не имело никакого смысла и дальше игнорировать ее звонки. Пора расставить точки, точнее поставить одну, и обоим идти дальше. Но уже каждому своей дорогой. Мы договорились о встрече в том же ресторане, где и всегда встречались. Я приехал раньше и заказал кофе и десерты. Чувствовал себя отвратительно. В принципе так и должно быть, потому что примерно понимал, что последует

за этим разговором. Причинять боль другому человеку и ломать его надежды и ожидания – та еще миссия.

– Игорь! – все по той же отлаженной схеме: короткий поцелуй в щеку, сверкающий взгляд и тонна надежды в глазах.

Но надежду на наше общее будущее я больше не мог в ней поддерживать. Эгоистично с моей стороны все это время было держать рядом с собой ту, которую я никогда не рассматривал всерьез. Но до появления Ани, меня устраивали подобного рода отношения.

– Как дела? – аккуратно поинтересовалась Света, сканируя меня светлыми глазами.

Я смотрел в красивое и ухоженное лицо, а представлял совершенно другого человека. Неужели Света не чувствовала, что я ее не люблю? Зачем ей нужны такие расплывчатые отношения и человек, который был безразличен к ее чувствам? Хотя люди любят жить в иллюзиях, может быть, ее тоже устраивали подобного рода отношения? Как и меня, определенный отрезок времени.

– Отлично, – я сделал глоток кофе.

– Я так понимаю, по твоему настроению и холодному взгляду, что оттепели в наших отношениях не будет, и ты пришёл... – она осеклась и пронзительно посмотрела на меня стеклянным взглядом.

А ещё говорят, что женщины ничего не чувствуют...

– Да, я пришёл, чтобы сказать об этом тебе лично.

– То есть отставка? И кто твоя новая пассия, уж не та ли

малолетняя глупышка? – Света вздернула подбородок, сжимая в руках белую салфетку.

– Света... – я понимал ее чувства, но она сама себе все придумала.

Я никогда не говорил с ней по душам, не делился переживаниями, и тем более, прошлым. Отношения, построенные на сексе, в итоге сошли на нет, когда острота спала, а чувства ушли. В них не было глубины и души, не было и капли того, что я чувствовал к Ане. Они с Машей значили для меня так много, что больше места в сердце в свое время занимали только Ася и Наташа. Мне не нужен был успех Светы или ее ухоженные лицо и тело, я любил искренность и чувственность Ани. Мечтал касаться ее шикарных длинных волос и вдыхать их опьяняющий аромат. Рядом с ней я себя ощущал иначе и хотел сделать ее жизнь лучше. А она, эта жизнь, знатно помотала мою маленькую девочку, несмотря на юный возраст. И лишь внешне Аня походила на милого ребенка, но мудрости в ней было так много, больше, чем в любой другой. Я верил, что у Ани впереди блестящее и успешное будущее. Но его она выберет сама. Захочет ли она строить карьеру или вить семейное гнездо со мной – решать только ей. Я настаивать ни на чем не стану. Мне вполне хватало ее присутствия в жизни.

– Я и так была очень долгое время сдержанна с тобой, входила в твоё положение, молчала и не задавала вопросов о твоей прошлой жизни и трагедии. Я все понимаю, но я не

хочу больше сдерживаться! Ты...

– Света! – я оборвал девушку, чтобы потом она не сожалела о словах, сказанных сгоряча.

Возникла долгая пауза, Света смотрела на меня со злостью, жжала кулаки и долгое время не шевелилась, будто просчитывала свои ходы наперед.

– Будь счастлив! – светлые глаза сделались черными, и она окатила меня презрительным тоном.

Стакан с водой, что стоял на столе, оказался в ее руках, а в следующую секунду она выплеснула его содержимое мне в лицо. Я злорадно ухмыльнулся и бросил на нее гневный взгляд. Внутри закипала злость. Да, моей вины во всем этом было ни меньше, но по-другому я не знал, как поступить. Света с шумом поднялась из-за стола и, гордо вскинув голову, направилась на выход. Я же, вытерев салфеткой лицо, откинулся на спинку стула и не собирался ее останавливать. Точка, значит, точка! Внутри даже легче стало. И благо разговор не был долгим. Коротко и по существу. Дольше с мыслями и духом собирался. Теперь же предвкушал скорую встречу с девочками и небольшой сюрприз, который хотел приготовить для обеих. А Света... Будет счастлива, но только не со мной. Я точно не ее мужчина. Как и она не моя женщина.

Снег большими хлопьями падал с неба с самого утра. Я стоял в здании аэропорта и нервно поглядывал на электрон-

ное табло. Люди торопливо мелькали перед глазами. А я держал в одной руке огромный букет белых цветов для одного ангела и мишку для другого и нервничал как подросток, пришедший впервые на свидание. Чувство безграничного счастья и предвкушение долгожданной встречи выместили всю тоску, в которой я жил все эти долгие семь дней. Наконец объявили о посадке самолета, в котором находились девочки, два моих сокровища. Я высматривал знакомые силуэты среди толпы людей. И когда увидел Гнома, сердце сделало счастливый кульбит в груди. Наши взгляды с Аней встретились, и я утонул в её синих глазах. Направился им навстречу и прижал обеих сестёр к себе. Больше не выпущу из своих объятий. Это первая и последняя их поездка без меня. Теперь всегда и везде мы будем путешествовать все втроем.

– Я так соскучилась, – пищала восторженно Маша, обнимая меня за шею. – Мне столько всего нужно тебе рассказать! Я привезла для тебя рисунки! А еще камешки!

Я не сдержался и поцеловал Аню в губы. Пусть Гном привыкает, я не собирался больше ни от кого скрывать нашего счастья.

Маша схватила медведя и повисла на моих руках. Аня зарылась лицом в белых цветах. Я обнял девчонок, не в силах больше сдерживать счастливой улыбки, и мы направились на выход.

За неделю я сделал небольшую перестановку в квартире. И гостиную превратил в... детскую. Поставил елку и купил

ящик игрушек. Маша сама нарядит зелёную красавицу и будет полноправной хозяйкой своего маленького государства. А Аня переедет в соседнюю комнату. Ко мне в спальню. Надеюсь, всем придутся по душе эти перемены.

Глава 35

Аня

Мы ехали домой, дворники работали, как сумасшедшие, счищая снег с лобового стекла. После тёплой южной погоды, холодная Москва выглядела красивой новогодней сказкой – разноцветная, украшенная яркими огнями, многолюдная. А мужчина, что сидел за рулём и не сдерживал улыбки, наверное, был добрым волшебником, который нам эту сказку подарил. И только мне одной известно, как я скучала по нему всю эту неделю! Под конец разлуки тоска стала такой нестерпимой, что мне попросту казалось, я не доживу до этого момента, когда снова увижу Игоря. Это большая мука находиться вдали от любимых людей.

– Как мама и отец? – спросил Игорь.

– Вернутся в конце следующей недели, – отозвалась я, не сводя с него счастливого взгляда. – Спасибо, они прекрасны, – улыбнулась, вдыхая аромат цветов.

Страхи, что Игорь охладет ко мне за эти дни, теперь казались нелепыми и беспочвенными. Маша без умолку что-то рассказывала Игорю, о том, как они с бабой Леной научились красиво рисовать, как мы ходили гулять и что нового случилось у нее за эти дни. А потом внезапно спросила, разрешим ли мы ей на выходные ездить на дачу к бабе и деду.

Игорь вопросительно перевел на меня взгляд, на что я смущённо пожала плечами. Пусть сам решает, давать согласие или нет, но я приложила много усилий за эти дни, чтобы все мы вчетвером чувствовали себя комфортно на отдыхе.

С раннего возраста Маши, я, как могла, пыталась сохранить в ней детскую непосредственность, несмотря на все пьянки родителей. А этот вопрос и ее возбужденное состояние говорили о том, что все я делала правильно, когда пыталась отгородить девочку от всего плохого. Да, жизнь в поселке была тяжелая, но Маша не потеряла веру в волшебство. Не знаю, что я ощутила, когда впервые услышала, как Маша назвала Елену Александровну бабушкой, а отца Игоря дедушкой... Это было непередаваемое ощущение счастья, потому что ни бабушки, ни дедушки у сестры никогда не было. Скорее всего, мать Игоря сама попросила ее так называть, а Маша приняла это предложение, как увлекательную игру. И только я понимала, что это была не игра.

– Конечно, – отозвался Игорь, – если тебе понравилось с бабой Леной и дедом Сашей, мы будем чаще у них бывать. – Сильно не удивляйся, дома вас ждёт сюрприз, – произнес Игорь уже тише, окинув меня горящим взглядом.

– Да? – я пока не знала, как относиться ко всем переменам: внимание, цветы, лучистый мужской взгляд.

Наверное, как к новогоднему чуду? И та ночь... Стоило о ней только подумать, как низ живота превращался в огненный шар, а ноги хотелось свести вместе, чтобы не чув-

ствовать этой сладкой пытки. Так жестоко после всех ласк и откровений расстаться на несколько дней... Я в полной мере ощутила, что такое ломка и желание другого человека – неподконтрольное, сильное и всепоглощающее, которое превращало тебя в зависимое от этих чувств существо. Переместила взгляд на крепкие мужские руки, которые сжимали руль. Эти руки доводили меня до сумасшествия... Щеки вспыхнули румянцем, и я подняла глаза к лицу Игоря, поймав его потемневший взгляд.

– Ты так смотришь на меня, что я не уверен, что дождусь вечера... – повернулся украдкой в сторону Маши.

Сестра любила кататься на машине и смотреть в окно. Вот и сейчас, выговорившись, прильнула к стеклу и наблюдала за сменяющимися картинками. Рука Игоря легла мне на колено. Сквозь плотную материю джинсов я почувствовала жар от его ладони, а тяжесть внизу живота достигла высшей точки, когда он повел ею наверх. Я остановила движение его руки и посмотрела на него умоляющим взглядом. Эту игру и ласку немедленно стоило прекратить. Не то лишусь рассудка от остроты всех чувств. И Маша... Ей я так пока ничего и не рассказала.

Дома нас и в самом деле ждали сюрпризы: небольшой ремонт и перестановка. Но... я и так собиралась сегодня взять подушку, одеяло и перебраться жить в комнату Игоря. Маша не скрывала радости, когда увидела всю эту красоту в гостиной. С минуту стояла возле пушистой ели и, затаив дыхание,

смотрела на красавицу. А потом спросила у Игоря, в какой комнате будет жить Аня, если кровать одна, и она маленькая, чтобы на ней смогли поместиться два человека.

Немного позднее я обязательно поговорю с сестрой и все ей объясню. Наедине поговорю и расскажу о нас с Игорем. Потому что до этого дня я не хотела торопиться и торопить события. И лишний раз волновать сестру. Страх, что Игорь меня оттолкнет или, например, Света как-то помешает нашему счастью, ещё был, и я только ступила нетвердой ногой в новый жизненный этап. А под маской уверенности и счастливой улыбкой скрывалось много всего противоречивого. Я много чего не умела, была неопытной любовницей, а скоро должна ещё выйти на работу. Не знаю, как это все должна буду совместить и уложить в своей голове, но знала, что обязательно со всем справлюсь. С этими прекрасными чувствами внутри, у меня и не такое получится преодолеть. Как бы банально и глупо не звучало, но мне казалось, что моих чувств хватит на нас двоих с Игорем, и я смогу свернуть целые горы ради счастья и благополучия любимого человека.

Когда эмоции сестры немного улеглись, я оставила ее одну в своей комнате. Игоря отправила в магазин купить продуктов. Ремонт и перестановку он сделал, но чем питался все эти дни – неизвестно. Потому что в холодильнике было пусто. Я собиралась приготовить ужин и разобрать наши с Машей вещи. Закинула грязное белье в стиральную машину. Игорь тем временем привез продукты, и пока они с Машей

проводили время вдвоём в гостиной, я быстро справилась с рутинными делами.

Вечер прошёл бурно, а Игорь так соскучился по Маше, что вызвался сам ее уложить и почитать ей на ночь. А я направились в спальню, чтобы взять сменное белье и полотенце. Остановилась у шкафа, рассматривая новую обстановку, примечая, что в углу комнаты появился туалетный столик с большим зеркалом, и не смогла сдержать улыбки. Действительно, о каких глупостях я переживала эти дни! Игорь ждал нас, а я глупенькая боялась, что, встретив в аэропорту, скажет, что та ночь и все последующие в доме его родителей на берегу моря – ошибка, и предложит разъехаться.

Я скрылась за дверьми в ванную комнату. Слышала, как Игорь читал Маше ей любимую сказку, и от счастья хотелось плакать и смеяться одновременно. Мне ведь большего в жизни и не нужно ничего. Ни какой-то там достаток и самосовершенствование. Учеба и работа стояли на первых позициях в моей жизни, но Маша и Игорь... Ради них я готова была поступиться всеми принципами и любыми целями. Лишь бы видеть счастливые улыбки на их лицах.

Включила воду и блаженно прикрыла глаза, когда тёплые струи коснулись напряжённого тела. Я вымыла длинные волосы, все никак меня не покидало желание отстричь длину. И совсем не услышала, как дверь в ванную открылась. Игорь встал позади, вжимаясь в моё тело, а меня пронзила сильная дрожь, и из груди будто разом вышибло весь воздух.

– Маша спит, – тихо прошептал он, касаясь кожи, взял мочалку из моих рук и заново намылил мне тело.

Нежные прикосновения поднимали волну желания внизу живота, которое растекалось по всему телу. Игорь смыл пену, выключил воду, завернул меня в полотенце и отнес в спальню. Нашу спальню. Положил на кровать и принялся покрывать моё тело поцелуями.

– Как же я ждал этого дня. Всю неделю представлял, как по ночам буду держать тебя в своём заточении, – достал из верхнего шкафчика тумбочки серебристый квадратик и расположился между моих ног.

Восторг от его близости невозможно измерить простыми мерками, меня словно окутал чувственный туман. Резким толчком Игорь оказался внутри, а я не смогла сдержать стона. Мужская ладонь прикрыла мой рот, а глаза, охваченные огнем, распахнулись шире.

– Наверное, придется доделать последние штрихи и усилить звукоизоляцию в комнате, – двигался внутри меня мощно, сильно, а мне было так хорошо, что я готова была скулить хоть в его ладонь, хоть в подушку, но лишь бы он не останавливался.

Комната обрушилась на меня потолком и стенами. Словно я оказалась под завалами всех своих чувств и не могла сделать и вдоха. Тело била дрожь, и Игорь, сделав несколько толчков, уткнулся мне лицом в шею и глубоко задышал. Я не помню, когда мы уснули. Время будто останавливалось,

когда я находилась в его сильных руках. Засыпая в крепких объятиях, чувствовала себя бесконечно счастливой. И втайне мечтала, чтобы так было всегда.

Дни начали мелькать очень быстро. Я едва успевала за всеми событиями, что несли меня по своему стремительному течению. Первый день на работе и первый Машин день в садике мы решили отметить все втроем в каком-то уютном и красивом ресторане. Игорь забрал меня с работы, мы заехали за Машей в садик. Вошли в красивое здание и расположились за одним из столиков.

– И как прошел первый день? – в голосе Игоря я уловила игривые нотки.

Наверняка уже все разузнал у Стаса. То есть Станислава Борисовича. Тот подходил к нам сегодня раза три точно. И все три спрашивал, как у меня дела. А у меня все было отлично! Настолько хорошо, что я всеми этими прекрасными чувствами и позитивом хотела делиться с окружающими людьми.

– Все прошло отлично, – ответила я и улыбнулась. – Но вот это, – потянулась руками к голове, вытащила несколько шпилек, и длинные волосы рассыпались по плечам. – Тяжело носить весь день. Я все же больше привыкла с распущенными волосами ходить и, если ты не против, то ужин...

– Поздно, – сдавленно произнес Игорь.

Сжал с силой вилку, не спуская с меня потемневших глаз.

От этих взглядов у меня по телу дрожь пробежала, и внизу живота все судорогой сводило. Но я как-то даже не подумала, что такой безобидный жест вызовет в нем хоть какие-то эмоции. Взглянув на Машу, которая не спускала с нас глаз, я сделала вид, что не заметила напряженного состояния Игоря и беззаботно продолжила:

– Коллектив дружный, девочки общительные, уверена, что со временем ко всему привыкну. Вся специфику работы я пока только изучаю, но думаю ничего сложного в том, чтобы вносить посетителей клиники в картотеку, а их данные в компьютер – нет. С техникой разобралась, дело осталось за практикой.

Маша ерзала на месте от возбуждения, и по горящим глазам сестры, видела, что ей есть тоже, что рассказать. И когда я закончила, она сама вступила в разговор:

– Мне тоже понравилось в садике, со мной все играли, и никто не обижал! Я даже спала в обед вместе со всеми! – гордо подытожила она.

Я тепло улыбнулась и погладила Машу по голове. Мне весь день было непривычно находиться вдали от нее.

– Умница! – чуть ли ни в один голос мы произнесли с Игорем, и все втроем звонко рассмеялись.

Вечер прошёл изумительно. Как и ночь. Как все ночи. Игорь открывал мне какую-то новую меня. Я никогда не думала, что способна на такие сильные чувства. Все его прикосновения – это откровения чистой воды. И с каждым но-

вым днем внутри крепла уверенность, что ничто не сможет поколебать моей уверенности, что так будет всегда. Эти чувства делали меня сильной и похожей на ту Аню, которую я бы хотела видеть, и какой я становилась рядом с Игорем. Осенью я мечтала поступить в институт. Наверное, даже удастся к тому времени скопить приличную сумму денег, чтобы учиться заочно и не бросать работу. Я хотела пойти в медицину, мечтала о профессии детского врача или психолога, чтобы помогать детишкам преодолевать их страхи, быть рядом в трудные минуты. Не знаю, что из этого получится. Но мечтать об этом было очень и очень приятно.

Глава 36

Аня

На все выходные мы поехали к родителям Игоря. Остались там с ночёвкой. И я случайно стала свидетелем разговора между Игорем и его отцом. Ещё на отдыхе я почувствовала, что между мужчинами напряженные отношения. Но почему так – не понимала. Возможно, я не знала многих нюансов и подробностей их семейной жизни, но молча наблюдала за всем и делала определённые выводы, надеясь, что со временем их отношения все же потеплеют.

Поздней ночью, после ласк и горячих прикосновений Игоря, он поцеловал меня в висок и сказал, что хочет пить, и ему нужна передышка. Попросил не скучать и пошёл вниз. Я не собиралась идти за ним, лишь хотела прикрыть дверь, чтобы побыть в темноте. Но услышала тихий голос мужчин:

– Игорь, – отец остановил сына.

– Ты не спишь? – удивленным голосом спросил Игорь.

Не думала, что кто-то кроме нас не спит в такой поздний час. Мы и так вели себя очень тихо, я научилась сдерживать свои звуки и стоны.

– Нет, не спится.

– Посидишь со мной минуту? – услышала шум выдвигаемого стула.

Вышла из комнаты и присела на ступеньке. Понимала, что поступаю плохо, что подслушивать стыдно, но ничего не могла с этим поделать. Потому что меня не покидало ощущение, что разговор пойдёт обо мне. О нас с Игорем. И, возможно, я приоткрою завесу холодных отношений между отцом и сыном?

– Ты видно заигрался, сынок.

– Пап, – наверняка Игорь сморщил лицо. Он всегда так интересно и смешно хмурился.

– Нет, я не осуждаю тебя, но я не верю тебе и в твои чувства не верю, я боюсь, что ты поломаешь жизнь девочке. Ты видел, как она светится? Да что там, конечно, все ты видишь. Но и я вижу со стороны не меньше. Мать бы сейчас заткнула мне рот, видя, как ты счастлив. И я тоже в глубине души хочу верить, что так оно и есть. Но сам-то ты не обманываешь себя? Ты думал, что будет с этой девочкой потом? А с Машей?

– Отец! – строго произнес Игорь, и я снова услышала, как задвигались стулья. Точнее один стул. И тоже приподнялась, в случае если разговор между мужчинами окончен, тоже следовало уйти в комнату и сделать вид, что ничего не слышала. – Ладно, Игорь, твоё дело. Только глупостей не наделай. То, что ты к ней чувствуешь, в итоге либо слетит, как налет и отбросит тебя ещё ниже вниз, либо и вправду вернёт тебя к жизни. Я видел тебя после...

– Отец! – Игорь повысил голос.

– И достучаться пытался! Да, оттепель налицо. Но как на-

долго?

– Надолго!

Сердце в груди сжалось от боли.

Услышав шаги, я поторопилась скрыться в комнате. В висках стучало и... мне так хотелось верить словам Игоря. Чтобы эта связь между нами, и все чувства действительно оказались не налетом, который легко устранить, потому что... Потому что я не знаю, как справлюсь с болью, если Игорь очнется и придет в себя, скажет мне, что все это большая ошибка, а раны в его сердце несовместимы ни с одной женщиной. Почему-то чем дальше, тем отчетливее я начала понимать, что теряю себя и растворяюсь в человеке, который до конца мне не открылся. Временами я чувствовала его замкнутость. Но, тем не менее, не теряла надежд обрести свое счастье и гармонию с этим человеком. И если он делал такие встречные шаги, это ведь о чем-то говорило?

Игорь бесшумно вошёл в комнату, матрас прогнулся под тяжестью его тела. Он слабо коснулся губами моего виска.

– Ты спишь? – услышала я его ровный голос.

– Почти, – повернулась и вжалась в его грудь.

Хотелось просто быть рядом с ним. Пусть даже внутри него по-прежнему жили сомнения, и он никак их не показывал. Выводила линии на его груди и думала о том, что готова занимать вторые позиции в его душе и сердце. Но только пусть рядом будет и не замыкается.

– Ты слышала слова отца? – спросил Игорь, и я замерла.

Отстранилась от него и села в кровати. Поглядела в бледное лицо и кивнула.

Игорь плотно сжал челюсти и тяжело вздохнул. Я никогда не спрашивала у него о Наташе и Асе, что случилось с ними и как они погибли. Просто чувствовала, что это закрытая тема для обсуждений и не собиралась переступать границы дозволенного. Боялась сделать Игорю больно этими расспросами и причинить новые муки. В душе каждого человека есть скрытые уголки, которые лучше не давать никому увидеть. Игорь не говорил о прошлом, но я знала, чувствовала, что эта тема очень для него животрепещущая и тяжелая.

– Я вернулся домой с работы, а застал их убитыми дома... – бесцветным голосом начал он. – Подонок, какой-то неудачник, расправился с ними за деньги. За клочок бумажки. Это не случайная авария или какое-то несчастье. Это убийство. Хотя, наверное, неважно в итоге, как это случилось, но я не знаю, как это пережил, не знаю, как не тронулся умом, – шумно выдохнул и закрыл глаза. Его грудь часто-часто вздымалась. – Тот мерзавец умер в тюрьме, и лучше так. Потому что я бы точно не оставил его в живых. И, наверное, сел следом.

Я молчала, не знала, что сказать, смотрела в красивое лицо на дрожащие ресницы, на складку, что пролегла между бровями и чувствовала, как моё сердце наполняется болью. В груди стало тяжело. На секунду я представила Игоря в тот самый момент... и увиденная картинка буквально выбила

весь воздух из груди. На глаза навернулись слезы, когда я представила, как он переживал эту утрату, что чувствовал, когда смотрел на бездыханное тело своего ребенка и любимой женщины. Я забралась на колени Игоря и положила руки на его плечи. Он сидел, упершись затылком в стену, открыл глаза и смотрел мне в лицо потухшим взглядом.

– Отец думает, что я никого больше не в состоянии сделать счастливым. Порой я и сам так думаю, но рядом с тобой все по-другому.

Я обхватила его лицо ладонями и нежно коснулась уголков его губ.

– Я буду рядом, просто буду рядом и никогда от тебя не уйду. Но только ты не отдаляйся и тоже не уходи. Я на тебя не давлю и ничего не жду взамен. Я просто хочу быть с тобой рядом, – сбивчиво шептала я, покрывая лицо легкими поцелуями.

Не знаю, хватит ли моих сил и мужества терпеть такое соседство в лице призраков его прошлого, но иначе я не могла. Куда больнее жить, зная, что Игорь принадлежит кому-то ещё, что эти руки, которые сомкнулись на моей талии, будут ласкать кого-то ещё. Я сильная, очень сильная, и моей любви и чувств хватит, чтобы преодолеть море его боли.

Игорь потянулся и поцеловал меня. Пусть желание и тяга ко мне будут отправной точкой в наших отношениях, но я была уверена, что он испытывал ко мне трепетные чувства. Разве мог он быть таким чутким и ласковым, ничего не чув-

ствуя ко мне? Мог смотреть таким влюбленным взглядом, от которого сердце замирало, и я забывала обо всем на свете?

За весь день на работе я не успела даже присесть. Осталась без обеда. И на сообщения Игоря отвечала короткими и односложными словами. Шёл какой-то нескончаемый поток людей. Но работа все равно мне очень нравилась. И коллектив тоже, никто не лез в душу и не пытался высмеять девочку из глубинки. Казалось, никому до меня вообще не было никакого дела. Игорь, конечно, приложил много усилий, чтобы я чувствовала себя уверенно, помог мне с выбором одежды, да и поддержка, и отношение Станислава Борисовича тоже приносили свой вклад. Я словно оказалась в другом измерении и увидела новую жизнь. Да, интриги, склоки, сплетни – все это было и в стенах клиники, но воспринималось уже иначе. С каждым днем я обретала в себе больше уверенности, а когда получила первую зарплату, то и вовсе чуть не умерла от счастья. Игорь сказал, что заработанные деньги я смогу потратить, как мне будет угодно. Я решила, что начну откладывать сбережения на учёбу. А там видно будет.

На работе я часто ловила себя на мысли, что скучаю по Маше. Но сестра, кажется, втянулась в новый ритм, у неё появились друзья в садике, и по мне она не грустила. На работе я тоже общалась с девушками и обустроивала свой быт. Мне все нравилось и все меня устраивало. Наверное, даже о большем и мечтать сложнее. Но я сама по себе очень приземлен-

ный человек и отчётливо понимала, как бы могла сложиться моя судьба, не появившись Игорь тогда в посёлке.

О прошлой жизни не хотелось вспоминать, но это была моя часть и от неё, увы, никуда не деться. В чём-то я очень хорошо понимала Игоря.

Попрощавшись с Алисой, такой же молодой девушкой-студенткой, которая училась на последнем курсе в университете и с которой мы работали в паре, я выпорхнула окрыленная из клиники, предвкушая скорую встречу с любимым человеком. Игорь последние дни пропадал на работе, и его водитель забирал нас по вечерам с Машей и отвозил домой. Вот и сейчас я села в машину к Степану, и мы отправились в садик за Машей. Сестра сегодня на удивление быстро собралась и не задавала много вопросов. Я думала о том, что нужно успеть приготовить ужин и немного прибраться. Времени теперь на обычные дела оставалось совсем немного. Мы вышли из садика и забрались в машину. Полчаса езды и мы уже были у дома.

Снег ложился на плечи, и погода стояла замечательная. На выходных Елена Александровна предложила Маше составить им компанию с Александром Сергеевичем, а мы с Игорем были только рады возможности остаться наедине.

– Аня, – услышала я женский голос и обернувшись, увидела Свету.

Сощурила глаза, наблюдая за красивой брюнеткой, которая прожигала нас с сестрой пронзительным серым взгля-

дом. На ее черную шубку красиво ложился снег, и мне было очень далеко до ее красоты и роскоши. На секунду я даже ощутила себя гадким утенком. Но что она здесь делала? Снова ждала Игоря или приехала поговорить со мной? Я старалась не думать о том, что Игорь и Света, возможно, поддерживали общение. Да и когда всем этим было ему заниматься? Игорь не производил впечатления ветреного человека. А после того ночного разговора в доме его родителей я поняла, что не станет он распылаться на женщин. Он любил Машу, и мне хотелось верить, что и меня. На губах Светы мелькнула разочарованная улыбка.

– Ну, здравствуй... ребёнок, – произнесла, пристально оглядывая меня с ног до головы.

– Света, извините, но нам некогда, – взглянула в сторону Машки, когда сестра вцепилась в мою руку.

– Я не займу много времени, – гордо подняла голову Света.

– Маша, беги на детскую площадку, – попросила я сестру, чтобы она не слышала нашего разговора. Глупо избегать разговора.

– Я на самом деле просто хотела с тобой познакомиться.

– Зачем?

– Например, чтобы дать пару дельных советов.

– Извините, но...

– Я тоже думала, что у меня получится вытащить Игоря из его раковины. Ты, наверное, знаешь, что случилось с его

женой и дочкой? – в глазах мелькнул злой огонек, и я поняла, что она точно пришла давать мне недобрые наставления. – И вначале он и правда, казалось, был увлечён нашей связью, часто улыбался, и слова говорил красивые, и даже обещания...

– Зачем Вы мне все это говорите? – я сжала с силой кулаки.

– Затем, чтобы ты знала, что спустя время окажешься на моем месте. А он снова решит, что...

– До свидания! – оборвала я женщину, глядя в красивое и ухоженное лицо. – Если это окажется так, я буду счастлива, что какое-то время провела рядом с ним. Да, наивно и глупо, но в таком деле не может быть расчёта. Лишь чувства. И вера. Вы его просто не любили. Картинку красивую любили, но не самого мужчину.

– Ну-ну, – ухмыльнулась Света. – Такая глупенькая, – она смотрела долго и изучающе, а потом повернулась и грациозной походкой пошла прочь.

У меня внутри осадок остался от этого разговора. Но я решила, что ничего не скажу о нем Игорю. И девушку понимала. Только на ее месте никогда бы не пришла тревожить бывшего мужчину и его новую женщину. Да и зачем? Потому и не понимала мотивов Светы. Если хотела меня предостеречь, то напрасно. Я даже себя не слушала, то, что уже говорить о постороннем человеке? А глупенькая... так это и так было видно невооруженным взглядом, потому что безумно

любила Игоря и точно не за красивую внешность и достаток.

Глава 37

Соломон

День был насыщенным и тяжёлым. Закрытие года и финансовые операции требовали внимания с моей стороны. Я проводил последние дни на работе допоздна. Аня добиралась с работы с моим водителем. Я лишь утром подвозил ее к клинике, а Машу заводил в садик. Вот и сейчас ехал домой, взяв несколько папок с отчётами, чтобы вечером немного посидеть в спокойной обстановке. В одной из них, кстати, лежал отчёт на Аниного родственника. Я, честно, не успел ничего ещё посмотреть. Собирался вечером почитать его биографию, прежде чем говорить Ане что-то по этому поводу. Может, там такое чудо в перьях, что и расстраивать лишний раз не следовало. Возможно, и везти эту папку домой не следовало. Но иначе дело до него просто не дойдет. Припарковал машину и вышел на улицу, вдыхая грудью морозный воздух. С мамой я договорился, что завтра они возьмут Машку на выходные к себе, а мы с Аней побудем это время вдвоём. У меня заслуженные выходные, съездим по магазинам, чтобы выбрать подарки для родителей. Посидим где-нибудь, погуляем и ночью не будем ждать, когда беспокойный Гном заснет, и мы смогли бы остаться наедине.

Поднялся на десятый этаж, открыл ключом дверь и вошёл.

В доме стояла тишина, но аромат вкусной еды чуть ли не сбил меня с ног. Я прошёл на кухню, не раздеваясь, и положил на край столешницы папки. Подошёл к Ане сзади и прижался к ней, вдыхая приятный аромат ее волос. Руки сами легли на талию, а губы нашли чувствительное место на шее.

– Привет, – протянул я, поворачивая ее к себе лицом.

С макияжем и в этих коротких шортиках она выглядела очень притягательно. Не удержавшись, я впился поцелуем в пухлые губы. Хорошо, что я был завален работой, а то бы так и сидел в офисе, представляя, как все мужчины жаждут внимания моей Ани, и с ума от ревности исходил.

– Ты такой холодный, – Аня задрожала и улыбнулась, выскользывая из моих рук.

– Да, на улице похолодало.

Я вернулся в прихожую, снял куртку и повесил на вешалку, заглянул к Маше в комнату и направился в душ. Сегодня я решил наплевать на всю работу и побыть с девочками. Последние дни я все чаще и чаще ложился с рассветом. И на выходных я мечтал ещё отоспаться. Да, именно в такой последовательности: сон, Аня, еда, Аня, снова сон, Аня.

– Как прошёл день? – я устало присел на стул.

Аня сама недавно вернулась домой, Степан, мой водитель доложил мне, что ждал ее сегодня около часа, и Машу пришлось забрать раньше. Он ее и развлекал этот час, звонил и спрашивал, можно ли покормить девочку чем-то в Макдональдсе.

– Да, конец года. Помогала бухгалтеру с архивом. И мне так нравится эта работа!

– Я и не рассчитывал на другой ответ! – подыграл и таким же восторженным голосом произнес я.

Действительно, я только сейчас обратил внимание, что Аня всегда и всем была абсолютно довольна. Это я давно не получал от жизни такого кайфа. Хотя нет, конечно, получал. Каждый день по приходу домой, когда видел ее счастливое лицо.

Мы поужинали, Маша снова задавала массу вопросов, и я тихо улыбался, слушая ее размышления, почему у воспитательницы из садика такая страшная и высокая прическа. Казалось, ее интересовало абсолютно все. Все, кроме наших отношений с Аней и переезда сестры в мою спальню. Но не удивлюсь, если не обошлось без воспитательных бесед старшей сестры.

В общем-то, Аня отлично ладила с сестрой и уделяла ей очень много времени. Я даже ни разу не слышал, чтобы она за что-то сильно ее ругала. Маша подбежала к раковине, чтобы налить воды в стакан, но прежде спросила разрешения порисовать красками. Аня дала разрешение, но строго сказала, что уборка в комнате на вечер не отменяется. И после занятий рисованием эта обязанность по-прежнему числится за Машей. Я лишь ухмыльнулся, наблюдая за ними исподтишка. Маша неаккуратно повернулась, задела папки, что лежали на краю и те упали на пол. Несколько бумаг разлетелись

в стороны и девочка, зажав рот, сильно охнула и посмотрела на меня виноватым взглядом.

– Я сейчас все подниму. Я не нарочно...

– Маша! – Аня закатила глаза. – Иди к себе, – уже мягче и шумно выдохнув, продолжила:

– Я сама все подниму, не то воду разольешь.

Гном, не желая попадать под раздачу, ретировалась из комнаты. Аня поднялась со стула и подошла к разлетевшимся листам.

– Да ладно, там ерунда. Отчёты и бумажки.

Аня вдруг застыла на месте, а потом подняла с пола фотокарточку, всматриваясь в снимок, и перевела на меня вопросительный взгляд.

– Откуда у тебя этот снимок? – ее лицо сделалось грустным, а я поднял одну бровь и протянул руку взглянуть, что ее там заинтересовало. – Это мамин брат. Ты что-то узнал о нем, да?

Я взял в руки снимок и посмотрел в мужское лицо.

Медленно комната начала погружаться во мрак, а слова Ани расплываться, превращаясь в набор звуков. Я смотрел на снимок человека, который... которого уже не было в живых. И который причинил мне столько боли! Тот самый подонок и мерзавец – конченный наркоман, погубивший мою семью, разрушивший все светлое, что было у меня, смотрел на меня со снимка. Я застыл на месте, чувствуя, как внутри меня разрывались снаряды бомб. Аня что-то говорила, спра-

шивала, а я так и застыл с этим снимком в руках и не мог пошевелиться. Не мог вдоха сделать и выдоха тоже. Сжал плотно челюсти и словно в замедленной съемке перевел на Аню стеклянный взгляд и мечтал вырвать свое сердце в эту минуту из груди.

Я молча поднялся, положил снимок на стол и направился в прихожую. Накинул на себя куртку, взял ключи от машины и спустился вниз. Нет, никто и ни в чем не виноват, но... черт подери, меня разорвало на части от боли! Тяжесть в груди была такая сильная, что мне показалось, что в эту минуту на меня обрушилась Вселенная. И почему я не взглянул в документы и отчет ещё раньше – на работе? Но я даже и представить такого не мог. Даже в самом страшном сне предположить...

Не помню, как оказался внизу, как сел в машину и сколько времени сидел в холодном салоне. Но когда от холода зуб перестал попадать на зуб, я завёл двигатель и включил печку. Никто и ни в чем не виноват. Аня не виновата, но в эту минуту я не мог собрать себя в кучу. Мне казалось, что я исцелился и залечил все раны, но это не так... Это чертовски больно, спустя столько лет узнать, что я полюбил женщину, которая... Нет, в голове не укладывается! Это не может быть правдой! Я думал просто однофамильцы. Не может... А ведь я до последнего сопротивлялся этим чувствам и, как оказалось, не напрасно.

Внезапно раздался стук в окно с моей стороны, я повернул

голову и увидел Аню. Бледное лицо с дрожащими губами и безумными, испуганными глазами вывели меня из транса. Я разблокировал замки и открыл ей дверь. Она обошла машину, открыла дверь и забралась на переднее сидение.

– Игорьь... – дорожавшим голосом произнесла она мое имя, а мне от боли хотелось кричать на всю округу.

И лучше бы я вообще ничего не узнавал. Ведь недаром говорят, меньше знаешь... Ничего не хотел знать! И помнить тоже ничего не хотел.

– Я прочитала все, что было в папке на... этого человека, – только сейчас заметил, что она плакала, и поднял лицо, сжимая зубы.

Мука. Невыносимая и сплошная мука. За пределами машины кипела жизнь, люди сновали туда-сюда, а я не мог собрать себя по кускам. Как разорвало всего на ошметки, так и не знал больше, где и какая часть меня сейчас находилась.

– Я... Это он... Да? Их убил этот человек – мамин брат? Да? Игорьь? – я молчал, а Аня впервые повысила голос.

Но я не знал, что ей сказать. Точнее хотел сказать, но все слова застряли в горле, и я по-прежнему не мог сделать полноценный вдох.

– Пожалуйста, Игорьь, скажи хоть что-то!

– Аня, – сдавленным голосом произнес я. – Я не могу. Мне больно, – я больше не хотел скрывать этой боли.

Ведь недаром я говорил ей, много раз говорил, что отрезанный ломоть от жизни. Подсознательно держался до по-

следнего и не поддавался своим чувствам, и как оказалось, не зря? Но кто знал? Внутри был полный раздрай и неразбериха. Аниной вины ни в чем нет, но и я не мог просто взять и вычеркнуть все эти годы переживаний, отчаяния и лютой ненависти к человеку, который лишил меня самого важного и ценного в жизни. Девочки ни в чем не виноваты. Вся причина во мне и в том, что я сильно сломлен. Грудь часто-часто вздымалась, я смотрел перед собой и думал, что жизнь насмежается надо мной. Макает, как нерадивого и глупого щенка, в самую гущу дерьма и ждёт от меня дальнейших действий, и как я буду выпутываться из всего этого. Но в жизни сложно идти наощупь, не видя конечной цели.

– Аня, иди домой, я скоро вернусь, – тихо попросил я, глядя перед собой.

Не знаю, как, но я возьму себя в руки. Просто мне необходимо время, чтобы прийти в себя. Дверь закрылась, и Аня скрылась из виду. Я понимал, что она переживала не меньше моего, но, черт возьми, это не она хоронила маленькое бездыханное тело любимой и обожаемой дочери! Счастливые лица Наташи и Аси снова стояли перед глазами, и я ничего не мог с этим сделать. Сколько бессонных ночей я вытравливал их образы из своего сердца и памяти? И как теперь жить со знанием, что... Как? Как оказалось возможным, что девочка, которая вдохнула в меня жизнь теперь по новой ее отнимала, не приложив к этому ровно никаких усилий? Будто кто-то свыше наблюдал за нами все это время и на самом пике

нашего счастья сбросил вниз. Обоих. И не знаю как Аня, но я был сильно разбит. И не мог найти в себе силы даже на простой разговор. Я снова остался один на один со своей болью. У меня не было ровным счётом никого, кому бы я мог выплеснуть все свои переживания.

Наверное, спустя час с небольшим я вышел из машины, меня слегка пошатывало. Щелкнул сигнализацию на ключе и пошёл вверх в квартиру. Не знаю, что взяло в итоге надо мной верх, наверное, то, что я все-таки это уже все пережил, а Аня... Аня, она чувствовала себя беспомощной и одинокой, виновной во всех бедах моей жизни и, наверное, уже ставила на себе клеймо.

Я вошёл в квартиру и застал ее на кухне. Маша уже спала, Аня сидела на стуле, подобрав под себя ноги, и на столе перед ней лежала та самая папка, а лицо бледное-бледное, и губы дрожат. Снова напомнил себе, что все уже пережил, что прошлое осталось в прошлом и никто ни в чем не виноват. А тот подонок мёртв. И вживую она даже не видела его никогда и лишь вот на этих бумажках имела к нему какое-то отношение.

Скинул куртку прямо на пол и присел перед ней, положил ей голову на колени и тяжело вздохнул. Аня тихо всхлипнула и запустила пальцы в волосы. Она гладила меня по голове, когда я, как маленький мальчик, уткнулся лицом ей в колени и просто дышал. Тихо, размеренно вдыхал ее аромат. Затем резко поднялся и собрал все листы бумаг, что она разложи-

ла перед собой, скомкал, часть из них порвал, открыл окно, выпуская морозный воздух в комнату и выбросил все это, чтобы больше этой пакости в моей квартире и жизни не было. Всё, конечно! Аси нет. Наташи нет. Того подонка тоже нет. А мы – я, Маша, Аня, – есть! И я слишком люблю их обеих, чтобы позволить прошлому, которого уже нет, разрушить мою жизнь. Поднял Аню на руки, а она, словно тряпичная кукла, поддалась мне, обмякла в моих руках и смотрела своими синими бездонными омутами прямо в сердце, туда, где сосредоточилась вся боль. Аня и была той самой вакциной и моим исцелением. Несмотря ни на что. Моя.

– Игорь, мы завтра же уйдём с Машей. Я не знаю, как теперь...

Накрыл ее рот своими губами, поглощая все звуки. Уйдёт она... Как бы ни так! Никто и никуда не уйдёт. Я углубил поцелуй, чувствуя на губах солёный вкус ее слез. Никаких слез и сомнений. Никакого прошлого. Только светлые отголоски памяти. Все кончено. Именно в этот вечер и этой ночью спустя много-много лет я наконец-то отпустил двух близких людей.

Принес Аню в спальню, она тихо всхлипывала, а у меня под ребрами снова больно, но уже за нее, за моего белого светлого ангела. И если бы посмотрел все документы на работе, то в жизни бы ей ни в чем не признался. Она бы и не узнала о таком мерзавце. Сам бы все пережил. Прошел все круги ада и сделал вид, что ничего не произошло. Ее слез

никто и ничто не стоил.

– Не плачь, – я снова припал к ее губам, чувствуя, как она дрожит. Хотя это я провел в холодной машине черт знает сколько времени.

Положил Аню на кровать и медленно принялся снимать с нее одежду.

– Игорь, – она недоуменно и испуганно смотрела мне в лицо, а мне важно, жизненно необходимо было почувствовать ее тепло. Она ведь отогрела меня, вернула к жизни и говорила, что будет всегда рядом. Так отчего же сейчас плачет, когда я касаюсь ее тела напряженными и холодными пальцами?

– Это все в прошлом. Ни ты, ни Маша – никто ни в чем не виноват. А тот, кто виновен, получил уже давно по заслугам. Глупенькая, думаешь, я тебя отпущу и дам уйти?

– Но ты ведь ушёл, ты прогнал меня...

– Никогда, – я сбросил с себя одежду и навис над ней. – Никогда, слышишь? – резким толчком оказался внутри.

Аня вскрикнула и закатила глаза. Задрожала ещё сильнее и обхватила меня за плечи.

– Я люблю тебя. Ты моя, и никуда больше не отпущу от себя. Никому не отдам, – смотрел ей в лицо и толкался в неё, чувствуя, как рваные края раны срастались под этим растерянным и полным обожания взглядом.

Аня выгнулась мне навстречу, а ее коготки царапнули кожу на спине. Я вбивался в нее с силой, мечтая ощутить себя

так глубоко, заполнить ее собой без остатка, чтобы и мысли не возникло больше ни одной в ее голове, что она не нужна мне и вина ее в чём-то есть. Моя вина есть. Что не остался равнодушен, привез их сюда и безумно полюбил обеих девочек.

Позабыв о контрацепции и вообще наплевав на все, я излился прямо в Аню, всем телом содрогаясь от мощного оргазма. Сделаем ещё одну маленькую девочку – белоснежного и ласкового комочка, от вида которого будет замирать сердце. Привяжу девушку к себе всеми доступными и недоступными способами, но не отпущу. Никогда!

– Я люблю тебя, Аня, и никогда не позволю уйти. Разве возможно отказаться от человека, который вдохнул в тебя жизнь и заставил сердце снова биться? Ничего те бумажки не значат.

– Игорь... – снова всхлипнула Аня. Я все ещё был внутри нее, она обхватила меня руками за шею и нашла мои губы.

– Мне так нравится твой настоящий вкус без примеси соли на губах, – я ощутил нарастающее возбуждение и снова медленно задвигался в ней.

От крутых виражей этого вечера и ночи я ощущал лёгкое головокружение. Но не мог больше сдерживаться. Хотел утонуть в ней и всплыть другим Игорем. Без прошлого и будущего. Игорем, который жил только настоящим.

Эпилог

Аня

Жизнь такая сложная, многогранная и... прекрасная. Одни моменты оставляют на сердце рубцы, другие это сердце заставляют чаще биться от радости. А мое сердце вот уже как несколько месяцев билось в унисон с двумя маленькими сердечками, что жили внутри меня. На улице приятно пахло теплом и весной, хотелось выйти из дома и гулять, вдыхать свежий, опьяняющий воздух и просто улыбаться. Снег ещё полностью не сошёл, но тёплые солнечные лучи быстро с этим справятся. Я стояла у окна на втором этаже и смотрела как Игорь и Александр Сергеевич перетаскивали большие коробки в дом. Мы переехали к ним около месяца назад, когда врачи сказали, чтобы я побереглась и больше лежала. Гинеколог, который вёл мою беременность, подстраховывалась, чтобы мы с моими девочками доходили до тридцати четырёх недель. Поэтому у меня временно активировался режим хрустальной вазы и мы, обсудив на семейном совете, что вскоре и так потребуются помощь с Машей и ещё двумя детьми, переехали в родительский дом.

Елена Александровна в последнее время чаще брала к себе Машу, Игорь задерживался на работе. А я с двадцатой недели, когда загремела в больницу на сохранение, а там на

обследовании выяснилось, что у меня многоплодная беременность, на работу больше не вышла. И теперь преимущественно только и делала, что каждую неделю сдавала анализы и посещала врача. Не знаю, судьба это или что-то другое, но, когда узнала о беременности, сильно растерялась. Да, была готова к такой новости, когда мы перестали предохраняться с Игорем, но спустя полгода неудач уже ничего не ждала и просто плыла по течению размеренной жизни. Продолжала работать, заочно поступила в университет, выбрав специальность детского психолога. Поняла, что мне нравится заниматься с детьми, и я хочу посвятить этой профессии жизнь. Следующая сессия у меня должна начаться через три месяца, думаю, к тому времени я уже буду в строю и как-нибудь сдам семестр. Одна из малышек сильно пнула меня изнутри, и я обхватила огромный живот, поглаживая и успокаивая девочек. Ещё сама до конца не верила и не понимала, какое это счастье. Иной раз болело в груди и слезы наворачивались на глаза от осознания, что все это происходит со мной... нами по-настоящему.

– Анечка, ты уже встала? – в дверь постучалась Елена Александровна и вошла.

Я отвернулась от окна и поглядела в сторону женщины.

– Мы с Машей приготовили блинчики. Игорь приехал и привез последние вещи из квартиры. Ты спустишься к нам?

– Да, – тепло улыбнулась. – Скоро спущусь.

Оставшись одна, присела на кровать и поглядела на свой

живот. Ещё от силы месяц или полтора, и все мы встретимся с девочками. Наверное, больше всех их ждала Маша. Постоянно гладила мой живот и разговаривала с ним. Читала сказку. Пока ещё по слогам, но с каждым днем все увереннее.

На плечи Игоря легло много забот, и я понимала, что он сильно уставал. Последние две недели мы виделись с ним лишь по выходным. Но теперь, когда он перевез вещи и взял отпуск на месяц, уверена, будем видеться чаще. Мы не строили грандиозных планов на будущее, решили, дождемся рождения детей, а там будем налаживать быт и подстраиваться под ситуацию. Но как-то Игорь обмолвился, что присматривает дом поближе к Москве. Поэтому я не исключала возможности, что через полгода нас ждал ещё один переезд.

После той ночи, когда узнала, что мамин брат оказался тем самым подонком, который лишил Игоря всего самого ценного в жизни, мне казалось, земля раскололась пополам, и я лечу в преисподнюю. Читала строчки в документах, и они плыли перед глазами, а сердце сжималось от боли. Виски пульсировали. Я на всю жизнь запомню эту агонию внутри. И ту ночь, которая стала переломной в наших отношениях. Нет, все изменилось не в тот день, когда мы попали под дождь, и случилась наша первая близость, все случилось в ту ночь, когда Игорь вернулся ко мне после того, как вскрылась страшная правда. Когда я, разрушенная и разбитая, сидела на кухне в слезах над этими бумажками и понимала, что это конец. Что я не смогу больше никогда и ничего у него

попросить. Что я каким-то образом была причастна к этой трагедии, и он всегда будет смотреть на меня, а видеть того подонка. Господи! Я как сейчас вспомнила ту ночь, весь тот кошмар, который выбил почву из-под ног. Как я пыталась сделать вдох, а грудную клетку уже давно прижало чем-то тяжёлым, и я лежала под бетонной плитой, не в силах шевелиться и дышать. Не в силах жить. Понимала, что это конец, и утром мы уйдём с Машей из его жизни.

Мне казалось, что я лишусь рассудка, когда все же нашла в себе мужество и силы спуститься вниз к Игорю. Увидела в окно его машину и поняла, что он никуда не уехал, а сидел в автомобиле у дома. На ватных ногах подошла к машине, постучала в окно, увидела его белое лицо, на котором застыло выражение муки, и все поняла... Поняла, что готова была уйти, лишь бы не видеть мучения близкого человека. Что он все ещё любил жену и дочь, а я буду для него постоянным напоминанием, о том кто лишил его семьи. Не знаю, зачем спустилась. Ноги дрожали, внутри все болело, в глаза будто насыпали песка, а меня всю искромсали лезвиями и посыпали на эти раны солью. Я не чувствовала ни одного живого места на теле и в душе. А Игорь попросил оставить его одного. Не помню, как поднялась наверх, но снова села возле бумаг и плакала. Навзрыд плакала, потому что ничего невозможно было изменить. Я безумно любила мужчину, но... Как теперь могла думать о совместном счастье после всего?

– Аня! – услышала голос Игоря и вздрогнула.

На щеках почувствовала обжигающие слезы. Совсем с безбрежностью стала сентиментальной. И почему именно сегодня и сейчас вдруг вспомнила о том дне? Игорь оказался рядом в ту же секунду, заметив моё состояние.

– Тебе плохо, что-то болит? Аня! – но я лишь покачала головой и крепко обняла его.

Прижалась всем телом и большим животом к нему и вдыхала его аромат. Ощущала биение сердца и готова была говорить ему бесконечно спасибо, что он нашёл в себе мужество и силы вернуться в ту ночь ко мне. Он не отпустил нас никуда с Машей. Он всегда был рядом. С той самой первой минуты, когда мы встретились с ним в посёлке. Когда вытащил меня из огня. Всегда...

– Все хорошо. Я просто стала немного эмоциональнее, – подняла лицо, встретившись с его глазами. Сердце сжималось от счастья и осознания, что все выходные мы проведём вместе.

– Нюта, ты меня так напугала! – он коснулся губами макушки моей головы и слегка сжал в своих объятиях.

– Вообще ты представляешь, сколько много женщин и слез скоро будет на меня одного? Я, конечно, мечтал о большой семье, но четыре женщины! Я что буду с вами делать? – Игорь рассмеялся, и его грудь завибрировала от смеха.

– Ты ведь и сам знаешь...

– Любить, Аня, конечно, любить и быть рядом. Потому

что это большое счастье, что я тебя встретил. Моё маленькое и хрупкое сокровище.

– Насчёт маленького я бы с тобой сейчас поспорила, – улыбнулась я, поднимая глаза к его лицу.

– Лучше не спорь, – прошептал он. – Ты всегда будешь для меня моей маленькой самой любимой девочкой.

Бонус 1

Соломон

В отпуске жизнь потекла в размеренном и спокойном ритме. Не нужно было ездить по работе и делам в Москву и проводить много времени в дороге. Перспектива пожить с родителями лишь на первый взгляд казалась заманчивой, на деле же я привык жить от них отдельно. Но Ане требовалась помощь, а пока я в бесконечных разъездах и делах, родители отлично справятся с ролью заботливых бабушки и дедушки, а я буду обеспечивать всей семье безбедное существование. Мы с девчонками заняли весь второй этаж, а одну из спален родители выделили под детскую для детей. Как отвезу Аню в роддом, займусь перестановкой и небольшим ремонтом в той комнате.

Вчера вечером за спиной у Ани и родителей, мы с Машей договорились улизнуть ранним утром на речку. Гном заметил из окна своей комнаты, как по утрам туман окутывал улицы и дома серой дымкой, и мечтала побывать у реки, чтобы поглядеть на это волшебство собственными глазами. Я и сам любил иногда приходить к реке. Вспомнить бы только, когда был в последний раз... Возможно, девочка глубоко внутри скучала по поселку, потому что жизнь в городе никогда не вызывала у нее столько восторгов, как здешняя при-

рода и красота. А может быть, ее таланты и тяга к рисованию тянули туда, где были источники ее вдохновения?

Выбрался из кровати, стараясь не потревожить сон Ани. Она тяжело вздохнула, а я замер, боясь ее разбудить. Она чутко спала последние дни. Но с таким животом и активными детьми, удивительно, что и вовсе спала. Смутно представлял, как сложится наша жизнь через две недели, так как на середину мая было запланировано кесарево сечение. Но ощущал себя безумно счастливым человеком. Настолько обезумевшим от счастья, что хотелось раскинуть руки в стороны и кричать об этом счастье целому миру.

Подобрал одежду и тихо вышел из комнаты. Маша уже была готова. За этот год она сильно повзрослела, а мне казалось, что они с Аней всегда были в моей жизни. И этой самой жизни я без них уже не представлял.

– Ты берешь с собой краски? – удивился я, глядя на большой рюкзак у нее за плечами.

– Нет, это не краски, я собрала немного еды с вечера. Мы устроим пикник на берегу реки, пока все спят.

– Уверена, что бабушка не спит? Они с дедом ранние пташки.

– Уверена, идем, – схватила меня за руку маленькой и теплой ладошкой и потянула на выход.

Я решил, что до речки дойдем пешком, иначе, если начну заводить машину, открывать ворота – точно перебудим весь дом.

В большом мегаполисе и бесконечной суете я совсем перестал обращать внимание на тихую и умиротворенную красоту. В поселке сейчас все цвело, играло буйством красок и ароматов. Зелень была такого яркого насыщенного цвета, что глаза слезились от резких контрастов после серой Москвы. Да, по сравнению с природой и ее красотой в поселке, где жили мои родители, столица была бездушным сгустком пыли. Каменными джунглями, так Аня называла иногда этот город. Мы пробирались с Машей сквозь туман, который рассеивался с каждой минутой.

– Как же красиво... – протянула счастливо Маша. – Я иногда скучаю по поселку, – вдруг заявила девочка, а я напрягся.

Вот так поворот. Она никогда об этом не говорила и даже не упоминала. По крайней мере, при мне.

– Скучаешь? – аккуратно поинтересовался я.

Мне стало интересно, по чему именно она скучала? По тому, что жизнь у них с Аней в том месте была не сахарная? Либо я чего-то не понимал.

– Да, по Пуховику. По своим игрушкам. Моя кукла, которую сшила мне Аня, сгорела в огне, а я ее очень любила. Нравилась наши прогулки с сестрой. У нас в лесу было особенное место. Аня брала с собой вкусняшки, и мы часто туда уходили, когда прятались от родителей, и сидели там. Она рассказывала мне сказки. Я боялась папу и маму, когда они выпивали, но с ней мне ничего не было страшно.

Вспомнив тот день, когда маленькая девочка глубокой но-

чью появилась на пороге моего дома и плакала навзрыд, прося спасти ее старшую сестру из горящего дома, почувствовал, как на сердце стало тяжело. Аню вспомнил и ее бледное лицо, перепачканное черной сажей, и как она, бездыханная, лежала на траве, и холод побежал по позвоночнику. Не хотел бы я снова пережить никакие утраты в своей жизни. И за одно только то, что теперь имел, готов был просыпаться с улыбкой на лице и благодарить бога за такие подарки.

– Я маленьким мальчиком тоже жил в небольшом городе и часто убегал к речке. Мама меня знаешь, как ругала, когда я ничего ей не говорил? – не хотел развивать тему о поселке, но, если Маша продолжит вспоминать, останавливать ее, конечно, не стану.

– Намекаешь, что и сейчас за этот побег нам влетит по первое число от бабушки?

– Нет, не думаю. Но от Ани мы получим нагоняй, будет обижаться, что ее не взяли с собой.

– С ее-то животом? – усмехнулась Маша. – А мы придумали вчера имена для девочек!

– Что? – рассмеялся я и скривил лицо.

Много раз я пытался с Аней заговорить на эту тему, но она была непреклонна. Говорила, когда девочки появятся на свет, тогда и придумаем. Но я вот был не согласен! Самое приятное время, когда можно строить мечты и думать о будущем.

– Ты, наверное, ее замучила вконец, и она назвала тебе

первые попавшиеся, чтобы ты заглотнула наживку, признайся, Гном, так и было? – но я хорошо узнал Аню за это время и понимал, что если уж она что-то вбила себе в голову, спорить бесполезно.

– Ну вот, ничего не утаить, – она тоже улыбнулась в ответ. – Но имена я уже придумала! Сама! Пока вас дожدهшь-ся...

Мы спустились к реке, туман простирался белым покрывалом, и казалось, что ты паришь в облаках. С небольшой высоты в ясную погоду открывался живописный пейзаж на речку и раскинувшуюся за ней природу. Этот вид вдохновлял, успокаивал и питал силами. Зачем человек ищет какие-то сомнительные источники успокоения, прибегая к алкоголю и наркотикам? Всё куда проще устроено. Мы на восемьдесят процентов состоим из воды, дышим кислородом... А значит, должны быть ближе к тому, без чего не можем существовать. Жаль, что я сам об этом не так часто вспоминал. Вдохнув полной грудью, я прижал маленькое тело девочки к себе и улыбнулся.

– Как красиво, аж дух захватывает, – протянула Маша, озвучивая мои мысли. – Следующая на очереди баба Лена, – вдруг заявила она.

– Что? – я склонил голову и заглянул в ее лицо, не понимая, что она имела в виду.

– Расскажу ей, как красиво на реке, будем караулить туман и пойдем на берег, чтобы рисовать. Как думаешь, она

согласится в десятый раз? Предыдущие девять соглашалась сразу. И ты тоже с первого раза...

– Так ты оказывается, негодница, всех подговариваешь по очереди, чтобы тебя водили на речку?

– Ну, нужно же где-то черпать вдохновение! – искренне улыбнулась девочка.

– Ты меня на выставку пригласишь, когда станешь известной художницей?

Маша горела рисованием, жила этим, и они с мамой сильно сблизилась на этой почве. Каждый мой звонок матери, пока я был в Москве, начинался с рассказов, какая Маша талантливая и что ее будущее предрешено. На фоне этих разговоров и восторгов я нашел в Москве хорошую школу искусств и начал возить Гнома на занятия. Мне абсолютно неважно, выйдет из всего этого толк или нет, главное, чтобы Маша получала удовольствие и чувствовала себя счастливой.

– Да, нарисую много-много картин и всех вас соберу на своей выставке. А ты в детстве о чем-то мечтал?

Нужно почаще выбираться с Машей куда-то вдвоем. С ней так приятно и весело проводить время.

Натянул довольную улыбку на лицо и кивнул.

– На рыбалку с мальчишками ходили и мечтал поймать во-о-от такую рыбу, – развел руки в стороны и показал, о каком улове мечтал.

– И поймал? – ее глаза загорелись любопытством.

– Поймал! – схватил Машу, поднял на руки и закружился с ней. – И больше не отпущу! – ее восторженный визг и смех эхом разнеслись по округе, и я счастливо рассмеялся следом.

То, что Аня и Маша, две хозяйки я уже понял давно. Девочка набрала с собой много вкусностей. Даже про воду не забыла. Мы посидели на песке у реки, болтая обо всем на свете, и когда закончили, решили отправляться домой. Телефон я по глупости оставил дома. Но за полтора часа, что нас не было ничего плохого случиться не должно.

– Игорь! – мама выбежала с бледным лицом к нам навстречу из-за ворот, едва мы подошли к дому, и мое сердце от страха провалилось куда-то вниз.

Маша с силой сжала мою ладонь, и мы замерли на месте. А еще говорят, что дети ничего не чувствуют. Иной раз сильнее взрослых реагируют на все изменения. На интуитивном уровне.

– Аня! Кажется, начались роды...

Не может быть! Ведь срок еще не подошел. Вспомнил, как буквально вчера ночью прикасался губами к животу Ани, оставляя на нем легкие поцелуи. Гладил его, не веря, что там живут два крохотных человечка. И каждый раз, когда чувствовал слабые толчки, едва не вскрикивал от неожиданности и восторга. Осознание, что в животе Ани был ребенок, то есть даже не один, а целых два – наше с ней продолжение, опьяняло.

Услышав от матери шокирующую новость, я впал в сту-

пор и не сразу сообразил, что делать. Первой в себя пришла Маша. Отпустила мою ладонь и стремглав бросилась к воротам. Я пошел следом и, прежде чем войти в дом, разблокировал ключом машину и завел двигатель. Сейчас же поедем в Москву в перинатальный центр, где Аня наблюдалась.

Бонус 2

Аня

Игорь и Маша, конечно, наивные донельзя, думали, что за моей спиной организовали операцию «Барбаросса», разработав идеальный план побега, но я их обоих знала уже, как облупленных. Еще накануне заметила, как они весь ужин переглядывались, а Машка так и вовсе под конец перепутала мою ногу с ногой Игоря и смачно по той пнула. Значит, замыслили утром раннюю вылазку на речку. Маша давно восхищалась рассветами и закатами в поселке, все уши прожужжала. Меня она не просила сходить с ней на речку, потому как я дальше первого этажа и двора дома Соломоновых не выходила. А остальные члены семейства были вполне на это годны. И с завидной периодичностью внимали ее мольбам и вели на берег.

Игорь тоже попался на ее удочку и восхищенные рассказы. Утром он аккуратно выбрался из постели, боясь меня разбудить. Но я и так не спала. Последние дни внутри меня нарастало волнение и страхи. Словно снежный ком, они становились больше с каждой минутой, что приближала нас всех к встрече с девочками.

Как только за Игорем закрылась дверь, я со второй попытки все же сползла с кровати и, поддерживая огромный живот

рукой, подошла к окну. Смотрела на удаляющиеся фигуры Маши и Игоря, и тепло разливалось по телу. Более надежного и лучшего мужского плеча для нас с Машей и желать нельзя. Долго смотрела, пока они не скрылись за поворотом. И если бы не боялась сделать лишнее движение, то отправилась бы на прогулку вместе с ними. Но мне уже было очень тяжело ходить. Низ живота прихватывало чаще обычного, он каменел, и я ежеминутно прислушивалась к своим ощущениями, ожидая часа «X». На мои плечи возложена двойная ответственность. Я мечтала доносить девочек до более или менее безопасного срока, но понимала, что это будет что-то из разряда фантастики.

Вернулась в кровать и собиралась еще немного полежать, но внезапно ощутила теплую жидкость, которая потекла по моим бедрам. От волнения и паники я, кажется, на мгновение забыла, как дышать. Страх, что начались роды и жидкость, что стекала по моим ногам – околоплодные воды, фейерверком взорвал все мои эмоции. Руки и ноги задрожали, в голове зашумело. Я добралась до кровати и схватила в руки телефон, что лежал на прикроватной тумбочке. Позвонила Игорю, но звучная мелодия его мобильного разлилась по комнате, и я поняла, что он оставил или, скорее всего, забыл телефон дома. Тогда я позвонила гинекологу, что вел мою беременность. Плановый осмотр был назначен на завтра, а госпитализация в конце следующей недели. Но кажется мне, что сегодня уже все разрешится, и до следующей недели я

просто не дотяну.

Проштудировала кучу разной информации в книгах и интернете, и теперь знала, если излились воды, то экстренное кесарево мне гарантировано уже сегодня. В естественные роды меня никто не пустит. Слишком высокие риски с моей худощавой комплекцией и узкими бедрами. Да и не хотела я никаких рисков. Я готова все вытерпеть, любую операцию и боль, все что угодно, но только чтобы две крошки, которые жили внутри меня и просились наружу, появились на свет живыми и здоровыми.

Ирина Артуровна сказала не паниковать и собираться в роддом. Засекать интервалы между схватками. Но у меня от волнения даже перестало тянуть низ живота, не говоря уже о схватках. Лишь подтекала прозрачная жидкость. В переговорах с врачом и моих неспешных сборах прошло около полчаса. После того, как все приготовленные вещи были готовы, а эмоции частично взяты под контроль, я позвала Елену Александровну и сказала, что ждем Игоря и едем в роддом. Кивнула в сторону сумок и постаралась улыбнуться.

Полотенце, которым женщина вытирала руки, упало на пол, она села на кровать и судорожно сглотнула. Будто это не я сейчас отправлюсь на роды и встречу с девочками, а она.

– Господи! – только и выдохнула она. – Сейчас, детка! Ты только не волнуйся! Сейчас...

Но я и так сохраняла относительное спокойствие. Рано было поддаваться панике, пока не окажусь на операционном

столе.

– Тебе больно? Схватки начались, да?

Нет, я не чувствовала и грамма боли. Все вроде как обычно, кроме подтекающих вод.

– Воды отходят. Схваток нет, – отозвалась я ровным голосом.

Представляю, что будет с Игорем, если его мать так волновалась.

Елена Александровна кивнула, поднялась на ноги и бегом скрылась из комнаты. Я подошла к окну и спустя несколько минут заметила невдалеке две фигуры. Маша и Игорь возвращались с прогулки. А еще спустя пару минут увидела, как к ним навстречу выбежала Елена Александровна.

Смотрела издали на Игоря и почему-то улыбалась. Его ошеломленный и растерянный вид вызывал умиленные чувства. Первой в себя пришла Маша, отпустила руку Соломона и бегом бросилась во двор. Через минуту она уже стояла в моей комнате.

– Варя и Василиса просят наружу? – она подошла и коснулась живота.

Маша давно уже выбрала для девочек имена, хотя я до последнего отказывалась что-либо прогнозировать. А недавно призналась мне, что ездила с Игорем на квартиру, где мы раньше жили, и видела две кровати, огромную коляску и кучу всего купленного для девочек. Вот так за моей спиной новоиспеченный папочка все покупал и мечтал, как только

я уеду в роддом, обустроить наш быт.

Но я прекрасно понимала чувства Игоря. В моем сердце было ничуть не меньше любви и нерастроченной нежности на всех четверых. Еще и на пару мальчиков хватит. Но только спустя лет пять или семь, когда Маша перейдет в старшие классы. Учеба давалась нам легко, но я не хотела упускать ничего из жизни моей сестры. Интересовалась всем, что ее увлекало. Она очень серьезно подселла на рисование. И на этой почве с Еленой Александровной они достигли полной гармонии и взаимопонимания.

– Простятся, Маша, – я погладила ее по голове и прижала к себе.

Почему-то с наступлением беременности стала еще теплее и трепетнее относиться к сестре. Возможно, так играли гормоны, а может быть, потому что безумно ее любила, не знаю.

– Мы ходили с Игорем на речку. Он уже поднимается наверх. Можно я поеду с вами в больницу? – тараторила Маша.

Вот откуда, спрашивается, она все знала?

– Нет, Машуль. Останешься за старшую дома, а как только что-то решится, я тебе позвоню. Договорились?

Маша подавила вздох отчаяния, но послушно кивнула. В комнату влетел Игорь и застав нас с Машей обнимающихся, замер в дверях, всматриваясь в наши лица.

– Аня, я уже завел машину. Где твои вещи?

Вот и еще один паникер, кажется, пожаловал.

Я тепло улыбнулась и указала кивком головы на сумки, что лежали на полу.

– Сама спустишься? Или...

– Сама! – откликнулась я, улыбаясь.

Но улыбка уже выходила нервная, потому как я стала ощущать слабые прихватывания внизу живота. Совсем легкие, и не доставляющие дискомфорта, но, тем не менее, схватки. Много читала и понимала, что процесс родов не быстрый, но лучше поторопиться и выезжать в перинатальный центр. Я боялась что-либо прогнозировать, и мне спокойнее было находиться под наблюдением врачей.

Мы с Машей спустились вниз, я села на заднее сидение, ощущая себя Винни Пухом, застрявшим в кроличьей норе. Родители Игоря тоже вышли нас проводить. Елена Александровна стояла, прижав ладонь ко рту, а в глазах у нее блеснули слезы счастья. Я в это мгновение поняла, что на мои плечи сейчас возложена самая ответственная миссия. Я доносила девочек до тридцать пятой недели, хотя врачи говорили, что хожу неплохо и протяну еще две. Но не дотянула. На прошлой неделе мне прокололи какие-то уколы, чтобы в случае преждевременных родов легкие девочек раскрылись, и они смогли дышать. Поэтому мысленно, конечно, я была настроена на благоприятный исход, но, пока не услышу и не увижу своих крошек, волноваться не перестану!

Игорь все время смотрел на меня через зеркало заднего вида, и я не выдержала, чтобы не сказать ему, что мечтаю

добраться до роддома без происшествий на дороге. Заверила его, что чувствую себя хорошо. Он все переживал, что я буду испытывать боль, и сказал, что в момент операции будет рядом со мной. Возможно, он уже присутствовал на родах, когда появлялась его дочь Ася, и видел муки своей жены. Но никогда я не задавала вопросов и темы этой не поднимала. Даже когда Игорь заявил о партнерских родах. Я, конечно, изначально была против. Но успокоившись, подумала, что там партнерского – считай полостная операция, зато он первым увидит наших малышей и возможно подержит на руках.

– Аня, еще час и мы будем на месте, – сказал Игорь, а голос его дрожал от волнения.

Я и сама с каждым километром, который приближал нас к больнице, ощущала волнение и трепет. Мои руки тряслись, и я не могла больше собрать мысли в кучу. Жутко боялась лечь на операционный стол, но старалась думать больше о конечной цели. Только вот человеческий мозг устроен совсем иначе, а воображение рисовало ужасные картинки. Но ведь оно и в жизни так же: надейся на лучшее, а будь готовым ко всему.

– Хорошо, Игорь, – ответила я как можно более ровным голосом и в это же мгновение ощутила первую сильную схватку и даже вскрикнула, но больше от неожиданности, чем от боли.

– Аня? – лицо Игоря сделалось белым.

– Все нормально, Игорь, – я снова постаралась взять себя в

руки и держать эмоции и страхи, и даже боль под контролем и маской холодности.

Игорь привык видеть во мне всегда спокойного и уравновешенного человека, я не хотела портить его мнение обо мне. Даже когда пару дней назад получила от него предложение стать его женой, я не прыгала от счастья по понятной причине, потому как с животом сильно не попрыгаешь, но сильно не радовалась и ответила, что не представляю, как мы будем играть свадьбу с двумя детьми на руках. Игорь же, пожав плечами, рассмеялся, когда услышал эту отговорку, и заверил, что замечательно представляет, как у меня на руках будет одна девочка, у него вторая, а Маша и родители будут стоять позади. Все мы вчетвером будем похожи на прекрасных принцесс, наряженных в красивые белые платья. А вместо колец обменяемся детьми и скрепим брачный союз поцелуем. Выдумщик!

Спустя час мужчина уже сдавал меня в приемный покой. Суетился и постоянно спрашивал меня о самочувствии. Пытался делать вид, что ни капли не переживал, но складывалось впечатление, что переживал больше моего. Я переоделась, отдала ему все вещи, и он, пообещав, что скоро встретимся, поцеловал меня, отпуская с медсестрой.

Я сильно волновалась. Наверное, так сильно дрожала от страха лишь в тот момент, когда очнулась после пожара в больнице, а Маши рядом не было. И меня в ту минуту сковал ужас перед неизвестностью. Переживала за сестру, где

она, и что с ней, что с нами будет. Вот сейчас я испытывала примерно схожие чувства. Пока не увижу детей, не услышу «С вашими девочками все хорошо» спокойствия не ощушу. Но кто бы знал, что после их появления, спокойствия я и так больше никогда не почувствую, потому что отныне сердце окончательно разделится на несколько частей поровну, поделив эти кусочки между ними. Разве может не болеть сердце за собственного ребенка?

Бонус 3

Соломон

Конечно, я прекрасно отдавал себе отчет, что вел себя сегодня весь день как полный кретин, но я очень переживал за Аню. Особенно, когда она пыталась делать вид, что не волнуется, и храбрилась до самого момента, пока медсестра не забрала ее на УЗИ и ряд несложных обследований перед операцией. На интуитивном уровне ощущал все ее тревоги, и потому втройне переживал за все. Смотрел на нее, такую маленькую и хрупкую, и сердце сжималось, что ей предстояло вынести. Я ни разу на операционном столе не был и не хотел бы на нем оказаться.

Поднялся наверх в предродовую палату, облаченный в халат, бахилы, ощущая себя ученым, попавшим в закрытую лабораторию. Встретился с Аней глазами и понял, что сейчас пришло время, в первую очередь, мне собраться с духом. Помог ей надеть компрессионные чулки на ноги, попросил медсестру, которая зачем-то все время торопила и подгоняла нас, оставить на пять или десять минут одних. Подбородок Ани дрожал, а на глазах выступили слезы. Вот, кажется, и слетел ее твердый панцирь. Стер кончиком пальца слезы с ее лица и приобнял.

– Ну, и что ты плачешь? – тихо спросил я.

– Просто так. Мне сейчас делали УЗИ, сказали, что одна из девочек легла поперек, я бы все равно не смогла родить сама...

– Ты бы и так не смогла родить сама. Врачи не будут же перестраховываться просто так. Ты жалеешь, что ли, что тебе естественные роды противопоказаны? – удивился я.

Она коротко кивнула и шмыгнула носом.

– Просто страшно... немного.

– Я буду рядом, не бойся. Хорошо? Через час мы уже станем родителями. Я говорил с твоим врачом, у тебя будет спинальная анестезия, ты будешь в сознании, а я буду рядом и держать тебя за руку. Договорились?

Аня снова кивнула, тяжело вздохнув.

– Я готова. Не могу больше ждать и трястись от страха. Зови медсестру, и поехали в операционную.

Мне казалось, что я сплю, а все происходящее вокруг реалистичный сон. На моих глазах Аня превратилась из слабой женщины в сильного и выносливого человека, готового перенести любую боль ради детей. Раньше я и представить не мог, через что проходят женщины в момент, когда дают жизнь новому человеку. Это был титанический труд, как если бы мне поручили сдвинуть с места глыбу весом в тонну центнеров, что, естественно, было не по моим физиологическим способностям. Я присутствовал на родах Аси. Видел муки Наташи. А теперь вот и с Аней проходил этот путь.

Врач, проводивший операцию, показал нам первую девочку-

ку... и на моих глазах выступили слезы счастья. Как же она была прекрасна... В голове не укладывалось, что это маленький синий комочек – наша дочь. Вторая девочка тоже блистала своей красотой. Обе кряхтели и пищали, как маленькие и слабые котята. Я смотрел на детей во все глаза, не веря, что это были наши девочки... наши дочери... Сердце замерло от восторга. И не уверен, что хоть когда-либо теперь отомрет.

– Аня... Они прекрасны... – я наконец-то обрел дар речи. – Я люблю тебя, – я испытывал безграничную нежность и непередаваемый шквал чувств уже к трем девочкам, самым лучшим, самым любимым на свете.

Разве возможно описать словами чувства той невероятной любви, что переполняла сейчас мое сердце?

– Игорь, Вы можете пойти с нами и посмотреть на детей, пока врачи займутся Аней, – предложила Ирина Артуровна.

Я вышел из палаты на ватных ногах и отправился вслед за врачом. Чувство эйфории и радости меня не покидало и, наверное, не скоро ещё отпустит.

– Поздравляю! Чудесные девочки! Дети не рассекречивали свой пол вплоть до тридцатой недели, как истинные барышни держали интригу до самого конца. Скромницы, не иначе! – щебетала врач.

– Да, все в мать, – мне не верилось, что я стал отцом.

– С ними всеми все будет в полном порядке, – заверила Ирина Артуровна. – Малышкам необходимо побыть под наблюдением, окрепнуть, и тогда мы переведем их к матери,

и как только они будут готовы, приложим их к груди. А пока Вы можете приходить в детское отделение и смотреть на дочек.

– Они такие крошечные...

– Да, вес маловат, но при должном уходе они быстро наберут нужные граммы. А потом вы все вместе отправитесь домой.

– Спасибо, – поблагодарил врача.

Через большое стекло наблюдал, как девочек по очереди укладывали в прозрачные кюезы и подключали к мониторам. Интересно, Аня уже придумала им имена? Наверняка ведь придумала. Помимо наших дочек, рядом лежало еще несколько малышек.

Сердце сжималось от любви к этим двум маленьким существам. Такие чувства я уже испытывал однажды, и эту безусловную любовь ни с чем нельзя было перепутать. Какое-то время я стоял, наблюдая за детьми, и мне казалось, что мир замер. Некоторые моменты все же имеют привкус вечности. Такими маленькими, какими они были сейчас – девочки больше не будут никогда.

Вышел из детского отделения, взял в руки телефон и позвонил родителям.

– Аня родила, – сообщил я и услышал в ответ восторженный возглас Маши.

Кажется, она прыгала от радости, что-то громко верещала, но я не мог разобрать и слова. Сказывался напряженный

день. Но теперь некоторые страхи и переживания остались позади.

– Правда? Ну, наконец-то! С ней и детьми все в порядке? – выдохнула мама.

– Да, но малышки пока под наблюдением врачей.

– Ты их видел? – сыпались вопросы от родителей.

– Да, я был с Аней в момент их рождения.

– Поздравляю! – произнес в трубку рядом стоявший отец. – Я рад за вас, сынок, – в его дрожащем голосе послышалась гордость, и у меня снова защемило в сердце.

Давно я не вызывал у него чувства гордости. Но, кажется, теперь попал под амнистию.

– Спасибо! Я еще побуду здесь немного и приеду к вам завтра. Дождусь, когда Аню переведут в общую палату. До связи.

– До связи, сынок. Будем ждать!

Я написал Стасу СМС, что Аня родила девочек, и я стал отцом. На еще один разговор у меня просто не было ни сил, ни желания. Ноги сами привели в палату интенсивной терапии, где Аню оставили на несколько часов. Мне хотелось посмотреть на нее хоть одним глазком. Столько раз я недооценивал ее, считал хрупкой, слабой, но сегодня, понял обратное – из нас двоих слабым все это время был я. Это мне впрому было поучиться у Ани выносливости и стойкости. Столько всего взвалилось на ее плечи: смерть родителей, новая обстановка и жизнь, я, удар с той новостью о ее родственнике,

беременность, роды... Но она, как стойкий оловянный солдатик, крепко стояла на ногах и вместе с тем протягивала ко мне руки и поднимала меня с колен. Только рядом с ней я понял, что окончательно вернулся к жизни. Аня подарила нам двух детей... И да, возможно, женщины и мужчины по-разному относились к собственным детям, но что любили одинаково сильно – в этом я теперь нисколько не сомневался.

Бонус 4

Аня

Спустя несколько часов меня перевели в отдельную палату. Игорь заходил ненадолго, пока я еще была в ПИТе, но, видимо, меня обкололи какими-то лекарствами, а может быть, от всего пережитого, мне очень хотелось спать, я чувствовала себя так, словно находилась в прострации. И в то же время я понимала, что не засну, адреналин гонял кровь по венам на немыслимой скорости, и я мечтала поскорее подняться с кровати и пойти поглядеть на своих девочек.

Комнату заливал слабый свет, должно быть, скоро должен наступить рассвет. Первый рассвет для моих дочерей...

– Не спишь? – на пороге показалась фигура Игоря.

Он уезжал переночевать на квартиру, но, как и обещал, ранним утром вернулся ко мне в палату.

– Нет, – я слабо улыбнулась. – Ты их уже видел сегодня?

Я попыталась вчера перед его уходом первый раз после операции встать и едва не упала в обморок от резкой боли и головокружения.

– Да, – Игорь достал из кармана брюк телефон и показал мне несколько снимков.

Девочки лежали в кюветзах, обмотанные многочисленными проводами, словно паутиной.

– С ними точно все в порядке? – я забеспокоилась.

– Да, все хорошо. Они просто подключены к датчикам, которые следят за их состоянием. У них небольшой вес, поэтому это вынужденные меры. Но они обязательно окрепнут.

– Я хочу к ним.

– Я не знаю, стоит ли тебе вставать, – растерялся Игорь. – Ты едва вчера не упала...

– Пожалуйста! – взмолилась я. – Я хочу на них посмотреть!

Игорь помог мне приподняться с кровати. Боль внизу живота от шва была такой острой, что я пошатнулась, когда оказалась на ногах, и готова была выть от бессилия как раненое животное.

– Ты уверена?

Я с силой вцепилась в руку Игоря, наверное, у него останутся синяки от этой стальной хватки.

– Да, – желание увидеть детей было сильнее любой боли.

Я практически повисла на руке Игоря. Голова кружилась, но кроме слабости и ощущения распирания внизу живота, ничего другого я не чувствовала. Мне кололи обезболивающее, и врач обещала, что как только уколы перестанут делать, я в полной мере ощушу, что такое боль.

Мы прошли по длинному коридору и оказались в другом отделении. Подошли к большому стеклу, что занимало половину стены, и я увидела несколько кювезов с младенцами.

– Наши две справа, видишь?

Сердце снова замерло, точно, как и в момент, когда Игорь сжимал мою ладонь, а из меня извлекали девочек по одной и показывали нам. Малышки спали и выглядели такими крохотными и беспомощными. На глаза навернулись слезы. Неужели я теперь всегда буду плакать при их виде? Или, когда гормоны немного поутихнут, стану спокойнее на все реагировать?

– Какие же они крошечные... – прошептала я, не веря своим глазам.

Рождение детей – самая удивительная вещь на свете! Еще несколько часов назад они сидели внутри моего живота и ждали своего часа, чтобы явиться на свет, а теперь... я смотрела на них, и мне казалось, что они всегда были рядом со мной. С нами...

– Пойдем, тебе нужно отдыхать.

Мне не хотелось уходить и оставлять дочек одних.

– Врач не сказал, когда их переведут ко мне в палату? – с надеждой поглядела на Игоря.

– Нет. Пока они побудут здесь, но мы можем приходить к ним в любое время.

Мы вернулись в палату. Солнце уже окончательно встало. Яркий свет заливал палату. Игорь опустил жалюзи, взбил подушку и, указав на кровать глазами, сказал:

– Ложись. Тебе надо поспать. Ты быстрее так восстановишься.

– Не знаю, получится ли у меня уснуть... – чувство было

такое, словно я находилась в трансе.

Мысли одна за другой роились в голове, словно стая голубых пчел.

– Я поеду пока домой, в поселок. Родители оборвали мне весь телефон, – усмехнулся Игорь. – Думаю, если ты сейчас не отдохнешь, то потом у тебя просто не будет такой возможности.

– Ты имеешь в виду одновременный уход за двумя детьми? Я справлюсь! – заверила я его.

– Нет, я имею в виду, что ближе к вечеру тебя, наверное, захотят навестить родители, и тебе уже будет не до сна. Детей сюда не пускают, я узнавал. Так что мы с Машей побудем внизу.

– Ты не видел мой телефон? – спросила я слабым голосом.

– Он у меня. Ты собираешься кому-то звонить?

– Нет, скинь мне их фото, хочу еще на них посмотреть.

Только сейчас я обратила внимание на черные круги под глазами Игоря. Он вместе со мной со вчерашнего дня, наверное, толком и не спал. Это, конечно, не одно и то же... Но теперь я даже и представить не могла, что его могло бы не быть рядом в такой ответственный для нас двоих момент.

– Хорошо, но пообещай, что поспишь. А мы скоро вернемся.

Я согласилась, чувствуя, как слипаются веки. Немного вздремнуть не такая уж и плохая идея. Мне и в самом деле требовался отдых после мощной эмоциональной встряски.

Игорь присел на край кровати.

– Аня, – он погладил меня по голове. – Ты просто не представляешь, как я тебя люблю и как счастлив, что ты рядом со мной. Спасибо тебе за все, – он наклонился и коснулся губами моего лба.

Бонус 5

Соломон

Следующим утром погода разыгралась не на шутку. Пришли майские грозы. Крупные капли дождя отлетали от лобового стекла. Непогода разогнала всех прохожих. Я завел мотор, включил дворники и тронулся с места. Желание увидеть Аню и малышек вытеснило все остальные чувства, и я направился туда, где теперь было мое сердце. Где оно было всегда с момента, как я ее встретил.

На время, пока девочек не выпишут из роддома, я решил, что поживу в московской квартире. На выходные буду ездить к родителям в поселок.

Оставил машину на парковке и впорхнул, окрыленный и счастливый, в здание, поднимаясь в палату к Ане. Она лежала на кровати и пыталась кормить грудью одну из девочек. Вторая спала в кювезе. Их недавно перевели к Ане в палату, и малышки еще только учились сосать грудь. Аня смешно морщила нос и говорила, что ей больно и чувство такое, что дети пытались не сосать грудь, а как минимум ее съесть. Но акушерка говорила, что это с непривычки, и дальше все привыкнут к новым ощущениям.

Девочек мы называли Варварой и Василисой. Маша давно, оказывается, придумала им имена, и разве можно было ей

отказаться в таком маленьком желании? Она всю беременность не отлипала от Ани. И сейчас все уши прожужжала вопросами, когда она вернется с младшими сёстрами домой. Да, именно таковыми они для нее и будут. Разница в возрасте у них несущественная. А на счет имен... имел ли какой-то набор букв такое сильное значение, когда я просто любил их всех четверых?! Это чувство было окрыляющим, всепоглощающим, от него одновременно в сердце щемило от нежности и тяжёлым камнем тянуло его вниз. И так приятно было падать в бездну этих чувств.

– Ты сегодня не спала? – спросил я, глядя в лицо Ани.

Под глазами пролегли тёмные круги, и сама она сидела, опустив плечи. Через несколько дней девочек обещали выписать, если они не будут терять больше вес, а все показатели придут в норму. Но мы оба были готовы к тому, что после их рождения придётся полежать какое-то время в роддоме, пока они не окрепнут. Малышки родились на полтора месяца раньше срока. На улице уже вовсю цвела сирень, и пришло тепло. Девочки выбрали самое лучшее время года для своего появления на свет.

– Спала. Они сейчас почти все время спят, – ответила Аня. – Пока мне хватает времени выспаться, но дальше посмотрим. Мне кажется, что им мало молока...

Стоял и смотрел на Аню с младенцем на руках сверху вниз. Сгрёб бы их в охапку и не отпускал никогда.

– Это Варя или Василиса?

– Варя, – тепло улыбнулась в ответ Аня. – Самая вредная и капризная из девочек будет. Уже сейчас показывает свой характер.

– Как их ты различаешь? – перевел взгляд на другую дочку и вопросительно изогнул бровь.

Для меня они были одинаковыми, хоть номерки на запыстье вешай.

– Ничего, домой приедем, ты их по визгу научишься различать. Они даже кричат по-разному, – Анин голос прозвучал взволнованно. – Я каждую черточку на их лицах помню.

– Они чудесные, – присел рядом и смотрел, как девочка, жадно чмокая ротиком, сосала грудь.

– Как там Маша, извелась? Ты научил ее пользоваться телефоном, и она теперь постоянно просит меня скинуть ей фото девочек. Сегодня уже несколько раз разговаривала с ней по видеосвязи. Восторга было немерено.

– Она очень ждёт тебя, – подтвердил я. – Но последние дни я живу в городе. Завтра поеду в посёлок. Нужно кое-что доделать в детской и, считай, все готово к вашему приезду.

– Я уже дни считаю, как хочу домой, – грустно выдохнула она.

Мы ещё немного посидели с Аней вместе, девочки наелись по очереди и уснули, а мы обсудили планы на ближайшую неделю и выписку. Я поднялся с кровати, собираясь уходить, хотя и не хотел их оставлять. Подбадривал себя мыслями, что переждать осталось ещё от силы неделю оди-

ночества, и мы все снова воссоединимся.

На днях я ездил к Стасу отметить моё отцовство. Марина наготовила разных вкусностей. И я остался ночевать у них на даче. Это был единственный день, когда я не навещал Аню. Я планировал докупить все необходимое и возвращаться в посёлок, чтобы доделать ремонт в комнате, где мы будем жить вчетвером. Лето у меня выйдет очень насыщенным, потому что я буду разрываться между домом и работой, поселком и Москвой. Но если девочки окажутся спокойными малышками, то следующей весной я перевезу всю семью поближе к месту моей работы. Я присмотрел небольшой частный дом с ухоженным двориком, чтобы принцессы могли гулять и играть, не катаясь в лифтах многоэтажки. Наладим со временем быт.

Вышел на улицу, вдыхая воздух полной грудью, и счастливо улыбнулся. Несмотря на все, что случилось в моей жизни, я остался прежним Игорем со своей болью от утраты близких людей. Но встретив белокурую наивную девушку из глубинки, которая пленила меня своей мудростью и красотой, больше не думал об одиночестве. Даже сейчас, спустя столько времени, искренний и глубокий взгляд Ани трогал до глубины души еще больше прежнего. Наверное, это судьба, что я поехал тогда в Рыбачий и встретил ее.

И две дочери... Нет, я не думал, что это души моих погибших девочек, но какой-то смысл во всем этом присутствовал. Жизнь заиграла новыми красками с появлением детей, и я

готов был горы сворачивать ради их счастья и благополучия. Аня вдохнула в меня глоток свежих сил и вернула ощущение праздника в жизни, прочно привязала к себе стальными канатами, сплетенными из нежности, чувственности и любви. Дворники работали, как сумасшедшие, дождь шел стеной. Я остановился у дома, но выходить не торопился. Смотрел, как вода стекала по стеклам, включил тихо музыку и наслаждался умиротворением, которого давно не чувствовал. Последние несколько месяцев выдались весьма напряженными для всей семьи.

Внезапно раздался стук в окно с пассажирской стороны, и я, вздрогнув от неожиданности, повернул голову. Увидел расплывчатую фигуру Светы и непонимающе сдвинул брови. Разблокировал замки, девушка открыла дверь и забралась на сидение. Промокшая до нитки, с потухшим взглядом сидела на пассажирском кресле и смотрела мне в лицо. Какое-то время я тоже молча смотрел на неё, размышляя над тем, что привело ее к моему дому. Последний раз мы общались с ней пару месяцев назад. Даже и не вспомню, по какому поводу. Света всегда звонила первой.

– Привет, – тихо поздоровалась она.

– Привет, – я облокотился локтем о стекло и смотрел на неё, не зная, что бы мог сказать.

Просто ждал от нее объяснений, что она здесь делала. Тем более в такую погоду.

– Тебя можно поздравить? – в голосе послышалась грусть,

а в глазах отразилась бездна печали и горечи.

Всё я понимал и чувствовал, но что мог сделать? Со мной она никогда не стала бы счастливой. Я любил другую девушку и сидел сейчас в машине с бывшей любовницей, ничего к ней не чувствуя. Даже жалости. Это ее выбор, что она снова пришла ко мне. Я давно отпустил ее и не искал с ней больше встреч. Сердцу не прикажешь, я не мог заставить себя чувствовать к Свете хоть что-то, помимо обычной симпатии. Но даже и той в итоге оказалось недостаточно.

– Спасибо, – равнодушно отозвался я.

Что я мог ещё сказать? Любое слово лишь причинит ей новую боль. Оставалось держать дистанцию. Это самое разумное в данной ситуации.

– Как Аня и девочки? – аккуратно поинтересовалась она, будто ей и в самом деле это было важно.

– Нормально, – ровным голосом ответил я, отвел глаза к стеклу.

– Даже удивительно, правда? Мы столько времени встречались...

– Света, не нужно, – повернулся и поглядел ей в лицо умоляющим взглядом. – Я все понимаю, но ты лишь мучаешь себя, и мне душу рвешь в клочья. Я люблю Аню. Спасибо, что была в моей жизни, но мы давно поставили точку. Очень давно.

– Глупо, правда? – грустно ухмыльнулась Света в ответ. – Но я не за этим пришла. Я попрощаться пришла. Встретила

порядочного человека и уезжаю с ним в другую страну.

Даже так? Очень рад, если это на самом деле так.

– Я поздравляю тебя, – серьезно сказал я, глядя Свете в лицо, на котором и тени счастья не наблюдалось.

– Обещай, что если тебе когда-нибудь понадобится помощь или... – она запнулась и закусила губу. – В общем, знай, что я всегда буду рада тебя видеть и слышать, – потянулась и коснулась моих губ легким поцелуем. – Прости, что снова пришла, – сказала она, отстраняясь. – Прощай, Игорь! – открыла дверь и выскочила наружу.

Я ещё с минуту, наверное, смотрел на место, где несколько мгновений назад сидела бывшая, и думал, что в этой жизни все относительно. Света думала, что больно только ей одной. Но и у меня тоже болело внутри, потому что причинять боль другому человеку – миссия не из приятных.

Посидел ещё какое-то время в машине и вышел на улицу. Дождь уже прекратился, и сквозь темные тучи пробивались слабые солнечные лучи.

Бонус 6

Аня

Столько воздушных шаров, сколько я увидела в день выписки, я не видела ещё никогда в своей жизни! Больше всех ликовала и радовалась Маша. Бегала вокруг белых конвертов с розовыми бантами и заглядывала в них.

– Какие маленькие! Какие маленькие! – говорила она с придыханием, всматриваясь в крошечные лица.

Выписка удачно совпала с каникулами Маши. Никаких нам инфекций и лишних бактерий для неокрепших организмов, только отдых и куча времени, чтобы привыкнуть к новому ритму жизни. Но я и так за эти дни, кажется, привыкла и наладила маломальский режим. Вот сейчас девочки наелись молока и смеси и проспят пару часов. Затем буду кормить по новой и Варю ещё какое-то время качать на руках. Из них двоих она оказалась самой беспокойной девочкой. Василиса же практически все время спала и вес набирала лучше сестры. Ещё вчера я получила все выписки на руки, собрала часть вещей и передала их Игорю. Утром он привёз мне одежду на выписку. Елена Александровна тоже приехала и помогла собраться. Машу в роддом не пустили, и они с отцом Игоря остались ждать нас внизу.

На выписку приехал и Станислав Борисович со своей се-

мьей. Хоть мы и общались с ним довольно часто, но называть его так же просто как Игорь, мне все же было неудобно. Тем более долгое время я работала на него, и он был моим начальником.

– Поздравляю! – Марина со Станиславом подошли и вручили мне огромный букет.

Игорь прижал меня к себе и запечатлел целомудренный поцелуй на губах.

– Господи! Какие вы счастливые! – выдохнула Марина. – Так, Орлов, ничего не знаю! Через девять месяцев забираешь меня из этого же места с маленьким кульком в руках, – строго заявила она, а я не смогла сдержать улыбки.

– Это и в самом деле заразно, – согласился Станислав, глядя на нас сияющими глазами. – Ты как раз мечтала о девочке, да? – томно протянул он и прижал к себе супругу, заглядывая ей в лицо.

Игорь нанял фотографов и анимацию. Создал для всех нас сказку, и я предвкушала, как получу все снимки на руки и повешу их потом на стену в нашей комнате. Эти мгновения и каждую эмоцию на лице девочек, Игоря, Маши хотелось ежеминутно снимать на видео или фотографировать.

В напоминание о беременности у меня остался шов внизу живота, который выглядел не так уж и плохо, как изначально мне показалось, когда я впервые его увидела. Да и мелочью казалась эта отметина. Куда важнее был итог всех страданий и страхов: два сокровища, которые на руках держали

новоиспеченные бабушка и дедушка и светились счастливыми улыбками.

Через полчаса я уже сидела на заднем сидении внедорожника, окруженная детскими креслами. Родители Игоря приехали на своей машине, и Маша поехала вместе с ними.

– Такими темпами нам нужен будет минивэн, – Игорь тихо засмеялся, наблюдая за мной и дочками через зеркало заднего вида.

– Какими темпами? – мой голос дрогнул, и я посмотрела на него с крайним изумлением.

– Нет, я не об этом, – уверенно заявил Игорь. – Если ты, конечно, захочешь еще детей, они у нас будут. Но не так скоро, – тут же заверил он, заметив, как побелело мое лицо. – Я говорю о том, что Маше ещё рано на переднем сидении кататься. А места сзади не так много, чтобы всех вас рассадить. Отомри.

– А что, если я всегда теперь буду рожать двойни? Я читала в блоге про одну такую семью и, честно сказать, я, конечно, не против, но...

– Круто, – отозвался Игорь и рассмеялся. – Я куплю номерки и буду вешать на детей. Ты бы сразу сказала, что такая плодовитая...

– Игорь! – рассмеялась я следом, только сейчас понимая, что все это была шутка.

– Я просто соскучился по тебе, Аня. А мой отпуск закончился. Вот что за несправедливость? – в голосе Игоря по-

слышались нотки грусти и раздражения.

– Не переживай...

– Не могу не переживать, – перебил он меня. – Ты родила мне детей, я сделал тебе предложение почти два месяца назад, а ответа так и не получил!

Неожиданно смутившись, краем глаза я наблюдала за Игорем, теряясь в догадках, он серьезно сейчас говорил о предложении или снова шутил.

– А на свадьбе будет столько же шаров, сколько было сегодня на выписке?

– Ещё больше будет! И четыре красивых белых платья в пол, море цветов и куча улыбок. Ты согласна? – серьезно спросил он, и я тихо охнула.

– Звучит заманчиво, – восхищенно выдохнула я после небольшой паузы.

Наверное, каждая мечтала о пышной свадьбе и белом платье. И я была не исключением. А ещё представила, в каком восторге будет Маша, и улыбка расплзлась на моем лице ещё шире.

– Знаешь... – загадочно протянула я. – Обычно принято, чтобы молодой человек спрашивал разрешения у родителей невесты. Но так как у меня их нет, то тебе прямая дорога за благословением к Маше.

– К Маше? – ухмыльнулся он. – Ну, держись! Она все уши тебе прожужжит, и ты ещё сама будешь не рада этим словам, – заливисто рассмеялся Игорь.

Он сдержал свое слово. Маша теперь каждый раз, когда мы оставались наедине, спрашивала у меня, когда будет наша с Игорем свадьба. Обожала трогать маленькие ручки и ножки малышей, смотрела на них с такой нежностью, как я когда-то на нее смотрела, когда сестренка была такая же маленькая. Теперь я понимала, что материнский инстинкт проснулся во мне еще тогда, когда столкнулась с первым безразличием матери. Мне так больно было за маленький беспомощный комочек, который вдруг стал не нужен самому теплому и родному человеку на свете. Я стала для Маши мамой, сестрой, подругой и собиралась быть ею до самого конца. С появлением девочек это чувство даже возросло.

Парадокс, но мне казалось, что, родив своих детей, стану меньше уделять сестре внимание, но Маша так плавно вклинилась в наш режим и помогала мне с девочками, гуляла вместе с нами, мы ходили к реке и проводили много времени все вчетвером. Маша брала краски и мольберт, и пока девочки спали, я смотрела, как она рисует.

Первые дни после операции давались очень тяжело, но сейчас, спустя столько времени, мне уже казалось, что огромный живот остался в прошлой жизни. Смотрела на детей и не понимала, как они там умещались внутри меня. На Васю и Варю хотелось смотреть ежеминутно, перебирать маленькие пальчики, даже когда они не спали и капризничали, я редко поддавалась унынию.

На выручку, конечно, приходила и мама Игоря. С ней мне

было очень легко. И несколько часов в день я могла вполне уделить себе. Садилась за учебники и готовилась к сессии, но, правда, постоянно хотелось спать, и я мечтала уже поскорее все сдать, чтобы выделенное мне Машей и Еленой Александровной время, провести в сладком сне.

– Аня, – позвал Игорь.

Я сидела на кухне за учебниками.

Девочки легли спать, и до следующего кормления было еще пара часов. Я дала себе мысленную установку сдать сессию, которая начнется через две недели. А до следующей еще далеко, успею отдохнуть. Подняла голову и потеряла сонные глаза.

– Пойдем спать, ты хочешь объять необъятное, – мужская рука легла мне на плечо и слегка сжала его.

– Да, – отозвалась я и зевнула. – Идем, голова все равно ничего не соображает. Завтра в обед вернусь к этому граниту, который никак не сгрызу.

Мы поднялись наверх и по очереди поглядели в кроватку с девочками.

– Знаешь, я тут подумал, что от тебя не дождешься внятного ответа, и решил тебя подтолкнуть к одному шагу посредством шантажа.

Взял мою руку, слегка сжал, поглаживая ладонь подушечками пальцев.

– Что? – подняла лицо и встретила с его потемневшим взглядом.

Что Игорь имел в виду? Какой шаг? К интимной жизни мы уже вернулись полтора месяца назад. К каким еще шагам он собирался меня подталкивать?

– Должен же я на законных основаниях иногда требовать у тебя выполнения супружеского долга? – говорил серьезно, а сам улыбался.

Как же я обожала его улыбки. Вечно бы на них смотрела.

– Намекаешь, что пора надеть на него кольцо?

Он массировал мой безымянный палец на правой руке.

– Нет, намеки закончились. Ставлю перед фактом. Во-первых, у девочек должен быть отец, у тебя муж, а у Маши защитник.

– Наверное, и дату ты уже подобрал? – зная упрямый характер Соломона, уверена, он уже все придумал и продумал тысячу раз. Это с виду он занятой и серьезный мужчина, а со мной и девчонками озорной весельчак.

– Конечно. Ты не пожалеешь о своем согласии, – хрипло протянул он. – Согласна же?

– Как будто у меня есть выбор, – хмыкнула, кивнув на кровати. – Хотя бы дату мне скажешь?

– Даю подсказку. Конец августа.

– Мой день рождения? – вопросительно заглянула в лицо Игоря, и он утвердительно кивнул.

– Да, Маша дала мне согласие только с таким условием.

Я рассмеялась, но вспомнив, что в комнате мы были не одни, смолкла, хотя улыбка не сползала с моего лица.

– Нечто такое от вас и следовало ожидать, – звучало, не как укор, а как констатация факта. – Но так даже лучше. Ма-ша всегда знает, как будет лучше.

– О, да. Не могу с этим не согласиться, – Игорь притянул меня и заключил в объятия. – А сейчас я могу потребовать авансом выполнения супружеского долга?

Я закусила губу, а он засмеялся таким чувственным сме-хом, что по телу пробежали мурашки.

– А если скажу нет, ты успокоишься, и мы ляжем просто спать? – выдохнула, касаясь губами чувственного рта. Про-вела кончиком языка по губам, сливаясь в нежном и медлен-ном поцелуе.

– Конечно нет, – стянул с меня футболку и обнял, пробе-гая пальцами по позвоночнику. – Не позволю тебе даже мыс-ли такой допустить, что рядом с тобой смогу хоть когда-либо быть спокоен и невозмутим, – Игорь крепко обнял меня и увлек за собой, а я без малейших колебаний последовала за ним в темноту комнаты.

Бонус 7

Соломон

Иногда хочется остановить стрелки на часах. Особенно в минуты, когда внутри все распирает от сильных чувств, и ты понимаешь, что какой-то из моментов в твоей жизни больше никогда не повторится. Понимал, что запланированное на конец лета торжество станет большим событием для всей семьи. И давно мечтал сделать красивый праздник для Маши и Ани, они обе заслуживали сказки. Организовал выездную церемонию на дом. Пригласил Стаса, его семью и ещё пару близких друзей. Девочкам совсем скоро исполнится четыре месяца, они всю держали головки, пытались переворачиваться и наедали щеки. Я старался больше бывать с ними, но получалось, увы, не всегда. Аня не обижалась на меня и с пониманием относилась к тому, что я львиную долю времени проводил на работе. Но я все равно грустил, когда не получалось вернуться вовремя в посёлок. На моих плечах теперь лежала огромная ответственность, чтобы обеспечить нашу большую семью.

На торжество, которое состоится уже сегодня, я пригласил еще одного человека – маму Наташи. После трагедии мы поддерживали с ней общение постольку-поскольку, но пару месяцев назад женщина приехала в посёлок в гости, прознав,

что я стал отцом, и с тех пор стала частым гостем у мамы и Ани. Я никогда с ней близко не общался, но сейчас понимал, что женщина осталась одна, и визиты в наш дом и желание увидеть младенцев было не чем иным, как тоской по Наташе и Асе. И мог ли я запретить ей приезжать? Да никогда. Потому что понимал все, что творилось у нее на душе. Сам смотрел иной раз, как Аня возилась с дочерьми, и сердце сжималось от боли, ведь ничего этого могло не быть в моей жизни, если бы тогда не дал нам шанс.

Вера Александровна хорошо общалась с моей матерью, и я видел в них прекрасный тандем бабушек для Вари, Васи и Маши. Последняя проказница околдовала своим шармом и непосредственностью и эту женщину. Наверное, она самого дьявола околдовала бы своими чарами и ангельской улыбкой. Ее светлые локоны точно бы стёрли всю сажу с рогатого, а умные речи сбили всю спесь. Я уже предвкушал, как буду отшивать ее ухажеров и проводить кастинг на сердце и внимание этой принцессы.

– Игорь, ты уже полчаса сидишь на одном месте и смотришь в одну точку, – подошла мама и коснулась моего плеча. – Отец просил помочь ему на улице со столом и стульями.

– Да, иду, – отозвался, поднимаясь со ступенек.

Аня и девочки спали. Я встал рано, успел уже съездить в Москву и вернуться обратно. Хотел спать, последние дни выдались напряженными. Но сейчас помогу отцу расставить все на заднем дворе, выпью кофейку, а пока девчонки будут

собираться, вздремну полчаса. Регистрация назначена на два часа дня. Подгадывали сообща с Аней это время, чтобы подстроиться под бодрствование девочек. А когда сядем за стол, они уже потребуют кушать и спать. Аня ещё накануне заготовила для них пакеты с молоком. Те лежали в холодильнике. Такими темпами, какими они ели Аню, скоро придется покупать ещё один холодильник. А вначале она переживала, что ей не хватает молока. Им просто всем троим нужно было привыкнуть друг к другу и наладить режим. И питание Ани. Как только она начала высыпаться и есть чаще, все нормализовалось. Тогда я понял, что любые стрессы отражаются не только на ней, но и детях.

Прошёл по вымощенной дорожке на задний двор и помог отцу расставить стулья и столы. Вчера вечером бригада рабочих установила красивый подиум для сегодняшнего торжества. Я пригласил фотографа и видеооператора, нанял обслугу, согласовал с Аней и мамой меню и заказал все из ресторана. Никто ничего не готовил. Мама, правда, не удержалась и испекла большой торт. Но ее невозможно было заставить сидеть на месте. Они с Машей весь вечер колдовали на кухне, пока я подготавливал последние штрихи к сегодняшнему дню.

Вчера вечером я ездил в гости к бывшей тёще. Мы долго с ней разговаривали. Нестерпимо больно было говорить о нашей общей утрате. Но мне был необходим этот разговор. В одном из уголков моей души навсегда останется дыра. У

каждого из нас есть такие темные углы. И уверен, что такое место было и у Ани. Но мы приняли решение быть вместе до конца, у нас росло двое детей, и впереди нас ждало много счастливых дней.

Поднялся наверх, девочки ещё спали, но вот-вот уже должны были проснуться. Мы с самой выписки старались придерживаться режима. Возможно, с одним ребенком в нем не было необходимости, но, когда их было два, и девочки совершенно разного характера... приходилось чем-то жертвовать.

Я присел на кровать и погладил Аню по спине. Она потянулась, словно кошка и, протерев сонные глаза, улыбнулась, протягивая ко мне руки. Меня так же сильно влекло к ней. Наверное, ещё сильнее прежнего, ее тело после родов приняло более округлые формы, и мне все реже и реже хотелось выпускать её из объятий. Прилёг рядом и прижал к себе.

– Ты намекаешь, что необходимо попрощаться с холостяцкой жизнью? Я не против, – прошептала она, а я забрался руками под ее пижаму и провел пальцами по гладкой коже.

Но нашим планам не суждено было осуществиться. Варя подала голодный крик, и я обреченно простонал Ане в шею.

– Ничего не знаю, первая брачная ночь у нас стоит первой по плану после того, как все гости разойдутся. Уверен, что мама и Маша будут рады остаться сегодня ночевать в детской комнате вместе с девочками.

– О, да-а, – протянула Аня. – Эти двое от них не отходят. Александр Сергеевич пытается внедриться шпионом в их компанию, но пока безрезультатно.

– Намекаешь, что пора за мальчиком? Или мальчиками? Конечно, я шутил, видел, как Ане тяжело управляться с двумя маленькими детьми.

– Нет-нет, – тихо рассмеялась она. – Я пока не готова. Поднялся с кровати и подошёл к кроватке, взял Варю на руки. Аня была права, когда говорила мне еще в роддоме, что я научусь их различать не только внешне, но и по крику и интонации голоса. Варя была очень шумная и неугомонная девочка. Наверное, в меня. А вот Василиса, наоборот, пошла характером в свою мать. Сколько не смотрел на них, а чувства все те же, как и тогда, когда впервые увидел малышей. Сердце замирало, и смотреть на их кукольные лица хотелось бесконечно. А сегодня эти две сестрёнки сыграют одну важную миссию в нашей церемонии бракосочетания. Я ведь недаром обещал Ане запоминающийся праздник.

– Ладно, вы готовьтесь, а я пойду пока подремлю. Мне нужно много сил, чтобы доказать тебе, что супружеская жизнь лучше холостяцкой.

Аня встала, довольно потянулась и взяла дочь на руки. Я, когда видел ее растрепанную и после сна, такую юную и хрупкую с младенцем на руках, хотел, как минимум, ещё троих ей сделать. Чтобы у нее и мысли не закралось никогда, что я мог ее разлюбить.

Спустился вниз и лёг в родительской комнате, попросил маму разбудить меня через полчаса. Как раз к приезду сотрудницы ЗАГСа тоже приведу себя в исключительный вид, чтобы соответствовать нарядам своих принцесс. Определённо, спустя несколько лет стоит разбавить их компанию хотя бы одним мальчиком.

Мама разбудила меня в обозначенный срок. Вся красивая до невозможности: нарядная, с макияжем и улыбкой от уха до уха.

– Мама... – восхищенно проговорил я, потирая сонные глаза.

– Нравится? – она покрутилась вокруг своей оси.

– Очень! – горячо заверил ее.

– Давай, собирайся, через полчаса уже все будут готовы. Стас и Марина уже давно приехали. Это Мариночка меня так накрасила.

– А Аня?

– О, Аня!.. – восхищённо и с придыханием сказала мама. – Ты скоро сам все увидишь!

– Ну, отлично. Вера Александровна уже приехала? – спросил я.

На женщин сегодня была возложена важная и ответственная миссия держать наших дочерей.

– Игорь, не переживай. Все мы помним.

– Ну и отлично.

Я поднялся и направился в душ, необходимо немного

взбодриться. А потом облачаться в костюм джентльмена, рыцаря и принца одновременно. То есть в чёрный смокинг.

В доме стояла подозрительная тишина, и я не видел ещё сегодня Маши. Не удивлюсь, если затейница тоже готовила какой-то сюрприз или рисовала в своей комнате. Маленькая выдумщица.

Спустя полчаса я вышел из дома. Встретил Стаса и Марину, которые сидели за столом в обществе ещё двух моих хороших друзей и их жён. Все они о чем-то громко разговаривали, но заметив меня, замолчали, устремив взгляды в мою сторону.

– Вы поглядите, каков красавчик! Седина в бороду, бес в ребро? – съязвил Стас.

– Какая седина, Стас! – ухмыльнулась Марина и пихнула мужа в бок. – Мужчина в самом соку. Ему даже сорока еще нет! Он, кстати, помоложе тебя будет на пару лет!

– Заменяю тебя на молодую жену, договоришься! – пошутил Стас и все разразились дружным смехом. – Выглядишь так, будто собрался на съёмки кино о миллионерах.

Пожал руки мужской половине собравшихся, дамам подарил обворожительную улыбку. Мы немного пообщались и пошутили, а затем я пошёл встречать женщину, которая с минуты на минуту должна была приехать к нам на выездную регистрацию.

Я стоял на небольшом подиуме. Гости расселись на стульях. Почти все, как в кино, только для узкого круга род-

ственников и друзей. Ждал, когда Аня выйдет в сопровождении моего отца, который доведет невесту до импровизированного алтаря. Маше я купил огромную корзину с лепестками роз, а две бабушки держали наших принцесс, стоя немного поодаль.

Аня вышла из дома, держа под руку моего отца. Выглядела, как настоящая принцесса. Ее белое пышное платье, открытые плечи и длинные струящиеся волосы... У меня дух захватило, и я не смог сделать полноценного вдоха. Ничего более прекрасного и совершенного я еще не видел в своей жизни. Все взгляды присутствующих были прикованы только к ней. Кажется, во всем мире стихли все звуки в этот момент. Она смотрела мне в глаза и счастливо улыбалась.

Папа подвел Аню ко мне, и я взял ее за руку. Едва сдержался, чтобы не привлечь к себе и не поцеловать в губы. Не знаю, как буду держаться до ночи. Но уже был близок к тому, чтобы хватать ее на руки и тащить в свою пещеру, то есть в нашу спальню. Смотрел на красавицу всю церемонию и глаз отвести не мог, даже не знаю, о чем думал. Просто был счастлив, испытывал безграничное счастье и преданность. Счастье, что она со мной, что любила меня.

Я приготовил для Ани небольшую речь и хотел сказать при всех эти важные слова, но в последний момент передумал. Потому что это наше личное и нечто сокровенное, о чем будем знать только мы. Я и она. Не удержался и поцеловал ее под шквал аплодисментов.

– Ну, раз вы уже скрепили согласие поцелуем, – импровизировала женщина, – теперь пора обменяться чем-то другим, самым важным, что есть в вашем союзе, чтобы считать его зарегистрированным!

Бабушки активизировались и встали позади нас, прижимая наших дочерей к себе. Аня удивленно на меня посмотрела, но улыбаться не перестала.

– Я подумал, что девочки хотели бы принять в этом всем непосредственное участие, – пояснил ей.

– Предлагаешь вместо колец обменяться детьми? – Аня снова рассмеялась. – Ты не пошутил в тот раз, да? – неужели запомнила ту безобидную шутку?

Вера Александровна протянула мне Василису, а мама передала в руки Ани Варю.

– В вашей крепкой и красивой паре подрастают две прекрасные девочки, ваши дочки, каждую из которых вы любите безграничной любовью. Большого и желать невозможно! – на этих словах у Ани в глазах заблестели слезы, и она прижалась вместе с Василисой к нам с Варей.

Мне снова показалось, что на какое-то мгновение стихли все голоса, я ничего не мог разобрать, что говорила ведущая. Мы стояли все вчетвером, обнявшись. Маша не выдержала, подбежала к нам, протиснулась между нами и тоже крепко обняла.

– Объявляю вас мужем и женой! – услышали мы сквозь новый шквал аплодисментов.

Родители поздравили нас первыми, а после них подключились и все остальные. Отец взял на руки Машу, и мы сделали несколько общих снимков. Наверное, таким счастливым я был лишь в момент появления дочек.

– Игорь, я беру свои слова обратно. Помнишь, когда-то давно я сказал, что ты никого не сможешь сделать счастливым? Это не так, сынок.

Праздник был в самом разгаре. Аня отошла, чтобы покорить девочек. Я стоял возле стола и думал, что пора перекусить, когда ко мне подошёл отец и начал говорить эти слова.

– Мы с тобой давно не общались, как сын с отцом, и я помню те слова, что сказал тебе той ночью на кухне. Я ошибался. Благодаря этой девочке, я вижу перед собой прежнего Игоря.

– Нет, прежним я уже никогда не стану, – похлопал его по плечу и грустно вздохнул. – Да, долго сомневался в своих чувствах, сомневался, что смогу сделать хоть кого-то счастливым, но теперь понимаю, что это не так. Я просто снова люблю.

Отец тепло улыбнулся и крепко обнял меня.

Наверное, та поездка в Рыбачий поселок и встреча с этими девочками были посланы свыше, но говорить об этом отцу не стал. Я и так ощущал, что между нами произошло потепление, и отношения стали налаживаться.

– Я счастлив за вас. Вы прекрасная пара! – гордо произнес отец.

– Спасибо, пап, – улыбнулся я.

Да, с души упал камень. Я давно видел желание отца сказать мне эти слова и рад, что он произнес их именно в этот день, потому что прошлое давно осталось в прошлом, а я уже долгое время жил настоящим. Очень любил Аню и готов был любить ее всегда.

Бонус 8

Аня

– Ну-ка, цыц, трещотки! Прекратить ругаться на ровном месте! – из Маши получилась отличная няня-командир.

Несколько часов в дороге в бесконечном шуме, какой создавала «Святая Троица» на задних местах нашего минивэна, могли бы показаться кому-то испытанием, но для нашей семьи – обычное дело. Девчонки постоянно смеялись, придумывали игры и, в общем, никогда не давали нам скучать и мало походили в такие моменты на милых ангелочков.

После Машиной команды Варя и Вася присмирели и затихли. Девочки всегда слушались ее беспрекословно. Не знаю, чем она заработала такой авторитет у близнецов, но дома мы, шутя, называли Машу Фрекен Бок. И когда у сестры появился питомец, большая лохматая кошка, мы с Игорем в один голос заявили, что это будет Матильда. Она стала пятой девочкой в семье. Игорь шутил, что на нем проклятье, и его теперь всегда будут окружать одни женщины. Бабушка, наша соседка, умерла три года назад, а молодая кошечка, которая осталась без хозяйки, повадилась ходить к нам во двор и все время ластилась к Маше. Наверное, ее все животные любили. Пуховик ведь тоже тогда пришел из леса и остался с нами из-за нее.

Поздним вечером мы въехали в посёлок. В Рыбачьем я не была уже много лет. И не осмелилась бы поднять эту тему с поездкой, но Маша в последнее время сильно просилась в поселок. И мы с Игорем согласились. Да, у нас с сестрой было тяжелое детство и жизнь в этом месте, но почему-то человек так устроен, что несмотря ни на что, его нестерпимо сильно тянуло туда, где он обрёл себя, где прошли самые яркие годы его жизни. Как ни крути, но забота о Маше и последующая встреча с Игорем отложили большой отпечаток в моей душе, а трудности закалили характер и сделали той Аней, которая, наверное, не сломалась бы ни перед чем.

Внедорожник Игоря остался дома. Три года назад, когда девочки подросли, он купил минивэн. На дальние расстояния и всей семьёй, да теперь ещё и с Матильдой, мы могли ездить только на нем. В багажнике помимо вещей близнецов лежал Машин мольберт и все принадлежности для рисования. Сестра готовилась к выставке. Много раз она говорила, что мечтает снова съездить в посёлок, побывать в любимых местах, нарисовать местные пейзажи и была одержима желанием встретить Пуховика. Но сомневаюсь, конечно, что он ещё находился в этих местах. Дикий кот, как ни крути.

С Машей мы сразу договорились, что в посёлке пробудем максимум пять дней. Потом Игорю необходимо возвращаться в Москву, а девочки пойдут на занятия. Через год мы планировали отдать их в первый класс. Я же собиралась отправиться на первое собеседование в одну из частных клиник

Станислава. Диплом с горем пополам я осилила и только теперь, когда девочки подросли, могла задуматься о работе и карьере.

– Мама! Мама! – наперебой заверещали девочки.

Повернув голову, посмотрела, что опять не поделили эти сорванцы, я ухмыльнулась, заметив, что они стояли возле Матильды, и каждая тащила на себя бедную кошку.

– Варя! Вася! Отпустите Матильду. Вы же не хотите оторвать ей голову и хвост? – строго проговорила я. Удивительно, что кошка все это терпела. – Идите в дом, я сейчас тоже зайду. Скоро будем ужинать.

– Мама, ну разреши нам сходить на пристань за домом? – просили девочки.

– Нет, папа уехал в город, я иду готовить ужин, вы пока можете поиграть во дворе, но, чтобы я видела вас из окна! А позже, как поужинаем, все вместе ходим к реке? – предложила им такой вариант.

Маше я боялась доверить вести активных трещоток к пристани. Так она их иногда называла. Она безумно любила девочек и не отказалась бы с ними поиграть, но сестра приехала сюда рисовать. Вот и пусть рисует.

А я выберу время за эти дни, соберусь с духом и схожу к нашему дому, точнее к месту, где он когда-то стоял. Хотела посмотреть, изменилось ли что. Но, скорее всего, все было, как и прежде. Игорь вернулся спустя час, вошёл на кухню, а у меня чувство deja vu, как несколько лет назад он вот так

же заходил с огромными пакетами в дом и улыбался нам с сестрой. Он тогда мне казался таким большим и влиятельным. Я его боялась. Вспомнила все свои ощущения и страхи и улыбнулась.

– Ты чего улыбаешься и блестяшь, будто начищенный чайник? – он замер на месте и вгляделся мне в лицо.

– Просто, – пожала плечами.

Так непривычно. Будто и не уезжали никуда.

– Вспомнила об отчаянных обещаниях? – между мной и мужем все же была какая-то тонкая невидимая связь, иной раз мне казалось, что он умел читать мысли.

– Что? – я взглянула в лицо Игоря, хотя и так прекрасно поняла, о чем он говорил.

– Твоя притча. Забыла, да? А я все помню! Как услышал тогда от тебя эти слова, так и выпал в осадок. Маленькая, хрупкая, похожая на белого ангела, а такие слова говорила, будто жизнь прожила. А на деле ещё сама ребёнок.

– Я мама двоих детей, – сморщила наигранно нос. – И это не моя притча, я услышала ее от соседки бабы Стеши. Она тогда пыталась вразумить родителей этими словами, когда они каждый раз после попок клялись, что это в последний раз.

– Конечно, мама, – согласился он, пропуская мимо ушей грустные слова о моих родителях. – У меня на работе иной раз подшучивают, что я удочерил четырех девочек.

Игорь по-прежнему относился ко мне как к маленькой. И

после появления Вари и Васи лишь на словах говорил, что дети у нас еще будут. Но как-то обмолвился, что у него сердце кровью обливается от воспоминаний, когда держал меня за руку, пока я лежала на операционном столе. Сказал, что боится за меня, и с детьми пока повременим. Наивный. Чтобы с ними повременить, нужно постоянно предохраняться. А у меня уже задержка несколько дней. Ещё когда в поездку отправлялись, поняла, что месячных нет. А на носу собеседование... И, если вдруг окажется, что беременна, я, конечно, буду очень счастлива, но с работой опять придется повременить лет на пять. Впору открывать свой кабинет детского психолога и работать на домочадцев.

– Матильду забыл, – буркнула я и отвернулась к окну.

– А что там Фрекен Бок? Умчалась рисовать?

Игорь выглянул в окно следом за мной.

– Нет, с девочками играет. Завтра утром, сказала, пойдёт в работу.

– Красиво здесь, конечно, глянь, как им нравится, – Игорь смотрел на детей.

– Да, сейчас поужинаем и пойдём на пристань, они уже все уши прожужжали.

– На ту самую, где когда-то вас нашёл? – уточнил Игорь.

– Да. Но только Вале и Васе об этом говорить не нужно. А то завтра утром пойдёшь снова искать, но уже их. Как начнут выдумывать что-то, сам ведь знаешь, какая у них бурная фантазия...

Игорь рассмеялся и подошёл ко мне, обнял за талию и прижался губами к моим губам.

– Аня... – тихо сказал он. – Я говорил тебе, что люблю тебя?

– Много раз! Но мне кажется, что этих слов всегда мало.

– Я люблю тебя, – крепко обнял, вдыхая аромат моих волос. – Очень люблю.

После ужина мы все впятером вышли на улицу. Погода стояла изумительная. Начало осени выдалось очень тёплым. Я вдыхала полной грудью свежий воздух, держала за руки дочерей и ощущала внутри гармонию и спокойствие.

Матильда осталась дома за старшую. Мы договорились, что будем выпускать кошку только под нашим чутким руководством. Хоть любимица семьи и давно с нами жила, никак не проявляла своего разгульного и строптивного характера, но для ее же безопасности лучше посидеть дома.

Несколько дней пролетели очень быстро. Маша все ждала Пуховика, но того, кажется, и след простыл. Рано утром она уходила на пристань или в лес с красками и мольбертом и приходила лишь перекусить.

С Игорем и девочками мы проводили время не так интересно и плодотворно, как Маша, но вполне душевно: много гуляли, играли, пару раз ездили все вместе в город по магазинам.

Девочки уснули в обед, я оставила их на Игоря, а сама, накинув на плечи ветровку, пошла немного прогуляться. Не

удержалась и пришла к месту, где когда-то был наш с Машей дом. Стояла, смотрела на черную пустоту и голую землю, на которой после пожара так и не выросло больше ни одной травинки, и будто не уезжала никуда. Та Аня, девочка, которую я хотела в себе сохранить, никуда не делась. Немного подросла, а в целом, все такая же. Наверное, попрошу Игоря съездить на могилу родителей. Какими бы они не были, но я до последнего пыталась их тогда спасти. И в отличие от них, не брошу. Уверена, они там наверху смотрели на меня с Машей и о многом сожалели. Только я ни о чем сожалеть больше не хотела. Иной раз эти вспоминая и мысли, что я оставила их и не навещала их могилу столько времени, лежали на сердце тяжёлым грузом. Я поэтому так легко согласилась на эту поездку, ждала, когда девочки немного подрастут и окрепнут. Столько лет не была в поселке, а в нем за эти годы ничего и не поменялось. Стояла на родной земле и чувствовала себя той растерянной Аней, которая не знала, что ее ждало впереди после страшной трагедии.

– Аня, ты это?

Обернувшись, заметила старую скрюченную женщину.

– Баба Стеша? – взгляделась в морщинистое лицо и тихо охнула.

Никому мы не нужны были тогда в посёлке, и не хотела я афишировать своего приезда, чтобы пересудов было меньше. Пусть думают, что столичная семья в гости на выходные пожаловала. Меня и не узнавал никто, а Машу и подавно.

– Господи, какая ты стала... Если бы не увидела тебя возле вашего дома, то и в жизни не признала...

– Так изменилась? – грустно ухмыльнулась я.

– Конечно! Вон какая красавица стала. А Маша, что же, с тобой?

– Со мной, баба Стеша. Куда же я без нее.

Странное, непонятное чувство тоски и грусти сковало все внутренности. Я уже собралась сказать, что тороплюсь и идти к Игорю и девочкам, как старушка снова заговорила:

– А помнишь, кот огромный все ходил за твоей Машкой? Я замерла, и сердце забилося гулко в груди.

Мне хотелось найти и посмотреть на него хоть одним глазком. Ради Маши и хотелось найти в первую очередь. Не знаю, почему ей так дороги были эти воспоминания о Пуховике. Но мне казалось, если не встретим его и уедем, не повидав, то будто напрасно приезжали...

– Когда вас тот приезжий молодец-то забрал, кот ещё долго приходил на пепелище. Зимой последний раз видела его. А больше нет... Всю рассаду мне по весне топтал, окаянный. У соседей цыплят считал, как митинги устраивал в протест.

Сердце снова сжалось. Но ведь это всего лишь какой-то кот. Не мог он так привязаться к нам!

– И больше не видели его? – переспросила я, в надежде услышать хоть что-то ещё, хоть какую-то маленькую зацепку о нем.

– Нет, – махнула старушка рукой, и я поняла, что ничего

дельного она больше не скажет.

Вернулась домой с горьким осадком на душе. Видно, кот устал ждать и понял, что больше мы не вернемся, и ушёл обратно в лес или нашёл себе ещё какое-то пристанище. Ничего не поделаешь. Время упущено.

Следующим вечером после ужина мы долго гуляли в лесу. К ночи сгустились тучи, девочки и Маша уже давно заснули, а мы с Игорем вышли на крыльцо и какое-то время сидели на деревянных ступенях и слушали, как монотонно шумит дождь. Матильда забралась к Игорю на колени и тихо сидела с нами.

– Через пару дней выдвигаемся домой, – сказал Игорь.

Мою просьбу заехать на могилу родителей он воспринял с неким недоумением, но противиться не стал. Свозил меня на кладбище. Я прибралась, поставила цветы. На будущий год я решила, что снова приедем в поселок, и я сменю деревянные кресты на железные, потому как эти дышали на ладан.

– Да, пора. Почти неделю живём вместо пяти заявленных дней, – согласилась я. – Но девочки вроде в восторге.

– Ты ничего мне не хочешь сказать? – вдруг спросил Игорь, а я вся покраснела и сразу поняла, что он имел в виду.

Муж подвинулся ко мне и слегка приобнял за талию. Мы с Игорем хорошо жили, я совсем не лезла в его работу и дела. Лишь за редким случаем он иногда делился проблемами или победами, просил совета. Как-то мы больше общались с ним на тему дома, семьи, детей и общих интересов. И я

прекрасно понимала суть адресованного мне вопроса, Игорь заметил, что моя задержка несколько затянулась, потому что мы жили регулярной половой жизнью. Наверное, он посчитал в уме, что месячных нет уже довольно большой срок.

– У меня задержка, – тихо проговорила я, опуская глаза.

Да, случилось, мы не предохранялись, но эти дни, как правило, выпадали очень и очень редко. Но, похоже, оказалось метко. По приезду в Москву я собиралась сделать тест на беременность и потом уже говорить все по факту, если беременность подтвердится.

– И? – спросил Игорь.

– Я не знаю, беременность это или просто сбой.

– Хочешь, я завтра съезжу в город за тестами? Удивительно, как тебе хватает терпения и выдержки, – ухмыльнулся он.

– Так и хватает, – я грустно улыбнулась в ответ.

Вроде и мечтали ещё о детях, но так мне страшно и волнительно было делать тест. Тут за этих сердце кровью обливалось, а как представлю, что ещё один маленький комочек может появиться, так и вовсе не по себе становилось. Наверное, пока воспитаем и пустим детей в свободное плавание и взрослую жизнь, сердце превратится в дырявое сито от всех волнений и переживаний.

– Как хочешь. Но я готова потерпеть до Москвы, а там пойду сразу на приём к гинекологу.

– А сама ты как чувствуешь? – спросил Игорь, глядя на меня в лицо. – Мне начинать паниковать или пока повре-

менить?

– Не знаю, – и я говорила ему чистую правду.

С девочками я сразу почувствовала изменения, а в этот раз совершенно ничего не ощущала. Ни одного признака, кроме отсутствия месячных.

Бонус 9

Аня

Спать мы легли далеко за полночь. Звук дождя доносился сквозь открытую форточку. Матильда сегодня улеглась в нашей комнате, свернувшись калачиком у Игоря в ногах. После Маши он был вторым человеком, кого она выделяла своей любовью и вниманием в нашей большой семье.

Я уже почти провалилась в сон, как вдруг услышала непонятный звук, доносившийся со стороны окна. Будто кто-то пробирался через него в дом. Матильда подскочила на кровати и зашипела, словно сторожевой пес встала в стойку.

– Игорь! – толкнула мужа в бок, но он крепко спал и никак не реагировал на шум.

В окне и в самом деле виднелись едва различимые очертания огромной фигуры. Форточка была открыта, и я услышала тихое мяуканье, а по телу побежали мурашки. Вспомнила, что был у нас один житель в поселке, который любил забираться в дома через форточки. Подскочила с кровати и бросилась к окну. Пуховик уже взобрался по оконной раме вверх и стоял в форточке, глядя на меня. Удивительно, что в дом он так и не пошел. Неужели его смутила наша дама, или он чувствовал присутствие чужака на этой территории?

– Аня? – сонным голосом отозвался Игорь. – Ты что сто-

ишь у окна. Тебе плохо?

Я смотрела то на него, то на Пуховика.

– Игорь, Пуховик... – показала пальцем на окно.

Котяра едва помещался в огромной форточке. И, кажется, ни капли не изменился за эти годы... Игорь потёр руками сонные глаза, встал с постели, подошёл ко мне, взглянул на кота.

– Похож, – задумчиво произнес он и отвернулся к Матильде, которая не переставала злобно шипеть. – Ты погляди, в какую она встала стойку!

Я перевела взгляд на Матильду. Кошка увеличилась в размерах чуть ли не в два раза. Вздыбила всю шерсть и фырчала, словно встретила заклятого врага.

– Занятно, – хмыкнул Игорь и вернулся к кровати.

Присел рядом с Матильдой, погладил ее по спинке, и кошка немного расслабилась.

– И что мы так и будем полночи смотреть друг на друга? – обратился он к Матильде, которая не отводила сверкающих зелёных глаз от Пуховика.

Пуховик же передернул недовольно хвостом, спрыгнул с форточки вниз на землю и скрылся из виду.

Утро встретило нас яркими солнечными лучами. От вчерашней непогоды не осталось и следа. Я приготовила на всех завтрак и постоянно думала о вчерашней встрече с Пуховиком. Решила, что говорить Маше пока ничего не буду, чтобы не расстраивать ее, если вдруг кот больше не захочет прийти.

Взяла на себя такой груз ответственности, и Игорю сказала, чтобы ничего не смел говорить Маше. Девчонки, как ураган налетели за стол, поели и побежали играть во двор, радуясь солнцу. Маша собралась на прогулку.

– Ань, ты не знаешь где Матильда? – спросила она меня перед выходом из дома.

– Да кто ее знает! Ночевала с нами. Ушла, наверное, погулять, посмотри какая погода замечательная! Варя, кажется, выпускала ее на улицу рано утром, – вспомнила я.

Управляться с близнецами иной раз было то еще испытание. Девочки были полными противоположностями. Вася спокойная и покладистая, а Варя с шилом в одном месте. Последняя постоянно подстрекала сестру на какие-либо шалости, и за обеими нужен был глаз да глаз. Я пыталась найти им занятие по душе: пробовали с Еленой Александровной рисование. Но у них не хватило усидчивости, терпения и желания. Спустя месяц занятий мы поняли, что они не художницы. Вера Александровна предложила отвезти их в танцевальную школу. И вроде девочек это увлекло, но не всерьёз и ненадолго. А прошлой зимой мы все вместе отправились на каток, и на удивление, бойкую и решительную Варю это зацепило. Она потом ещё много раз просила Игоря свозить ее на каток, а спустя некоторое время я отвела ее в школу фигурного катания. И, конечно, пока рано что-то говорить, но Варя занималась в этой школе с удовольствием, ей нравились занятия и тренировки.

Вася же пока была ещё в поиске, и я вместе с ней. Всю голову сломала, чем увлечь тихую и покладистую девочку, чтобы в ее глазах горел огонь.

Закончив с обедом, я пошла собирать вещи. Игорь уехал в город за продуктами. В честь отъезда мы решили пожарить вечером шашлыки на улице. Девочки побегают во дворе, мы с Игорем посидим у костра. Я предвкушала замечательный и тихий вечер. Уложила девчонок на дневной сон, они на воздухе провели почти все утро и быстро заснули. Маша так и не вернулась с прогулки.

Вышла из дома, заметив машину Игоря. Он вылез из автомобиля и как-то странно на меня посмотрел. Достал пакеты с продуктами, и мы вошли в дом. Говорили шепотом, чтобы не разбудить дочек. На мои вопросы, где он так долго был, и что его задержало, ничего внятного не отвечал. Ну и ладно.

Игорь вымыл руки и принялся разделывать мясо под шашлык. Нарезал небольшими кусками, замариновал и отставил большую кастрюлю в сторону. Я все время сидела рядом и смотрела в окно задумчивым взглядом, размышляя о Пуховике, о его ночном визите, и о том, говорить ли Маше, что видела кота.

– Не знаю, как ты, но я не готов терпеть до Москвы. У меня в ветровке лежат два теста на беременность.

Так вот почему он такой задумчивый и странный весь день. Я подобрала под себя колени и обняла их руками. Поглядела на Игоря снизу вверх. Даже не знаю, почему так

страшно было сделать этот тест. Нет не потому, что не хотела ребенка, а представляла, что снова придется переживать все страхи и волнения... А что, если опять двойня? Хотя все же склонялась к тому, что с девочками нам просто повезло.

– Хорошо, – согласилась я.

Ведь глупо теряться в догадках. Тем более Игорю завтра ехать много часов в дороге. Уж лучше сейчас мы узнаем и отсечем любые страхи и переживания. Поднялась и прошла в прихожую, вытащила из кармана одну картонную упаковку и вернулась спустя десять минут с готовым тестом в руке. Я его ещё не открывала, положила в коробку, чтобы подождать указанное время. Но, кажется, прошло уже много больше, и я волновалась так, будто мне предстояло сейчас сдать важный экзамен.

– Ну? – Игорь серьезно всматривался в моё лицо.

Я тоже смотрела на него не мигающим взглядом. Он много раз говорил, что наш состав семьи его полностью устраивает и расширения он боится, ибо на моих плечах и так, считай, трое детей.

Открыла коробку и достала тест. На нем красовались две жирные и яркие полоски. Я прикрыла рот рукой и села на стул, охнув от удивления. Потому что по-прежнему не чувствовала в себе абсолютно никаких изменений. Ни недомогания, ни тошноты. Эта беременность, если это действительно она, отличалась от первой от слова совсем. С девочками меня клонило в сон и тошнило едва ли не с первого дня за-

держки. А тут ноль признаков уже довольно внушительный отрезок времени.

Игорь с минуту стоял на месте и не шевелился, глядя мне в лицо.

– Ведь после одного кесарева, я правильно понимаю, ты теперь сама родить не сможешь, и будет снова операция?

Господи. Он за операцию, что ли, переживал? Да это мелочи! Да, тяжело первый месяц было ходить с расплосованным животом. Но сколько женщин рожают таким путем и не один раз, а кто-то и по два, и три.

Обняла Игоря, а он словно отмер. Его руки сомкнулись на моей талии.

– Я бы переживала в твоём случае о другом. С твоим ведением, уверена, это будет ещё одна девочка, – тихо проговорила, едва сдерживая улыбку.

Игорь сильнее сжал меня в объятиях.

– Аня, как же я тебя люблю, – прошептал мне в шею, крепко прижимая меня к себе. – Завтра же возвращаемся в Москву, и ты записываешься на приём к гинекологу. Нужно исключить все риски.

– Так рано аппарат УЗИ ещё не покажет пол ребёнка, – и тут же ощутила слабый шлепок по ягодице.

– Ты поняла, о чем я. Мне абсолютно все равно, мальчик это будет или девочка. Хоть десять девочек будет, но главное, что наших. Общих.

– Ты лукавишь. Ну, признайся, тебе охота мальчика? –

спросила, заглядывая ему в глаза.

– Я буду рад ребенку любого пола.

Я не успела ничего сказать в ответ, почувствовала на своих губах быстрое, скользящее прикосновение твердых мужских губ.

Бонус 10

Аня

Вечер прошёл тихо и спокойно. Сильные волнения улеглись и осознание, что я снова беременна, вызывало трепет в каждой клетке. Внутри меня рос и развивался ещё один ребёнок. Я вспомнила Варю и Васю слабыми крошками с их маленькими пальчиками и умильными личиками, и уже мысленно настраивалась, что скоро увижу еще одну копию Игоря. Или себя. Интересно, как Вася и Варя отнесутся к тому, что у них появится брат или сестра? Но они уже достаточно взрослые, и ревновать не должны. Как-никак я дипломированный детский психолог, если начнутся проблемы, будем решать профессиональным путем с учетом приобретенных навыков.

– Аня? – позвала меня Маша. – Матильда так и не вернулась?

Я совсем забыла о кошке и вообще забыла обо всем на свете, даже о Пуховике и его вчерашнем визите.

– Да нет, крутилась, кажется, возле нас, когда Игорь раздвигал мясо, – вспомнила я.

– Думаешь, ей здесь так понравилось, что она теперь откажется ехать домой? – пошутил Игорь.

– Я бы хотела здесь ещё побыть, – с грустью сказала сест-

ра.

– И я! И я! – заверещали близнецы в голос.

– Ну-ка, цыц, трещотки! – рассмеялась Фрекен Бок. – Наелись? Пошли за мной гуськом, поиграем немного.

Когда девочки скрылись, Игорь слегка толкнул меня в бок.

– Я думаю, с Машей вообще не страшно хоть каждый год ходить в роддом за новым кульком. Она всех вынянчит.

– О да, – рассмеялась я и прильнула к Игрою.

– Аня, я немного переживаю за тебя, но исключительно потому, что ты душа этой семьи, а девочкам нужна крепкая и здоровая мама. Беременность – это чудесно, но я как взгляну на тебя иногда со стороны, такая ты крошечная у меня...

– Перестань. Хочешь сказать, если бы я была большая и крупная, ты бы меня каждый год в роддом отправлял за этими маленькими кулками?

Игорь рассмеялся.

– Выдумщица. Но все ты поняла.

Внезапно раздался визг близнецов, мы с Игорем подскочили на месте. Мое сердце забилося в районе горла от страха, что с девочками случилось что-то страшное, а и спустя секунды показалась Варя.

– Там Маша! И кот огромный, он сейчас на нее накинется! И Матильда! Быстрее!

Мы со всех ног бросились бежать в ту часть двора, где играли девочки. И застали весьма странную картину. Огром-

ный кот, раза в два больше нашей Матильды, сидел на заборе и смотрел на всех свысока. Я уже и забыла, каким красавцем был Пуховик. С его комплекцией он легко мог завалить этот старый скособоченный забор. Хвост Пуховика летал из стороны в сторону и, могу поклясться, я видела ухмылку на морде кота. И как он косился в сторону нашей общей любимицы Матильды. Словно он вернулся, чтобы пощекотать ей нервы. Как хозяин поселка, он восседал на заборе и рассматривал нас всех, размахивая хвостом. Машка стояла на одном месте и смотрела на него округлявшимися глазами, не в силах произнести ни слова. Столько всего в этот момент было отражено на ее лице: шок, неверие, радость.

– Вы чего раскричались на весь посёлок? – строго спросил Игорь.

– Мы за Машу испугались, когда она пошла к коту.

Пуховик никогда не шёл в руки сам. В редких случаях он позволял себе ласку и только к Маше. Вот и сейчас сидел, будто размышляя, достойны ли все здесь собравшиеся его внимания или нет.

Игорь подошёл к Матильде и взял ее на руки, погладил по вздыбившейся шерсти, немного ее приглаживая.

– Это хороший кот, – он кивнул в сторону Пуховика и непонятно, кому сказал, то ли Матильде, то ли девочкам.

Как только кошка оказалась в руках Игоря, Пуховик спрыгнул с забора и подошел к Маше, поднял хвост и, вздыбив его, прижался всем телом к ее ногам. Девочки мол-

ниеносно подбежали ко мне и спрятались за моей спиной. Неужели испугались кота? Но Пуховик и в самом деле подрос за эти годы и стал ещё больше.

– Пуховик! – Маша склонилась над ним, поглаживая кота по шерстке.

Я смотрела на них и словно перенеслась в прошлое: вспомнила нашу последнюю встречу с котом и последующее прощание. Тогда мы оставили кота в посёлке, но он и не поехал бы никуда. Да и как я могла просить тогда, считай, незнакомого человека забрать это огромное существо в город? Сама без жилья, без денег, с ребенком на руках, да и ещё кота просить взять с собой...

Но почему сейчас чувствовала вину и стыд, видя, как кот ластился к Маше?

– Мама, он такой большой! Он точно не оттяпает сейчас Маше руку? – спросила Варя.

– Нет. Это Машин друг. Они очень давно не виделись.

Я рассказывала девочкам, что раньше мы жили с Машей в поселке, и про кота рассказывала тоже, но они, наверное, забыли.

Пуховик заурчал, как трактор, и прикрыл глаза от наслаждения. Матильда спрыгнула с рук Игоря, пригладила свою шерсть. Мы молча наблюдали за долгожданной встречей Маши с Пуховиком. Пришёл-таки, окаянный. Всегда он был таким! До последнего себя не обнаруживал. Не удивлюсь, если давно уже прознал о нашем возвращении, но решил прийти

только сейчас. Даже в тот раз, когда уезжали навсегда из поселка, до последнего момента не появлялся.

Матильда приблизилась к Маше с Пуховиком. Аккуратно ступала, словно боялась. Но видимо любопытство взяло верх, ей стало интересно, почему ее хозяйка обнималась с чужим котом. Подошла вплотную к Пуховику и принялась обнюхивать гостя. И больше не поднимала шерсть и не фырчала. Но я бы на ее месте тоже так реагировала, увидев впервые огромного незнакомца. Примерно так же приняховивалась и присматривалась в свое время к Игорю. Боялась его, но все равно было очень любопытно, что это за мужчина, который не побоялся взять под крыло двух девочек и окутал их теплом и заботой.

– Идемте, – Игорь собрал нас в охапку, и мы вернулись на задний двор.

Я испытывала странные ощущения, чувство единения и спокойствия. Девочки отошли к мангалу, разговаривая о коте и восхищаясь его красотой, а я присела на скамейку и поглядела на Игоря:

– Понимаю, тебе моя идея сейчас покажется совсем абсурдной. Но... может быть, возьмем кота с собой? Если он, конечно, будет не против...

Игорь посмотрел на меня недоуменным взглядом.

– У нас частный дом, живности у соседей нет. Матильда привыкнет со временем, – продолжала я неуверенно перечислять доводы.

– Намекаешь, что нарожает, спустя время, таких же огромных котят? – вдруг рассмеялся Игорь.

И я рассмеялась следом за ним, но о таком исходе даже и не подумала. Да, это несколько опасное предложение. Каждый год определять ее котят в добрые руки будет нелегкой задачей.

– Если он сам поедет с нами, я не против, но насильно его затаскивать в машину и слушать его дикое мяуканье, даже не мяуканье, а тигриный рев, судя по его комплекции, я не хочу. И тем более, он все равно дикий. Да, я помню, ты говорила мне о той встрече с бабушкой из поселка, что кот ходил и искал вас какое-то время после отъезда. Но насильно мил не будешь. Он, может быть, просто рад вас видеть и не более того.

– Ладно, – я тяжело вздохнула. – Ты прав, ну не насильно же тащить его в город?! – Я просто поддалась эмоциям. Увидела их с Машей...

Игорь довольно ухмыльнулся.

– Он красивый, конечно. Может быть, Матильда отойдет от первоначального шока и поможет вам заарканить красавца, но сильно сомневаюсь, уж слишком своенравный у того характер.

– А я не против, чтобы этот громила поехал с нами, – вдруг заявила Варя.

– Подслушивать взрослых нехорошо, – заметила я.

Мы с Игорем переглянулись и снова рассмеялись.

После ужина мы вернулись в дом, Машка выглядела счастливой донельзя и, закрывшись с девчонками в комнате, достала краски и принялась рисовать. Я даже знала, что она сейчас рисовала. А вот Матильда не вернулась ночевать домой... Игорь ходил, искал ее по поселку. Но наша любимица похоже, рассмотрела местного молодца и пустилась во все тяжкие. И как бы Игорь не оказался прав, что вскоре я буду искать, кому бы раздать котят. Если это окажется правдой, одного точно оставим себе в память о Пуховике. Сомневаюсь, что он захочет поехать с нами.

Всю ночь я ворочалась и уснула только под утро. Думала о двух полосках на тесте и уже втайне от Игоря наглаживала низ живота, представляя, что через несколько месяцев буду гладить маленькую головку, вдыхать сладкий аромат и трогать крохотные пальчики.

Наутро я проснулась с тяжелой головой. Я поспала от силы пару часов из-за всех этих мыслей. Благо вещи были собраны со вчерашнего дня. Маленькие хвостики бегали за нами с Игорем и помогли перетащить часть вещей в машину. Маша собирала свои принадлежности для рисования. Даже блудница вернулась с ночных походов. Наверное, проголодалась. Выглядела она счастливой и помятой. Я покормила ее и, взяв на руки, погладила по спинке.

– Будем вместе ходить с животами и перекатываться как колобки, да? – тихо сказала ей, на что Матильда довольно заурчала и прикрыла глаза.

Когда все вещи были погружены в машину, мы зашли в дом, присели на дорожку. Окинула взглядом дом, вспоминая, не забыли ли чего, и все впятером мы вышли на улицу. Игорь закрыл дверь, а девочки побежали в машину. Маша стояла посреди дороги и, как много лет назад, смотрела куда-то вдаль. Я понимала, что она ждала Пуховика. И не знала, придет ли он, или его вчерашний визит был последним в этом году. На следующий год мы наверно опять приедем, посмотрим, как все сложится. Если беременность подтвердится, то мне тяжело будет ехать на такие дальние расстояния в большом составе с младенцем на руках.

– Ну что, все готовы? – бодро спросил Игорь.

– Да! Да! – громко заверещали близнецы, и только Маша грустно опустила голову.

Вот вроде уже такая взрослая. И жизнь у нас с ней в поселке была тяжелая, а ее тянуло сюда как магнитом. Я всегда почему-то думала, что из-за Пуховика.

– Гном, все ждем тебя, – ласково сказал Игорь.

– Да, – она кивнула и вдруг выпрямила спину и, подскочив на месте, куда-то рванула.

Неужели, пришел? Я выбралась из машины. Матильду мы посадили в переноску, чтобы она не вздумала убежать перед самым отъездом. В дороге девчонки ее выпускали, и она укладывалась на колени к Маше. Кошка жалобно замыкала в своем домике. Может на своем кошачьем языке просила Пуховика не уходить и остаться с нами?

Игорь выбрался следом и подошел ко мне, глядя на Машу и кота.

– Чувство дежа вю, не иначе, – тихо проговорил он и тяжело вздохнул.

– Да... – согласилась я, глядя, как Маша подняла кота и прижала к себе.

Сестра подошла вместе с Пуховиком к машине и решительно на нас посмотрела:

– В прошлый раз я была очень маленькая. Хотя уже тогда понимала, что коту лучше остаться в привычном ему месте. Жалела Аню и не хотела нагружать Игоря заботой об еще одном члене семьи. Но он моя семья. Я сюда приехала за ним, и я его заберу с собой, нравится вам это или нет.

– Вот как, – ухмыльнулся Игорь и посмотрел на меня, улыбаясь. – А ты у него спросила? Он-то хочет в город? – кивнул на кота.

– Захочет!

Никогда не видела Машу такой. Но и перечить ей я не собиралась. Да и с Игорем мы вроде уже все решили вчера.

– А котят потом, которых он Матильде наделает, сама будешь по подружкам раздавать? – Игорь вошел в кураж и снимал с себя все обязательства.

– Сама! – прошла мимо нас с гордо поднятой головой.

А кот в руках ее присмирел и даже не вырывался. Будто и правда, с нами собрался уезжать? Совсем на него не похоже. Видимо, не одна Маша столько лет ждала этой встречи...

Игорь улыбнулся и толкнул меня в бок:

– Какая бойкая выросла. Кого-то она мне напоминает, – разразился хохотом и вернулся в машину.

Я подошла к задней двери и окинула взглядом близнецов, которые уже облепили Машу и смотрели на кота огромными глазами. Такого большого они видели второй раз в жизни. Матильда исходилась в жалобном мяуканье в переноске, которая ходила ходуном.

– Аня, теперь все ждем тебя. Только не говори, что и ты ждешь какого-нибудь кота или собаку, – пошутил Игорь. – Свободных мест в машине больше нет!

Я, захлопнула дверь, забралась на пассажирское сидение рядом с мужем.

– Кажется, теперь вся семья в сборе. Едем домой. А ты, – повернулась к Маше, которая прижимала к себе кота, – скажи спасибо своей Матильде. Наверное, он свою своенравную и гордую сущность растерял, благодаря ей.

Пуховик сидел на коленях Маши с умным видом, будто все понимал и, ей-богу, мне на секунду показалось, что я увидела улыбку на морде кота.

Семь месяцев спустя.

– Какой маленький! Какой маленький! – пищали Варя и Вася, склонившись над маленьким конвертом с голубой ленточкой.

– Ну-ка, трещотки, по старшинству! – втиснулась Маша и

заглянула в конверт.

Мы договорились с Игорем, что в этот раз обойдемся без торжественной выписки. По-тихому и скромному уедем из роддома, немного пофотографируемся и снимем видео на память. Как и в прошлый раз, приехали родители Игоря. Станислав тоже приехал, но без супруги. Марина приехать не смогла, ей вот-вот тоже предстояло рожать, и она уже легла в роддом. Приехала и Вера Александровна, наша вторая бабушка.

Роды пришлись на конец апреля. Леша, так Игорь решил назвать сына, чуть-чуть не дотянул до дня рождения сестричек. Но так даже лучше. Будет небольшой запас в подготовке к праздникам. Вряд ли я еще решусь пойти за одним малышом. Хотя эта беременность и роды прошли отлично. В отличие от недоношенных близнецов, Леша родился в срок, и нас с ним выписали уже на пятые сутки. Ребенка мне отдали сразу же после родов и осмотра врачами, и больше мы с ним не расставались.

Я стояла в сторонке, пока Игорь, присев на корточки и держа сына на руках, показывал его сестричкам. Смотрела на них и понимала, что я абсолютно счастливый человек. Рядом со мной любящий и любимый человек, наши дети здоровы и улыбаются, а мы еще с Игорем полны сил, чтобы дарить им свою любовь и эти улыбки.

Большое спасибо за поддержку, отзывы, внимание! #

Надеюсь, Вы получили от прочтения бонуса удовольствие #